ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47
2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (650) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр фон Гумбольдт* (1769–1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, один из основоположников физической географии, биогеографии и сравнительной климатологии, младший брат лингвиста и реформатора образования Вильгельма фон Гумбольдта.

Гумбольдт родился в Берлине в состоятельной прусской семье. Рано лишившись отца, он получил образование у частных учителей, затем изучал естественные науки, экономику и горное дело во Франкфурте-на-Одере и Гёттингене, а также в горной академии Фрайберга под руководством Абраама Готлиба Вернера. В 1792–1796 годах служил горным инспектором во Франконии: рационализировал добычу руды, основал горные училища для рабочих и провёл первые опыты с гальваническим током, увлёкшие в молодости самого Алессандро Вольта. Тогда же у него завязалась дружба с Гёте, которому Гумбольдт передавал идеи сравнительной анатомии и морфологии растений и с которым устраивал совместные опыты в йенском доме поэта. К концу столетия он путешествовал по Германии, Швейцарии и Италии, изучая минералогию и строя планы далёких странствий.

Определяющим событием жизни стала экспедиция в испанскую Америку в 1799–1804 годах, предпринятая вместе с французским ботаником Эме Бонпланом на средства собственного наследства, полученного после смерти матери. Разрешение на поездку Гумбольдт выпросил лично у испанского короля; всё снаряжение и приборы он вёз за свой счёт, а само плавание из Ла-Коруньи едва не закончилось крушением в штормовую ночь.

Путешественники прошли и проплыли около 65 тысяч километров по Венесуэле, Кубе, Колумбии, Эквадору, Перу и Мексике, переправились через Анды и исследовали истоки Амазонки. В июне 1802 года на вулкане Чимборасо они поднялись до высоты 5878 метров — рекордной для человека того времени, остановившись менее чем в 400 метрах от вершины. В трактате «Идеи о физиогномике растений» и на знаменитом графике Naturgemälde Гумбольдт впервые наглядно изобразил высотную поясность растительности, связав высоту, температуру и характер флоры в единую картину. Он ввёл в науку понятие изотерм, описал холодное Перуанское течение, позже названное его именем, измерил магнитное поле Земли от Атлантики до Тихого океана и первым задокументировал связь геомагнитных возмущений с полярными сияниями. Наблюдения за вырубкой лесов и обмелением озера Валенсия в Венесуэле позволили ему одним из первых указать на изменение климата под влиянием деятельности человека. Малоизвестный эпизод той же экспедиции: для изучения электрических угрей Гумбольдт ставил опыты на коровах и лошадях, одна из которых пала от разряда, а сам естествоиспытатель был сбит ударами тока с ног.

Возвратившись в Европу, он более двадцати лет жил в Париже, обрабатывая материалы экспедиции; итогом работы стали тридцать томов «Путешествия в равноденственные области Нового Света» и «Политический очерк Королевства Новая Испания» — труд, полвека остававшийся образцом экономико-географического страноведения. В очерке о Кубе Гумбольдт дал бескомпромиссную критику рабовладения, за что испанские власти изъяли и уничтожили значительную часть тиража. В 1829 году по приглашению Николая I он совершил путешествие по России — от Петербурга через Урал до Алтая и Каспия — и на основе собранных данных обосновал направление поисков алмазов в уральских россыпях, где вскоре и были найдены первые алмазы. В 1827–1828 годах Гумбольдт прочёл в Берлине цикл публичных лекций, собравший, по свидетельствам современников, до тысячи слушателей; их переработка легла в основу «Космоса».

Последние десятилетия ученого прошли в Берлине: он был камергером Фридриха Вильгельма III, меценатом и покровителем молодых исследователей, среди которых были Жан Луи Агассис и Юстус Либих.

Главным делом жизни Гумбольдта стал пятитомный «Космос» (1845–1862) — опыт единого естественнонаучного описания мира; последние тома были изданы по черновикам автора и вышли посмертно. Историки называют созданный им стиль исследований «гумбольдтовской наукой» — комплексным и инструментально точным изучением взаимосвязей природных явлений.

Гумбольдт состоял членом почти всех европейских академий, отказался от профессорских кафедр ради научной независимости и израсходовал состояние на экспедиции и издания, доживая на жалованье при дворе. Он не создал семьи, разделял дом с братом и его семьёй, а после смерти Вильгельма жил в апартаментах при Потсдамском дворце; король Фридрих Вильгельм IV называл его «старейшим чиновником моего двора». Известен Гумбольдт и как меценат литературы: он выплачивал пожизненное содержание Генриху Гейне.

Гумбольдт умер 6 мая 1859 года в Берлине, не дожив четырёх месяцев до девяноста лет, и был похоронен в семейном склепе в имении Тегель под Берлином. Его имя носит холодное течение, пингвин, кальмар, лилия, кратер и море на Луне, а также университеты и научные общества в Берлине и других городах мира.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Авакян М. Э.
Понятие и сущность должностных преступлений в таможенных органах: история и современность 157

Аверина А. А.
Проблемы квалификации неисполнения приказа сотрудником органа внутренних дел (статья 286.1 УК РФ) 161

Акимов Д. Р.
Актуальные правовые проблемы претензионно-исковой работы в коммерческой деятельности: процессуальные гарантии, цифровые доказательства и управление рисками 163

Алкеева К. С., Реймер Л. Р.
Процедура установления трудового договора с трудовыми мигрантами: проблемы теории и практики 165

Андросова Е. Ю., Пашанина В. И.
Амнистия и помилование в уголовном праве России 169

Арчинов М. Р.
Культурные права и свободы человека и гражданина: теория и практика реализации 171

Атамджанова С. Е.
Проблемы реализации права на социальное обеспечение лиц, занятых на цифровых платформах 177

Базяк А. С.
Регистрационный учёт по месту жительства и место жительства как гражданско-правовая категория: проблемы разграничения 180

Байбус М. А.
Структура и содержание криминалистической характеристики личности преступника по делам о преступлениях, совершаемых против основ конституционного строя и безопасности государства 184

Басин А. С.
Предупреждение преступлений на рынке жилья: криминологическая характеристика и предложения по улучшению профилактики 186

Бельской А. А., Belsky A. A.
Эволюция и структурные дефекты правового регулирования прохождения государственной службы в Российской Федерации 188

Бельской А. А., Belsky A. A.
Правовые проблемы и коллизии при прохождении государственной службы в условиях цифровой трансформации и ужесточения антикоррупционных требований 191

Борисов И. И.
Реабилитация в уголовном процессе: понятие, основания и порядок возмещения вреда. Актуальные проблемы теории и правоприменения 195

Борисова А. Е.
Законный режим имущества супругов 199

Головко Н. В., Бояркина С. А.
Цифровые следы при расследовании торговли несовершеннолетними: развитие криминалистического наследия профессора Н. П. Яблокова 203

Бурова П. О.
Государственная поддержка инновационной деятельности 207

Воробьев С. С.
Средства и способы изобличения лжи в показаниях по уголовному делу 210

Воробьев С. С.
Особенности тактики допроса потерпевшего, обвиняемого и свидетеля, дающих ложные показания 215

Гачегова С. С.
Противодействие легализации (отмыванию) доходов как ключевой элемент экономической безопасности государства 224

Герасименко И. Г.
Борьба с латентностью краж в общественном транспорте: криминологический анализ и направления противодействия 225

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Понятие и сущность должностных преступлений в таможенных органах: история и современность

Авакян Маргарита Эдуардовна, главный государственный таможенный инспектор
Федеральная таможенная служба (г. Москва)

Преступность должностных лиц представляет собой одну из наиболее опасных для общества видов преступности, так как такие деяния затрагивают такие стороны общественной жизни, как установленный порядок деятельности аппарата власти, а также права и законные интересы граждан и организаций. В ряде случаев такие преступления в том числе затрагивают экономические интересы государства.

Указанная категория преступлений имеет особое значение при анализе преступности должностных лиц в таможенных органах. Важно отметить, деятельность таможенных органов непосредственная связана с реализацией полномочий государства в сфере внешнеэкономической деятельности в целом.

Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет таможенные органы как единую федеральную централизованную систему (ст. 253). Их задачи и функции конкретизируются также Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС), в частности положениями о таможенных операциях и таможенном контроле. Таким образом, противоправное использование полномочий сотрудником таможенного органа способно причинить вред не только конкретному участнику внешнеэкономической деятельности, но и публичным интересам, связанным с наполнением бюджета, безопасностью государства и законностью международного товарооборота.

Для углубленного изучения должностной преступности в таможенных органах важно в первую очередь обратиться к истории ее образования и попыткам санкционирования со стороны законодательства данного вида преступности. Следует понимать, что современная модель уголовно-правовой охраны государственной службы сформировалась в результате длительного развития российского законодательства.

Обращаясь к источникам права Российской Федерации, следует обратить особое внимание, что отдельные формы ответственности за злоупотребления служебным положением и получения незаконных вознаграждений получили нормативное закрепление уже в ранних памятниках русского права.

В частности, положения Судебника 1550 г. традиционно рассматриваются в историко-правовой литературе как один из этапов законодательного оформления ответственности представителей публичной власти за неправомерное осуществление служебных функций.

В XIX в. соответствующие нормы получили более систематизированное выражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., где взяточничество разграничивалось на «мздоимство» и «лихоимство»: первое связывалось с получением незаконного вознаграждения без нарушения обязанностей по службе, тогда как второе предполагало использование служебного положения вопреки закону и служебным обязанностям. Эти исторические формы ответственности являлись предшественниками современных уголовно-правовых запретов на получение взятки и злоупотребление должностными полномочиями. Для таможенной сферы данная проблематика имела самостоятельное значение вследствие значительного объема усмотрения чиновников при осуществлении контроля за перемещением товаров и сбором платежей.

Вместе с тем развитие российского таможенного законодательства второй половины XIX — начала XX в. свидетельствует об усложнении правового регулирования деятельности таможенных чиновников и ответственности за нарушения установленного порядка.

Существенное значение для развития понятийного аппарата должностной преступности в таможенных органах имел также Таможенный устав по европейской и азиатской торговле 1892 г. Данный источник права впервые регламентирует организацию таможенного управления и порядок осуществления таможенных операций. Если говорить о принципиальном значении данного акта в первую очередь им сформировано специальный нормативный порядок таможенной служб, нарушение которого могло повлечь предусмотренные законодательством последствия.

Обращаясь к источникам непосредственно уголовного законодательства, внимание заслуживает Уголовное уложение 1903 г., которое в свою очередь уже предусматривало ответственность за должностные преступления и развивало законодательную дифференциацию соответствующих деяний.

Анализируя нормы Таможенного устава по европейской и азиатской торговле 1892 г. и Уголовного уложения 1903 г. можно сделать выводы, что законодательство указанного периода четко разграничивало преступность в сфере таможенной деятельность со стороны лиц, осуществляющих так называемую внешнеэкономическую деятельность и должностную преступность служащих в таможенных органах (например, деяния, при которых служебное положение позволяло «чиновнику» (государственному служащему) влиять на прохождение товаров через границу, размер подлежащих уплате платежей, результаты контроля и применение предусмотренных законом мер, что в свою очередь создавало предпосылки для злоупотребления полномочиями и получения незаконного вознаграждения).

Анализ и выделенные этапы развития института ответственности должностных лиц систематизированы и представлены в таблице 1.

Таблица 1

Исторический период	Основные источники регулирования	Характеристика должностной ответственности	Значение для таможенной сферы
XVI–XVII вв.	Судебник 1550 г. и последующее законодательство	Первоначальное нормативное закрепление ответственности представителей власти	Формирование представления о недопустимости использования служебного положения вопреки публичному интересу
XIX в.	Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.	Разграничение мздоимства и лихоимства	Формирование дифференцированной ответственности за получение незаконного вознаграждения
Конец XIX — начало XX вв.	Таможенный устав по европейской и азиатской торговле 1892 г.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Уголовное уложение 1903 г.	Детализация порядка деятельности таможенной администрации и ответственности	Усиление правового регулирования таможенных чиновников и процедур
Советский период	УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.	Развитие института должностных преступлений в системе государственной службы	Расширение круга нарушений, связанных с использованием властных полномочий
Современный период	УК РФ 1996 г.; ФЗ № 273-ФЗ; ФЗ № 114-ФЗ; ФЗ № 289-ФЗ	Системная уголовная и антикоррупционная регламентация	Дифференциация ответственности с учетом статуса должностного лица и характера таможенных полномочий
Международный уровень	UNCAC, Пересмотренная Арушская декларация ВТамО	Унификация стандартов противодействия коррупции и повышения добросовестности	Переход к комплексной системе профилактики, контроля, аудита и цифровизации

В постреволюционный период (1917 г.) законодательство России терпит существенные изменения, в том числе в вопросах должностной преступности. Рассматриваемый институт претерпел существенные изменения, которые имеют значения в настоящее время, а именно данный период характеризуется более широким содержанием понятия должностного преступления. Именно в послереволюционное время должностным преступлением уже является противоправное использование властных и управленческих полномочий представителями государственного аппарата в современном представлении, что и создало основу для понятия, используемого в настоящее время.

Первое закрепление выше анализируемых изменений можно наблюдать в УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. Стоит отметить, что концепция признания деяний государственных служащих противоправными довольно видоизменена по сравнению с рассматриваемыми периодами развития государства и права России. Данный период характеризуется тем, что уже не каждое нарушение установленной дисциплины является преступлением, а только то, которое имеет признаки конкретного состава (наиболее общественно-опасного) и прямо запрещено под угрозой наказания.

Данная тенденция как упоминалось ранее имеет значения и в наши дни. Анализируя действующее законодательства, мы можем отметить следующее.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) должностная преступность сосредоточена преимущественно в главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», к которой относятся злоупотребление и превышение должностных полномочий, получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, служебный подлог и халатность.

Однако «использование должностным лицом либо иным лицом своего служебного положения» также используется в качестве признака совершенных преступлений, предусмотренных другими нормами Особенной части УК РФ, в частности ст. 169, 194, 226.1 и 229.1 УК РФ и является квалифицирующим для целей квалификации совершенных деяний.

В связи с вышеизложенным стоит отметить, что понятие «должностных преступлений в таможенных органах» в настоящем исследовании используется больше, как научная и криминологическая категория, охватывающая преступления, совершенные должностными лицами посредством либо в связи с использованием служебного статуса, а также отдельные преступления, в которых использование служебного положения выступает квалифицирующим или конструктивным признаком.

Говоря о специфике исследуемого института (должностной преступности), в целях глубоко изучения рассматриваемой темы прежде всего важно отметить особый правовой статус должностных лиц таможенных органов.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации», к должностным лицам таможенных органов относятся граждане, замещающие должности сотрудников таможенных органов, которым присвоены специальные звания, а также федеральные государственные гражданские служащие таможенных органов.

При этом для целей квалификации преступлений необходимо учитывать более узкое понятие должностного лица, закрепленное в примечании к ст. 285 УК РФ. Так, должностным лицом признается лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах и иных предусмотренных законом организациях. Поэтому сам факт прохождения службы в таможенном органе еще не означает автоматического признания конкретного лица субъектом любого должностного преступления: юридическое значение имеют фактически выполняемые им функции, объем предоставленных полномочий и характер совершенного деяния.

С уголовно-правовой точки зрения сущность должностного преступления в соответствующих органах заключается в неправомерном использовании публичных полномочий либо ненадлежащем исполнении служебных обязанностей таким образом, который причиняет предусмотренный уголовным законом вред охраняемым общественным отношениям. Например, ст. 285 УК РФ связывает ответственность за злоупотребление должностными полномочиями с использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, совершенным из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекшим существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Отдельного рассмотрения требует получение взятки. Статья 290 УК РФ предусматривает ответственность должностного лица за принятие незаконного вознаграждения в связи с совершением действий либо бездействием в интересах взяткодателя, если соответствующие действия входят в служебные полномочия лица либо оно в силу своего должностного положения способно способствовать их совершению, а также за общее покровительство или попустительство по службе. Для таможенной деятельности потенциально значимыми являются ситуации, связанные с незаконным изменением результатов контроля, созданием необоснованных преимуществ участникам внешнеэкономической деятельности, незаконным содействием перемещению товаров либо иным использованием предоставленной законом компетенции в личных интересах.

В ходе исследования полагается целесообразным сделать еще один важный вывод, имеющий особое значение.

Отождествлять должностную преступность с коррупционной преступностью с точки зрения методологического анализа на наш взгляд некорректно.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция включает злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки, злоупотребление полномочиями и иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что должностная и коррупционная преступность частично пересекаются: значительная часть должностных преступлений может иметь коррупционный характер, однако не каждое должностное преступление совершается из коррупционных побуждений, а отдельные коррупционные деяния не исчерпываются составами главы 30 УК РФ.

Анализ зарубежного опыта в подходе определения должностной и коррупционный преступности представлен в таблице 3.

Исходя из представленного анализа можно понять, что законодательство различных стран по-разному подходит непосредственно к составам «должностной преступности», однако в каждом случае присутствует общий признак — противоправное воздействие на осуществление публичных функций посредством предоставления либо получения неправомерного преимущества.

Если говорить о специфичных особенностях должностных преступлений в таможенных органах, то они по большей части характеризуются тем, что государственный

Таблица 2

Критерий	Должностные преступления	Коррупционные преступления
Основной объект	Законная деятельность публичного аппарата и охраняемые законом интересы	Законные интересы общества и государства, нарушаемые вследствие коррупционного поведения
Обязательный признак	Связь с должностным статусом и служебными полномочиями	Незаконное использование положения либо предоставление/получение неправомерной выгоды
Мотив	Может отсутствовать корыстная заинтересованность	Как правило, связан с получением выгоды или предоставлением незаконного преимущества
Примеры	Злоупотребление полномочиями, превышение полномочий, халатность, служебный подлог	Получение/дача взятки, посредничество, коррупционное злоупотребление полномочиями
Соотношение	Более широкая уголовно-правовая характеристика	Часть должностных преступлений может одновременно иметь коррупционный характер

Таблица 3

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г.	Публичное должностное лицо как лицо, занимающее должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе либо выполняющее публичную функцию, и устанавливает международные стандарты криминализации подкупа национальных публичных должностных лиц.
Закон о взяточничестве 2010 г. (Bribery Act 2010) Великобритания	Ответственность за предложение, обещание или предоставление финансового либо иного преимущества для ненадлежащего исполнения соответствующей функции, а также за получение такого преимущества.
Свода законов США § 201 раздела 18 (18 U. S. C. § 201) США	Ответственность за коррупционное предоставление или получение чего-либо ценного с целью повлиять на официальный акт либо побудить публичного служащего нарушить служебную обязанность.

служащий, наделенный определенными полномочиями, осуществляет «государственно-властную» деятельность в сфере, которая само по себе отличается значительным объемом административных процедур, экономической заинтересованностью участников внешнеэкономической деятельности с одной стороны и государства — с другой, а также необходимостью принятия оперативных решений в ряде случаев.

Подводя итог анализу становления института должностной преступности в целом, а в частности преступности должностных лиц таможенных органах, следует отметить, что современное законодательство определяет его как предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, совершаемые должностными лицами таможенных органов с использованием предоставленных им государственно-властных, организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий либо вследствие ненадлежащего исполнения соответствующих обязанностей и посягающие на охраняемые законом права и интересы личности, общества и государства, в том числе в части администрирования в сфере внешнеэкономической деятельности.

Сущность данных преступлений заключается в том, что полномочия, которые предоставляются государством для реализации возложенных международными соглашениями и национальным законодательством обязанностей по обеспечению экономической безопасности, используются вопреки установленным правовым целям либо не реализуется надлежащим образом.

При этом эволюция права России иллюстрирует динамичное изменение норм, санкционирующих ответственность за подобного рода противоправные деяния от наказания за мздоимство и лихоимство к современной системе уголовно-правовых норм, демонстрирующих усложнение представлений о должностной преступности.

Литература:

1. Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — М.: Юридическая литература, 1985.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [Электронный ресурс]. — URL: https://kp.rusneb.ru/item/material/ulozhenie-o-nakazaniyah-ugolovnyh-i-ispravitelnyh (дата обращения: 18.11.2026).
3. Таможенный устав по европейской и азиатской торговле 1892 года.
4. Уголовное уложение 1903 года.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_(1922)

6. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926
7. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
9. О службе в таможенных органах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 30. — Ст. 3586.
10. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 52 (ч. I). — Ст. 6228.
11. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 32. — Ст. 5082.
12. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 // Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/
13. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята Генеральной Ассамблеей ООН 31.10.2003 (Резолюция 58/4) // United Nations. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
14. Bribery Act 2010 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents
15. United States Code. Title 18. Section 201. Bribery of public officials and witnesses [Электронный ресурс]. — URL: https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title18-section201
16. Пересмотренная Арушская декларация о добросовестности и борьбе с коррупцией в таможне [Электронный ресурс]. — Всемирная таможенная организация. — URL: https://www.wcoomd.org/
17. Исторический и нормативно-правовой аспекты отечественной борьбы с коррупцией [Электронный ресурс]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-i-normativno-pravovoy-aspekty-otechestvennoy-borby-s-korruptsiey/pdf
18. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв.: историко-правовое исследование [Электронный ресурс]. — URL: https://static.dissercat.com/content/pravovye-osnovy-borby-s-korruptsiei-v-rossii-v-xvi-xix-vv-istoriko-pravovoe-issledovanie
19. General characteristics of regulating responsibility for abuses of power in Russia: historical aspect [Электронный ресурс]. — URL: https://journals.eco-vector.com/2410–7522/article/view/18181
20. История правового регулирования должностных (служебных) преступлений в советском уголовном законодательстве [Электронный ресурс]. — URL: https://zakon.ru/LibraryHome/DownloadPub?_id=3069

Проблемы квалификации неисполнения приказа сотрудником органа внутренних дел (статья 286.1 УК РФ)

Аверина Алёна Андреевна, студент
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

Статья посвящена комплексному анализу уголовно-правовых и правоприменительных проблем, связанных с составом неисполнения приказа сотрудником органа внутренних дел (ст. 286.1 УК РФ). Введение данной нормы Федеральным законом от 22.07.2010 № 155-ФЗ («Собрание законодательства РФ». 2010. № 30. Ст. 3986; «Российская газета». 2010. 26 июля. № 163) [2] стало ответом законодателя на потребность криминализации преступного бездействия в сфере служебной дисциплины. Однако, как показывает исследование, конкуренция со смежными составами (ст. 285 и 286 УК РФ), сложность доказывания субъективной стороны и причинно-следственной связи, а также отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по оценочным понятиям приводят к фактической неработоспособности данной нормы. На основе анализа судебной статистики и доктринальных источников обосновывается вывод о необходимости либо существенной законодательной корректировки ст. 286.1 УК РФ, либо признания её утратившей силу.

Установление уголовной ответственности за неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 286.1 УК РФ) представляет собой уникальный для российского уголовного закона случай, когда законодатель предпринял попытку криминализировать исключительно бездействие должностного лица в рамках главы о должностных преступлениях. Как известно, диспозиция ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий)

описывает деяние через активную форму — «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий». В период, предшествующий принятию Федерального закона от 22.07.2010 № 155-ФЗ [2], в судебной практике имелись примеры, когда превышение должностных полномочий устанавливалось в фактах преступного бездействия должностных лиц. Введение специальной нормы формально разрешило теоретический спор о возможности «превышения полномочий путём бездействия», однако породило ряд серьёзных проблем правоприменения, которые до настоящего времени не получили удовлетворительного разрешения.

Рассмотрим основные проблемы квалификации ст. 286.1 УК РФ:

1. Конкуренция со смежными нормами как центральная проблема.

Центральной проблемой, препятствующей эффективному применению ст. 286.1 УК РФ, является конкуренция со смежными нормами. Неисполнение приказа сотрудником ОВД, повлёкшее существенный вред, по своим объективным признакам зачастую полностью охватывается составами злоупотребления (ст. 285 УК РФ) или превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). В доктрине уголовного права неоднократно указывались сложности разграничения данных преступлений. Как отмечают исследователи, для устранения конкуренции предлагалось дополнить ч. 1 ст. 286.1 УК РФ оговоркой «при отсутствии признаков злоупотребления должностными полномочиями», однако законодатель не пошёл на такой шаг [4, с. 333].

На практике следственные органы и суды, стремясь избежать рисков двойного вменения, предпочитают квалифицировать деяния по более «отработанным» и обеспеченным разъяснениями Пленума нормам. Это создаёт ситуацию, при которой специальная норма, призванная дифференцировать ответственность за нарушение служебной дисциплины, фактически вытесняется общими составами должностных преступлений.

2. Проблемы доказывания ключевых элементов состава.

Вторая группа проблем связана с бременем доказывания ключевых элементов состава. Для вынесения обвинительного приговора по ст. 286.1 УК РФ необходимо в совокупности установить:

Во-первых, что приказ был отдан в установленном законом порядке и не противоречил закону. Это требование предполагает проверку как формальных аспектов (наличие у начальника полномочий на издание приказа, соблюдение процедуры его отдания), так и содержательных (соответствие приказа не только закону, но и ведомственным нормативным актам). Защита по делам данной категории традиционно строится на оспаривании законности самого приказа; если доводы защиты находят подтверждение, состав преступления исключается. А. В. Бриллиантов указывает, что приказ должен быть адресован конкретному лицу (конкретной индивидуально определённой группе лиц) и носить характер требования о совершении конкретных действий, а не быть нормативным по своему содержанию [3, с. 18];

Во-вторых, что сотрудник действовал умышленно, то есть осознавал, что не исполняет приказ, и желал этого либо сознательно допускал соответствующие последствия. Доказывание умысла в условиях, когда неисполнение может быть обусловлено объективными причинами (технические сбои, недостаточная информированность, форс-мажорные обстоятельства), представляет значительную сложность. Субъективная сторона данного состава требует установления именно прямого умысла, что существенно сужает сферу его применения [5, с. 42];

В-третьих, что между неисполнением и наступившими последствиями имеется прямая причинно-следственная связь. При этом последствия должны носить характер существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. Суды обязаны указывать в приговоре, какие именно права были нарушены и существует ли причинная связь.

3. Нечёткость формулировок и отсутствие официального толкования.

Третья проблема — нечёткость формулировок и отсутствие официального толкования. Диспозиция ст. 286.1 УК РФ оперирует оценочным понятием «существенный вред», аналогичным тому, что используется в ст. 285 и 286 УК РФ. Однако если по последним Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (в ред. Постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 7) [5] даёт развёрнутые разъяснения о содержании «существенного нарушения прав и законных интересов», то для ст. 286.1 УК РФ подобных разъяснений нет [8, с. 112]. Это создаёт предпосылки для неединообразного понимания нормы судами и усиливает неопределённость правового регулирования.

В условиях, когда объективная сторона неисполнения приказа может внешне совпадать с дисциплинарным проступком, отсутствие чётких уголовно-правовых критериев разграничения создаёт риск как необоснованного привлечения к уголовной ответственности, так и, напротив, ухода виновных от неё. Оценочный характер понятия «существенный вред» в отсутствие официального толкования применительно к ст. 286.1 УК РФ означает, что каждый суд вынужден самостоятельно определять его содержание, что противоречит принципу правовой определённости.

Кроме того, дискуссионным остаётся вопрос о соотношении понятий «неисполнение приказа» и «ненадлежащее исполнение приказа». Диспозиция ст. 286.1 УК РФ говорит именно о «неисполнении», что предполагает полный отказ от выполнения приказа. Однако на практике возможны ситуации частичного исполнения или исполнения с отступлениями от предписанного порядка, которые по степени общественной опасности могут быть не менее значимыми. А. В. Бриллиантов обращает внимание

на то, что неисполнение может выражаться и в частичном невыполнении предписанного поведения, и подчёркивает необходимость проверять наличие конкретного адресата и конкретных параметров исполнения [3, с. 17]. Законодатель не даёт ответа на вопрос, охватываются ли такие формы поведения рассматриваемым составом, что создаёт дополнительные сложности квалификации.

4. Последствия неэффективности нормы и перспективы её реформирования.

Совокупность рассмотренных факторов приводит к тому, что ст. 286.1 УК РФ фактически не выполняет возложенной на неё функции — обеспечения уголовно-правовой охраны отношений служебной дисциплины в органах внутренних дел. В научной литературе обоснованно ставится вопрос о целесообразности её дальнейшего существования. Высказываются предложения как об исключении данной нормы из Уголовного кодекса с возвращением к квалификации соответствующих деяний по ст. 285 или 286 УК РФ, так и о существенной законодательной корректировке.

В случае выбора второго пути представляется необходимым, во-первых, дополнить ст. 286.1 УК РФ примечанием, раскрывающим содержание понятия «существенный вред» применительно к данному составу, либо включить соответствующие разъяснения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19. Во-вторых, требуется чёткое законодательное решение вопроса о конкуренции ст. 286.1 УК РФ со ст. 285 и 286 УК РФ, например путём указания на то, что ст. 286.1 УК РФ применяется лишь при отсутствии признаков составов, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ [4, с. 334]. В-третьих, целесообразно рассмотреть вопрос об уточнении субъективной стороны состава, поскольку требование прямого умысла в действующей редакции существенно ограничивает сферу применения нормы [5, с. 43].

Таким образом, совокупность факторов — конкуренция уголовно-правовых норм, высокое бремя доказывания субъективных и причинных элементов, а также дефицит официального судебного толкования оценочных категорий — приводит к тому, что ст. 286.1 УК РФ остаётся нормой, не находящей сколько-нибудь значимого применения в судебной практике. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ по смежным составам (ст. 286 УК РФ) демонстрируют: при наличии объективной потребности в уголовно-правовом реагировании на должностные преступления правоприменитель выбирает иные, более отработанные механизмы. В научной литературе обоснованно ставится вопрос о целесообразности дальнейшего существования ст. 286.1 УК РФ либо о необходимости существенной законодательной корректировки и принятия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, которые позволили бы отграничить неисполнение приказа от смежных должностных преступлений и повысить эффективность уголовно-правового воздействия за нарушения служебной дисциплины в органах внутренних дел [3, с. 21; 4, с. 335].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс. — URL: (дата обращения: 20.11.2026).
2. Федеральный закон от 22.07.2010 № 155-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 30. Ст. 3986; Российская газета. 2010. 26 июля. № 163.
3. Бриллиантов А. В. О признаках приказа, неисполнение которого сотрудником органа внутренних дел влечёт уголовную ответственность (ст. 286.1 УК) // Уголовное право. 2012. № 4. С. 17–21.
4. Колесников М. В. Вопросы разграничения преступлений, предусмотренных статьями 286 и 286.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Молодой учёный. 2014. № 16 (120). С. 331–335.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (в ред. Постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 7) // КонсультантПлюс. — URL: (дата обращения: 19.11.2026).

Актуальные правовые проблемы претензионно-исковой работы в коммерческой деятельности: процессуальные гарантии, цифровые доказательства и управление рисками

Акимов Даниил Романович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Спор коммерческих организаций редко начинается с иска. Сначала контрагенту направляют претензию, затем готовят исковое заявление и доказательства. Эту последовательность принято называть претензионно-исковой работой. Деловая переписка, а вместе с ней претензии и доказательства, нередко существует только

в электронной форме. Неясно, какие гарантии защищают сторону, если претензия направлена через мессенджер, а основное доказательство представлено лишь скриншотом, и как организация может снизить этот риск.

М. Ю. Осипов определяет правовой риск как «вероятность наступления для субъектов права определенных неблагоприятных правовых (не экономических, не социальных, не культурных) последствий» [9, с. 269]. На досудебном этапе сторона рискует лишиться рассмотрения иска по существу или отсрочить его, если контрагент сошлётся на несоблюдение досудебного порядка и суд с этим согласится. В суде электронное доказательство может быть не признано достоверным.

По части 5 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ спор о взыскании денежных средств из договора может быть передан в арбитражный суд по истечении тридцати календарных дней со дня направления претензии, если иные срок и порядок не установлены законом или договором [1]. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22 июня 2021 г. № 18, «под досудебным урегулированием следует понимать деятельность сторон спора до обращения в суд, осуществляемую ими самостоятельно (переговоры, претензионный порядок) либо с привлечением третьих лиц» [3]. Пленум называет соблюдение обязательного порядка условием права на обращение в суд. Риск здесь процессуальный.

Значение формальных дефектов претензии после этих разъяснений уменьшилось. Е. А. Фокин отмечает, что закон не устанавливает требований к форме и содержанию претензии, и называет обязательный порядок «классическим правовым стимулом» к урегулированию без суда. По пункту 14 постановления № 18 несовпадение сумм в претензии и в исковом заявлении само по себе не означает несоблюдения порядка, если в обращении назван конкретный спор и предложено его урегулировать. Пункт 28 допускает оставление искового заявления без рассмотрения, только если ответчик заявил ходатайство не позднее первого заявления по существу спора и выразил намерение урегулировать спор до истечения срока досудебного урегулирования. При этом гарантии не исключают злоупотреблений. Фокин описывает кредиторов, которые прикладывают к претензии проект искового заявления ради психологического давления на должника либо намеренно оттягивают подачу иска, чтобы увеличить неустойку [10, с. 132–144].

Больше вопросов вызывает способ направления претензии. Согласно пункту 13 постановления № 18, обращение по электронной почте или через мессенджер признаётся соблюдением досудебного порядка, если такой способ прямо назван в нормативном акте или в договоре. Иначе учитывается сложившаяся деловая практика сторон. Направление подтверждается заверенным скриншотом с адресом страницы и точным временем. Статья 165.1 Гражданского кодекса РФ связывает последствия юридически значимого сообщения с моментом его доставки и считает сообщение доставленным, если оно поступило адресату, но не было вручено по зависящим от него обстоятельствам [2]. Если адрес контрагента в договоре не указан, истцу приходится доказывать, что адресат получал сообщения этим способом.

На исковом этапе спор смещается к доказательствам. Часть 1 статьи 75 АПК РФ признаёт письменными доказательствами и документы в цифровой форме, если способ их создания позволяет установить достоверность. Часть 3 допускает документы, полученные по электронной связи, в том числе через сеть «Интернет», в случаях и порядке, установленных нормативными актами или договором, и разрешает суду потребовать оригиналы. Сложности возникают при оценке достоверности. По наблюдению О. С. Маториной с соавторами, единого стандарта признания цифровых файлов доказательством пока нет и в приобщении переписки часто отказывают из-за неподтверждённой личности отправителя. Как отмечают авторы, «информация, содержащаяся в мессенджерах, нестатична», поэтому нужны действия, удостоверяющие участников и содержание переписки, в том числе нотариальный осмотр и удостоверение метаданных [8, с. 118–121].

Д. Р. Зверев исходит из того, что специальных правил исследования электронных доказательств в АПК РФ нет и суды оценивают их по общим правилам статьи 71 АПК РФ, поэтому главным требованием к ним становится достоверность. Единой позиции в литературе нет. Ряд авторов, на которых ссылается Зверев, считает переписку без нотариального заверения лишённой доказательственной силы. Сам он полагает, что заверение не обязательно, если на скриншоте видны дата, адрес страницы, данные составителя и сведения о компьютере, и предлагает закрепить в нормативных актах понятие скриншота и право заверять скриншоты до начала процесса [7, с. 120–124].

Верховный Суд РФ в определении Судебной коллегии по гражданским делам от 7 февраля 2023 г. № 5-КГ22–144-К2 отменил акты трёх инстанций, отклонивших скриншоты переписки как недопустимые и недостоверные. Коллегия напомнила, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Ответчик о фальсификации не заявлял, и суд не должен был сам ставить достоверность скриншотов под сомнение [4]. Дело рассмотрено по правилам ГПК РФ, однако как ориентир эта позиция пригодна и для арбитражного процесса. Поскольку оппонент вправе заявить о фальсификации, риск сохраняется. Снизить его заранее позволяет нотариальное обеспечение доказательств. По Методическим рекомендациям по обеспечению доказательств нотариусами, утверждённым Правлением Федеральной нотариальной палаты 26 июня 2023 г., нотариус обеспечивает доказательства, если есть основания полагать, что их представление впоследствии станет невозможным или затруднительным, и может осмотреть информацию в сети «Интернет» удалённо [5].

Многие из описанных рисков организация может снижать сама. АПК РФ дважды отсылает к договору, когда

говорит о сроке и порядке претензии и о допуске электронных документов в качестве доказательств, а Пленум признал электронную претензию надлежащей, если способ её направления явно указан в договоре. В договор целесообразно включать срок ответа на претензию и адреса электронной почты или мессенджеров для юридически значимых сообщений. Отдельным условием можно признать электронную переписку сторон допустимым доказательством. А. Н. Варламова видит в претензионном порядке средство снизить издержки компании и напряжённость с контрагентами без разрыва деловых связей и предлагает дифференцировать его условия по характеру договора и фактическим отношениям сторон [6]. Договорные меры дополняет внутренний регламент юридической службы. Сторона, которая намерена ссылаться на переписку, заинтересована сохранить её первоисточник до спора, закрепить значимые сообщения нотариальным протоколом осмотра и контролировать тридцатидневный срок. Договор закона не отменяет и действует лишь там, где закон сам допускает иное регулирование.

Тридцатидневный срок из части 5 статьи 4 АПК РФ сохранился, однако после постановления № 18 оспаривать соблюдение досудебного порядка по формальным основаниям стало сложнее. Риск претензионного этапа сместился от формы документа к способу его направления, который во многом определяется договором. На исковом этапе допустимость электронных документов закреплена в статье 75 АПК РФ, но правила проверки их достоверности закон не устанавливает, и учёные расходятся в том, нужно ли заверять переписку у нотариуса. Пока статус скриншота не определён законом, организации целесообразно заранее согласовывать каналы связи и фиксировать значимую переписку до спора. Эти меры не предопределяют исхода дела. Вопрос о том, какие реквизиты скриншота суд должен считать достаточными, остаётся открытым.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.02.2023 № 5-КГ22–144-К2. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11610082 (дата обращения: 17.11.2026).
5. Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами: утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 26.06.2023, протокол № 10/23. URL: https://rulaws.ru/acts/Metodicheskie-rekomendatsii-po-obespecheniyu-dokazatelstv-notariusami/ (дата обращения: 17.11.2026).
6. Варламова А. Н. Претензионный порядок урегулирования договорных споров в контексте общих проблем правовой работы в коммерческих организациях // Учёные записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, кн. 2. С. 392–400.
7. Зверев Д. Р. Скриншот как электронное доказательство в арбитражном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2025. № 2 (61). С. 119–125.
8. Маторина О. С., Шавырина Т. А., Орлова М. В. Приобщение электронной переписки и аудиовизуальных материалов в судопроизводстве // Социология и право. 2025. Т. 17, № 1. С. 116–123.
9. Осипов М. Ю. Понятие и классификация рисков в праве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 269–274.
10. Фокин Е. А. Досудебное урегулирование споров в арбитражном процессе: эволюция и противоречия подходов судебной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14, № 4. С. 124–151.

Процедура установления трудового договора с трудовыми мигрантами: проблемы теории и практики

Алкеева Ксения Сергеевна, студент;
Реймер Ладвига Рудольфовна, преподаватель
Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА (Оренбургская область)

В данной работе рассматриваются трудовые мигранты как особая категория работников. Исследуются, кто же понимается под ними, приводятся статистические данные, определяются их особенности. Авторами выделяются про-

блемы при реализации законодательством деятельности трудовых мигрантов и предлагаются способы их решения. В ходе написания работы были использованы анализ, синтез, индукция, измерение, сравнение.

Ключевые слова: *иностранные работники, квота, трудовые мигранты.*

В Российской Федерации (далее — РФ) при численности населения 146 119 928 человек на 1 января 2025 г. [1], из которых 91,8 миллиона в 2025 г. [2] и 74,60 миллиона в 2026 г. [3] — трудоспособное население, наблюдается недостаток рабочей силы. Законодатель решает данную проблему путем привлечения трудовых мигрантов, которых обозначает как «иностранных работников». Под иностранными работниками понимаются иностранные граждане, временно пребывающие в РФ и осуществляющие в установленном порядке трудовую деятельность [4], что является не совсем верным определением в настоящее время.

Трудовые мигранты получают работу с помощью квот. Квота для данной категории работников ежегодно устанавливается Правительством РФ и распределяется Министерством труда и социальной защиты. В 2024 г. квота составила 155929 мест [5], в 2025 г. — 234958 мест [6], а в 2026 г. — 278940 мест [7]. Это указывает на необходимость увеличения рабочей силы в Центральном (с 27057, 49114 до 78315 мест соответственно), Северо-Западном (с 22387, 31432 до 69690 мест соответственно), Южном (с 1311, 2584 до 3593 мест соответственно), Приволжском (с 2281, 15622 до 23876 мест соответственно) федеральных округах. Снижение, а потом увеличение мест наблюдается в Северо-Кавказском (с 211, 197 до 442 мест соответственно) федеральном округе, а в Сибирском (с 8997, 7110 до 6664 мест соответственно) и в Уральском (с 4782, 6202 до 5435 мест) федеральных округах наблюдается неожиданное снижение количества квот. Размер квот по сравнению с 2024 г. увеличился практически вдвое на 123011 мест.

Трудовые мигранты — обладатели особого статуса работников. Для того чтобы работать в РФ, им требуется разрешение на работу (при наличии визы) либо патент (при отсутствии визы). Исключением является случай, когда иностранный работник временно проживает на определенной территории РФ и не может выезжать по работе за ее пределы. Это не распространяется на лиц, которые имеют вид на жительство, так как их принимают на работу и без предоставления документа, дающего разрешение на трудовую деятельность по соответствующему договору либо патента [8]. Трудовые мигранты могут работать как по трудовому договору, так и по договору гражданско-правового характера при обязательном уведомлении территориального органа Министерства внутренних дел РФ (далее — МВД РФ) в течение трех рабочих дней [9].

МВД РФ в обязательном порядке проверяет, был ли трудовой мигрант поставлен на учет в налоговом органе, с помощью государственной информационной системы миграционного учета. Если проверка окажется неудовлетворительной, то данный орган не позднее дня, следующего за днем принятия к рассмотрению документов для оформления лицу разрешения на работу либо патента, направляет сведения о его постановке на миграционный учет по месту пребывания в налоговый орган по месту своего нахождения, а налоговый орган в те же сроки направляет в федеральный орган МВД РФ или его территориальный орган сведения о постановке иностранного гражданина на учет в налоговом органе [4].

При рассмотрении трудового договора для иностранных работников необходимо обратить внимание на процедуру его установления. Важной особенностью является перечень документов, необходимых для подачи заявления при приеме на работу. Данный перечень составляется на основании ст. 65 и ст. 327.3 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ). В ст. 65 указываются документы, которые необходимо предоставить обычному гражданину РФ, за исключением документа воинского учета, а ст. 327.3 — дополнительные документы, которые должен предоставить трудовой мигрант. К ним относятся разрешение на работу либо патент; документ, удостоверяющий право лица находиться на территории РФ (разрешение на временное проживание, разрешение на временное проживание в целях получения образования, вид на жительство); договор добровольного медицинского страхования либо полис. ТК РФ допускает предоставление разрешения на работу позднее заключения трудового договора, если для получения этого разрешения требуется предоставить данный договор (абз. 6 ст. 327.3 ТК РФ).

Следует иметь в виду, что в 2022 году в ст. 10 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» были внесены изменения, одно из которых заключается в том, что иностранные лица и лица без гражданства, постоянно или временно проживающие в РФ, являются застрахованными лицами. Как следствие, они приобретают соответствующие права при уплате за них страхователями страховых взносов на обязательное медицинское страхование в течение не менее трех лет [10]. В отношении трудовых мигрантов закон закрепил и социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Данные положения не относятся к иностранным гражданам, направленным для работы в расположенные на территории РФ филиалы, представительства и дочерние организации иностранных коммерческих организаций, зарегистрированных на территориях государств — членов Всемирной торговой организации [4].

Особенностью обладают и пенсионные отчисления. В 2023 г. иностранные работники стали застрахованными лицами по всем видам обязательного социального страхования, в связи с чем работодатель платит пенсионные от-

числения Социальному фонду России. Как правило, они соответствуют тем, которые отчисляются для граждан РФ. Однако обязательное социальное страхование распространяется не на всех трудовых мигрантов, это объясняется наличием в соглашениях между странами пункта о том, что их граждане, будучи иностранными рабочими, не являются застрахованными лицами по обязательному пенсионному страхованию (Социалистическая Республика Вьетнам и Китайская Народная Республика). Высококвалифицированные иностранные специалисты, временно пребывающие на территории РФ и иностранные рабочие, осуществляющие трудовую деятельность по гражданско-правовому договору, не являются застрахованными лицами, следовательно, для них пенсионные отчисления не назначаются.

По общему правилу трудовыми мигрантами становятся лица, достигшие 18 лет. Большинство трудовых мигрантов составляют мужчины от 18 до 40 лет, поскольку этот возраст позволяет осуществлять трудовую деятельность наиболее эффективно.

Эта категория лиц может осуществлять трудовую деятельность не на любой работе. Они не допускаются к выполнению проповеднической либо иной религиозной деятельности, к розничной торговле товарами народного потребления, в том числе и фармацевтическими товарами, и т. д. Как правило, они ограничиваются перечнем видов работ, на которые распространяются квоты. То есть их приглашают на выполнение строительных, сельскохозяйственных, производственных работ; работ по обслуживанию зданий и территорий, управлению имуществом; работ в сфере сухопутного пассажирского и автомобильного грузового транспорта; работ в области спорта; работ в сфере розничной торговли алкоголем и табачными изделиями.

Однако регионы РФ вправе устанавливать и свои дополнительные ограничения по видам работ, к которым допускают трудовых мигрантов. Приведем примеры. В Удмуртской Республике им запрещается работать в области предоставления таких услуг, как такси. В Амурской области нельзя принимать иностранных сотрудников для работы в сфере растениеводства, животноводства и охоты. В Оренбургской области — запрет в сфере розничной торговли алкогольной продукцией и табачными изделиями. В Московской области запретили работать в сфере общественного питания, социальных и медицинских услуг в 2025 г. [11]. В 2026 г. в Удмуртской Республике, Краснодарском и Красноярском краях, Амурской, Астраханской, Вологодской, Новосибирской и Рязанской областях и г. Москвы запрещается им выращивать овощи; в Красноярском крае, Новосибирской области и г. Москве — лесоводство и лесозаготовки, в этих же субъектах, а также в Рязанской области запрещается обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения и т. д. [12]. Это объясняется различными особенностями самих регионов, их отношением к иностранным гражданам, наличием необходимости привлекать помощь от других государств.

Наличие разнообразных нормативно-правовых актов, направленных на регулирование трудовых отношений таких мигрантов, к сожалению, не обеспечивает отсутствие проблем. Во-первых, это проблема нелегального рынка иностранной рабочей силы. Трудовые мигранты работают по сравнению с гражданами РФ за низкую заработную плату. В связи с чем использование трудовых мигрантов было бы экономически выгоднее для работодателя, но квоты и требования к привлечению таких лиц строго регламентируются нормативно-правовыми актами. В судебной практике также можно найти прецеденты, указывающие на наличие нелегальных трудовых мигрантов. К примеру, в 2024 г. в Краснодарском крае Армавирский городской суд привлек к административной ответственности ООО «Стройкачество» за привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина при отсутствии патента [13]. В том же году Октябрьский районный суд г. Пензы привлек к ответственности ООО «Комбинат питания № 1» за привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина при отсутствии у него разрешения на работу [14]. Наличие таких примеров показывает необходимость изменения трудового законодательства в отношении трудовых мигрантов, в том числе совершенствование системы квот и правового статуса иностранного рабочего.

Характеристика правового статуса иностранного рабочего также является проблемой. Она выражается в отсутствии проработанного статуса данной категории лиц. В ТК РФ нет статей, указывающих на конкретный перечень субъективных прав и юридических обязанностей трудовых мигрантов, что не является рациональным. Особая категория работников требует к себе особого подхода, который явно не будет соответствовать регулированию трудовых отношений граждан Российской Федерации. Поэтому целесообразно было бы закрепить в Главе 50.1 ТК РФ статью «Права и обязанности работника, являющегося иностранным гражданином или лицом без гражданства».

В-третьих, несовершенство понятия «иностранный работник». Проблема заключается в том, что в определении указана формулировка «временно пребывающего в Российской Федерации», в то время как ТК РФ закрепляет возможность заключать трудовой договор как на определенный, так и на неопределенный срок (абз. 5 ст. 327.1 ТК РФ). Кроме того, в таком случае не могут осуществлять трудовую деятельность иностранные граждане, которые временно проживают на территории Российской Федерации либо имеют вид на жительство. Следовательно, наблюдается необходимость изменения содержания абз. 14 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» следующим образом: «иностранные работники — это иностранные граждане или лица без гражданства, постоянно либо временно находящиеся на

территории Российской Федерации с целью осуществления в установленном законом порядке трудовой деятельности».

В итоге следует сказать, что современное трудовое законодательство в отношении трудовых мигрантов не разработано на должном уровне. У них практически отсутствует законодательное закрепление гарантий, прав и обязанностей. К ним применяются различные ограничения, которые создают условия, затрудняющие осуществление свободной трудовой деятельности. Даже в самом законодательном определении трудового мигранта присутствуют факты, противоречащие другим федеральным законам. В связи с этим предлагается рассмотреть возможность внесения указанных ранее изменений в законодательство Российской Федерации с целью улучшения правового, социального и экономического положения трудовых мигрантов, снижения уровня нелегального использования их рабочей силы.

Литература:

1. Ткачев И. Росстат назвал численность россиян к началу 2025 года [Электронный ресурс] // РБК: [сайт]. — 2025. — URL: https://www.rbc.ru/society/31/01/2025/679ceb1f9a794739d6fa3ad1?from=newsfeed (дата обращения: 19.11.2026).
2. Крюков М. К 2027 году россиян трудоспособного возраста станет больше на 2 миллиона человек [Электронный ресурс] // Парламентская газета: [официальный сайт]. — 2026. — URL: https://www.pnp.ru/social/k-2027-godu-rossiyan-trudosposobnogo-vozrasta-stanet-bolshe-na-2-mln-chelovek.html (дата обращения: 19.11.2026).
3. Trading Economics: официальный сайт. — 2026. — URL: https://ru.tradingeconomics.com/russia/employed-persons (дата обращения: 19.11.2026).
4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 29.07.2002. — № 30. — Ст. 3032.
5. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22.12.2023 № 884н «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2024 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности» [Электронный ресурс] // Гарант: [официальный сайт]. — 2026. — URL: https://base.garant.ru/408323557/ (дата обращения: 19.11.2026).
6. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 09.12.2024 № 680 «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) для привлечения иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, на 2025 год [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты: [официальный сайт]. — 2012–2025. — URL: https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2942. Дата обращения 19.11.2025.
7. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.01.2026 № 39 «О внесении изменений в приложение к приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 декабря 2025 г. № 700» [Электронный ресурс] // Гарант: [официальный сайт]. — 2026. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413480546/?ysclid=mok0iwuqki185985259 (дата обращения: 18.11.2026).
8. Трудовая миграция в России: найм иностранных работников, актуальная статистика и тренды [Электронный ресурс] // Центр правовой защиты и социально-культурной адаптации мигрантов РОСМИГРАНТ: [сайт]. — 2020. — URL: https://росмигрант.рф/press-center/news/novosti/trudovaya-migratsiya-v-rossii-naym-inostrannykh-rabotnikov-aktualnaya-statistika-i-trendy/ (дата обращения: 18.11.2026).
9. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 30.07.2020 № 536 «Об утверждении формы ходатайства иностранного гражданина (лица без гражданства) о привлечении его в качестве высококвалифицированного специалиста и порядка его заполнения, а также форм и порядков уведомления Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа об осуществлении иностранными гражданами (лицами без гражданства) трудовой деятельности на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант: [официальный сайт]. — 2026. — URL: https://base.garant.ru/74775946/dbddb101044a4418ba9fcf35194e29d2/ (дата обращения: 19.11.2026).
10. Прокуратура Кологривского района: О правах иностранных граждан в сфере обязательного медицинского страхования [Электронный ресурс] // Прокуратура Костромской области: [официальный сайт]. — 2003–2026. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_44/activity/legal-education/explain?item=76742441 (дата обращения: 19.11.2026).
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.12.2024 № 1796 «Об установлении на 2025 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 23.12.2024. — № 52. — Ст. 8337.

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.12.2025 № 1995 «Об установлении на 2026 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: [официальный сайт]. — 2005–2026. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512120034?ysclid=mok26w8xty560086311&index=3 (дата обращения: 19.11.2026).
13. Постановление Армавирского городского суда Краснодарского края от 16.07.2024 по делу № 5–942/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — 2012–2026. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/3JBtWQmuKrr1/ (дата обращения: 19.11.2026).
14. Постановление Октябрьского районного суда г. Пензы от 9 февраля 2024 по делу № 5–1100/2023 5–3/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — 2012–2026. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/nSQLXQFSZkVu/ (дата обращения: 19.11.2026).

Амнистия и помилование в уголовном праве России

Андросова Елизавета Юрьевна, студент;
Пашанина Василиса Игоревна, студент
Научный руководитель: Лошкарева Ирина Александровна, преподаватель
Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Орел)

В статье рассматриваются амнистия и помилование как институты уголовного права Российской Федерации. Анализируются их конституционные основы, порядок применения, различия, а также проблемы современной практики.

Ключевые слова: *амнистия, помилование, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, судимость, Государственная Дума, Президент Российской Федерации, гуманизм.*

Институты амнистии и помилования занимают в российском уголовном праве особое место. С одной стороны, они прямо закреплены в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) в главе 12 «Амнистия. Помилование. Судимость». С другой стороны, решения об их применении принимают не суды, а Государственная Дума и Президент Российской Федерации, то есть органы, стоящие вне системы уголовной юстиции.

Согласно пункту «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации амнистия и помилование относятся к ведению Российской Федерации. Объявление амнистии отнесено к полномочиям Государственной Думы (пункт «ж» части 1 статьи 103), а осуществление помилования — к полномочиям Президента (пункт «в» статьи 89). Часть 3 статьи 50 Конституции гарантирует осуждённому право просить о помиловании [1].

Уголовно-правовое содержание амнистии раскрывается в статье 84 УК РФ. Амнистия объявляется в отношении индивидуально не определённого круга лиц. Актом об амнистии лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности; осуждённые — освобождены от наказания, либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания; с лиц, отбывших наказание, может быть снята судимость [2].

Ключевой признак амнистии — её обезличенный характер. Постановление Государственной Думы не называет конкретных лиц, а очерчивает категории по объективным и субъективным признакам: тяжесть преступления, размер наказания, возраст, наличие детей, участие в защите Отечества и т. п. Применяют акт к конкретным людям суды, органы расследования и учреждения, исполняющие наказания.

Последней на сегодняшний день масштабной амнистией в России остаётся амнистия, объявленная постановлением Государственной Думы от 24 апреля 2015 г. № 6576–6 ГД в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне [5]. В 2025 году в Государственную Думу вносились проекты постановлений об амнистии в связи с 80-летием Победы, однако они не были приняты. Традиция «юбилейных» амнистий фактически прервалась.

Важную роль в понимании амнистии сыграла позиция Конституционного Суда Российской Федерации. В постановлении от 5 июля 2001 г. № 11-П Суд указал, что прекращение уголовного дела вследствие акта об амнистии не означает признания лица невиновным, а потому такое лицо вправе возражать против прекращения дела и добиваться рассмотрения его по существу [7]. Эта позиция получила закрепление в части 2 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ): прекращение уголовного преследования по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 1 этой статьи, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает [3]. Следовательно, амнистия — нереабилитирующее основание, требующее согласия лица.

Помилование регламентируется статьёй 85 УК РФ. В отличие от амнистии, оно осуществляется Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определённого лица. Актом помилования лицо, осуждённое за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания, либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. С лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость [2].

Важно, что помилование, в отличие от амнистии, не может освободить лицо от уголовной ответственности. Объектом помилования выступает только осуждённый, то есть лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор.

Процедура помилования определена статьёй 176 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 2020 г. № 787 [4; 6]. Ходатайство осуждённого подаётся через администрацию учреждения, исполняющего наказание. Далее ходатайство рассматривается комиссией по вопросам помилования на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, после чего высшее должностное лицо субъекта представляет Президенту предложение о целесообразности применения помилования. Решение принимает Президент; суд в этой процедуре не участвует.

Таким образом, институты различаются по субъекту (Государственная Дума и Президент), форме акта (постановление и указ), адресату (неопределённый круг лиц и конкретный осуждённый), объёму последствий (только амнистия освобождает от уголовной ответственности) и инициативе (помилование, как правило, начинается с ходатайства осуждённого).

Вместе с тем оба института имеют общую природу. Они являются актами милосердия государства, не связаны с пересмотром приговора и не опровергают выводов суда о виновности. В силу части 2 статьи 86 УК РФ лицо, освобождённое от наказания, в том числе по акту амнистии или помилования, считается несудимым. При этом у осуждённого нет права на их применение — есть лишь право просить о помиловании.

Анализ законодательства и практики позволяет обозначить ряд проблем. Первая из них касается закрытости практики помилования. Указы о помиловании, как правило, не публикуются. Такая непрозрачность затрудняет оценку эффективности института.

Вторая проблема — отсутствие в УК РФ и иных федеральных законах общих критериев применения амнистии. Содержание каждого акта определяется Государственной Думой самостоятельно, и круг амнистируемых от раза к разу меняется. Это обеспечивает гибкость, но делает амнистию слабо предсказуемой. В связи с этом предлагается закрепить в законе хотя бы общие принципы и категории лиц, на которых амнистия не распространяется.

Третья проблема связана с появлением в 2024 году новых оснований освобождения от уголовной ответственности и от наказания — статей 78.1 и 80.2 УК РФ, введённых Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Они касаются лиц, призванных или поступивших на военную службу в период мобилизации или в военное время. По своему социальному эффекту эти нормы в определённой мере сближаются с амнистией и помилованием, однако юридически представляют собой самостоятельные основания, применяемые в судебном порядке. Их появление ставит вопрос о соотношении «классических» актов милосердия с новыми механизмами.

Подводя итог, следует отметить, что амнистия и помилование остаются важными инструментами гуманизации уголовной политики. Они позволяют учитывать обстоятельства, которые суд не мог оценить при вынесении приговора: исправление осуждённого, его здоровье, семейное положение. Вместе с тем их эффективность во многом зависит от регулярности применения и прозрачности процедур. Повышению их роли способствовали бы публикация обобщённых сведений о помиловании и закрепление в законе общих принципов амнистии.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24.04.2015 № 6576–6 ГД. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
6. О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 14.12.2020 № 787. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».

7. По делу о проверке конституционности положений постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.07.2001 № 11-П. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».

Культурные права и свободы человека и гражданина: теория и практика реализации

Арчинов Марат Русланович
Научный руководитель: Баликоева Лариса Мурадиновна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

В статье предпринят комплексный конституционно-правовой анализ прав и свобод человека и гражданина в области культуры. На основе изучения доктринальных подходов, историко-правового опыта и международно-правовых стандартов обосновывается самостоятельная природа культурных прав, выявляется их внутренний дуализм (сочетание «негативных» свобод и позитивных притязаний). Проанализированы система конституционных норм о культурных правах, действующее отраслевое регулирование, механизмы реализации и защиты культурных прав. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, включая принятие федерального закона о гарантиях права на доступ к культурным ценностям и закона об охране нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: *культурные права, свобода творчества, доступ к культурным ценностям, статья 44 Конституции РФ, культурное наследие, механизм реализации прав, судебная защита, нематериальное культурное наследие, цифровизация культуры.*

Cultural rights and freedoms of man and citizen: theory and practice of realization

Archinov Marat Ruslanovich
Scientific advisor: Balikoeva Larisa Muradinovna, candidate of law, associate professor
North Ossetian State University named after KL Khetagurov (Vladikavkaz)

The author carries out a comprehensive constitutional-legal analysis of human and civil rights and freedoms in the field of culture. Based on the study of doctrinal approaches, historical and legal experience and international legal standards, the independent nature of cultural rights is substantiated, their internal dualism (a combination of "negative" freedoms and positive claims) is revealed. The system of constitutional norms on cultural rights, current sectoral regulation, and mechanisms for the realization and protection of cultural rights are analyzed. Proposals for improving legislation are formulated, including the adoption of a federal law on guarantees of the right of access to cultural values and a law on the protection of intangible cultural heritage.

Keywords: *cultural rights, freedom of creativity, access to cultural values, Article 44 of the Constitution of the Russian Federation, cultural heritage, mechanism for the realization of rights, judicial protection, intangible cultural heritage, digitalization of culture.*

Введение

Культурные права занимают особое место в системе основных прав и свобод человека и гражданина: они открывают личности возможность духовного развития, творческой самореализации и приобщения к национальной и мировой культуре. Конституция Российской Федерации закрепляет широкий спектр правомочий в культурной сфере — от свободы творчества до права каждого на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры и доступ к культурным ценностям. Вместе с тем реализация этих прав сталкивается с рядом правовых, организационных и экономических трудностей, обострившихся в условиях цифровизации культурной среды, трансформации форматов потребления культурных благ и усиления внимания к вопросам культурной идентичности.

В отечественной науке это, пожалуй, наименее разработанная группа основных прав: если гражданские, политические и социальные права исследованы обстоятельно, то культурные нередко воспринимаются как «остаточная» категория, растворяющаяся в более широких классификационных группах [15]. Отсутствие легального определения культурных прав и даже базовой категории «культурные ценности» придаёт проблеме понятийной определённости не только теоретическое, но и практическое значение. Показательно, что даже в Основах законодательства РФ о культуре 1992 года [6], которые тра-

диционно рассматриваются как системообразующий акт отрасли, определение культурных прав отсутствует: законодатель ограничивается перечислением отдельных правомочий, не формулируя их общего понятия. Такая ситуация создаёт трудности как для правоприменителя, так и для законодателя, вынужденного строить отраслевое регулирование без единой концептуальной основы.

Актуальность темы обусловлена и тем, что в условиях цифровизации культурной среды привычные механизмы доступа к культурным благам трансформируются: виртуальные музеи, электронные библиотеки, онлайн-платформы и агрегаторы билетов меняют саму природу «пользования учреждениями культуры», а вопросы культурной идентичности и сохранения нематериального наследия приобретают новое звучание. Всё это требует переосмысления как доктринальных подходов к культурным правам, так и действующего нормативного регулирования.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ конституционных прав и свобод в области культуры, выявление проблем их реализации и защиты и выработка предложений по совершенствованию правового регулирования. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть понятие и сущность культурных прав через анализ доктринальных подходов; проследить историческое развитие регулирования культурных прав в российском праве; исследовать международно-правовые стандарты в сфере культурных прав; проанализировать систему конституционных норм о культурных правах и отраслевое регулирование; охарактеризовать механизмы реализации и защиты культурных прав; выявить актуальные проблемы и предложить направления совершенствования законодательства.

Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также специальные юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, метод толкования правовых норм. Использование данных методов позволяет обеспечить комплексный и объективный анализ предмета исследования.

1. Понятие и сущность культурных прав: доктринальные подходы

Легального определения культурных прав действующее законодательство не содержит: его нет ни в Конституции РФ, ни в Основах законодательства Российской Федерации о культуре 1992 года. Более того, в законе не закреплено и единое понятие «культурные ценности», что объясняется природой самой категории: объективированная форма, в которую воплощена культурная ценность, неотделима от её духовного содержания. При таком положении содержание понятия «культурные права» складывается преимущественно в доктрине, где сосуществуют три конкурирующих подхода.

Первый опирается на господствующую в теории прав человека концепцию «поколений прав», впервые сформулированную чешским юристом Карелом Васаком в 1977 году [15]. Согласно этой концепции, основные права делятся на три поколения: гражданские и политические; экономические, социальные и культурные; коллективные (права солидарности). Культурные права при таком взгляде традиционно попадают во второе поколение — наряду с экономическими и социальными. Е. А. Лукашева указывает, что социально-экономические и культурные права определяют положение человека и гражданина в социально-экономической и духовной сферах жизни общества и государства, а их значение возрастает по мере формирования социальной направленности современных государств. Международно-правовую опору такого подхода даёт структура Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года: статья 15 закрепляет право каждого на участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса и защиту моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является [3].

В рамках второго поколения культурные права рассматриваются как «позитивные», то есть требующие организационной, экономической и иной деятельности государства по их обеспечению. Однако последовательное проведение этого взгляда наталкивается на методологическую трудность: свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества по своей природе тяготеет не к позитивным притязаниям на государственные услуги, а к классическим свободам первого поколения — она требует от государства прежде всего невмешательства в творческий процесс. Этот внутренний дуализм культурных прав (сочетание в них черт свобод и прав-притязаний) и становится первым аргументом против их однозначного зачисления в состав социальных прав.

Второй, оппозиционный подход представлен позицией Т. Е. Мельник: культурные права следует рассматривать только через призму социальных, а значит, развитие законодательства о правах человека в области культуры должно подчиняться логике развития именно социальных прав [17]. Сторонники такого понимания ссылаются на генетическую связь культурных прав с идеологией социального государства, на зависимость их реализации от ресурсных возможностей публичной власти, а также на то, что социальные и культурные права исторически получили позиционирование одновременно — в универсальных международных актах середины XX века. Однако и этот подход не лишён уязвимости: он не объясняет, почему свобода творчества, традиционно относимая к культурным правам, по своей юридической природе ближе к «негативным» свободам, нежели к социальным притязаниям.

Третий подход, приобретающий в современной доктрине всё больше сторонников, исходит из самостоятельной природы культурных прав. Так, Н. Морозова

определяет культурные права человека и гражданина как самостоятельный институт конституционного права, охватывающий общественные отношения в сфере культурной жизни общества и имеющий собственный предмет правового регулирования; при этом культурные права в культурной жизни общества рассматриваются как притязания на использование материальных и духовных благ, а культурные свободы — как реализация своих способностей при ограниченном вмешательстве государства [18]. Сходную позицию в диссертационном исследовании отстаивал Д. С. Ивакин: он оспаривает научную позицию, согласно которой культурные права относятся только к социальным, поскольку названные права являются особой разновидностью конституционных прав, обусловленной характером этих прав, объектом которых выступают как материальные, так и духовные ценности, имеющие значение для культурного развития как отдельных индивидов, так и общества в целом [14].

В рамках дискуссии о самостоятельности культурных прав в науке выработано их подразделение на права в широком и узком смысле. В широком смысле к культурным правам относят: право на свободное развитие и достойную жизнь (ст. 7 Конституции РФ); право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26); свободу совести и свободу вероисповедания (ст. 28); право на образование (ст. 43); свободу литературного, художественного, технического и других видов творчества и преподавания (ст. 44); право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ст. 44). В узком смысле культурные права ассоциируются преимущественно с содержанием ч. 2 ст. 44 Конституции РФ — триадой правомочий: участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры и доступ к культурным ценностям. Обосновывая широкое понимание, исследователи обращают внимание на то, что, в отличие от экономических и социальных прав, культурные права в более узком смысле охватывают именно сферу духовной жизни человека, включающую результаты деятельности людей по созданию материальных и культурных ценностей, результаты познания произведений искусства, нормы морали и права, а также способности человека, реализуемые в ходе его деятельности, — знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение.

Значимым элементом доктринальной дискуссии выступает и вопрос о соотношении категорий «культурные права» и «культурные свободы». Свобода творчества и свобода преподавания по своей юридической природе представляют собой сферы, в которых индивид действует самостоятельно и по собственному усмотрению, тогда как права на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры и доступ к культурным ценностям предполагают встречную активность государства по созданию инфраструктуры и гарантий. Это позволяет характеризовать конституционную группу культурных прав как неоднородную по своему механизму действия, что дополнительно свидетельствует против их сведения к однородной группе социальных притязаний.

Для полноты картины следует учитывать и позицию Л. Н. Васильевой, рассматривающей развитие прав человека в национально-культурной сфере как синтез индивидуальных и коллективных прав: динамика развития таких прав обусловлена не появлением новых прав человека, а дополнением гарантий уже сложившихся прав и свобод, повышением уровня и качества их защищённости государством и обществом [12] — прежде всего в части права на пользование родным языком и свободный выбор языка общения и обучения. Этот подход акцентирует двухуровневую природу культурных прав: наряду с индивидуальными правомочиями они включают коллективные измерения (право этнических, религиозных и языковых меньшинств совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и пользоваться родным языком, закреплённое ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах [4]).

Существенным для характеристики сущности культурных прав является вопрос об их признаках. В литературе выделяются следующие [15]: культурные права являются основными правами [13]; они отражают духовно-культурные и правовые закономерности развития государства и гражданского общества; определяют мировоззренческое содержание и уровень гуманизма российского законодательства; обеспечивают духовное развитие человека, стимулируя индивида стать активным участником политического, духовного, социального и культурного прогресса. Отличительной чертой культурных прав выступает и их специфическая сфера действия — духовно-культурная область жизнедеятельности человека; кроме того, такие права подлежат повышенной защите, поскольку речь идёт о сохранении культурного наследия, культурной самобытности и культурном развитии страны в целом.

Обобщение изложенных подходов позволяет предложить следующее определение: культурные права и свободы человека и гражданина — это закреплённые Конституцией Российской Федерации и гарантируемые государством возможности личности свободно творить и самореализовываться в духовно-культурной сфере, участвовать в культурной жизни, пользоваться учреждениями культуры и доступом к культурным ценностям, составляющие особую, самостоятельную группу основных прав, объектом которых выступают как материальные, так и духовные блага. Культурные свободы при этом представляют собой юридическую меру самостоятельной активности индивида, свободной от государственного вмешательства, тогда как культурные права в собственном смысле предполагают предоставление государством соответствующих благ и гарантий. Сущность культурных прав раскрывается через три измерения: личностное (духовное развитие и творческая самореализация как условие досто-

инства человека), социальное (формирование культурной среды и гражданской идентичности) и публично-правовое (конституционная обязанность государства гарантировать и защищать культурные права).

2. Историческое развитие и международно-правовые стандарты

Институт культурных прав складывался более столетия и прошёл путь от привилегии до конституционного признания свободы творчества естественным правом человека [19]. В его развитии выделяются четыре этапа.

Дореволюционный этап характеризовался господством разрешительной модели: публичное распространение произведений печати осуществлялось в условиях цензуры, закреплённой Цензурным уставом 1826 года и последующим законодательством, а образование находилось под сословными ограничениями. Манифест 17 октября 1905 года и редактированные Основные государственные законы 1906 года даровали гражданские свободы, однако свобода творчества как самостоятельная категория в дореволюционном праве закреплена не была: регулирование ограничивалось частноправовой охраной результатов литературной и художественной собственности. Показательно, что даже такие понятия, как «культурные права» и «право на доступ к культурным ценностям», в дореволюционной доктрине отсутствовали: они появляются лишь в XX веке под влиянием международно-правовых актов.

Советский этап открылся декларативным признанием широких культурных свобод при их немедленном фактическом ограничении: Декрет о печати 1917 года установил государственную монополию, а Конституция РСФСР 1918 года гарантировала свободы как средство задач диктатуры пролетариата. Конституция СССР 1936 года провозгласила свободу слова и печати «в соответствии с интересами трудящихся», но творчество оставалось под идеологическим контролем. Вершина советского закрепления — Конституция СССР 1977 года: ст. 46 закрепила право граждан на пользование достижениями культуры, ст. 47 — свободу научного, технического и художественного творчества, ст. 67 — обязанность беречь памятники. Именно советская модель во многом воспроизведена в действующей Конституции РФ 1993 года, ст. 44 которой впервые закрепила свободу творчества без идеологических ограничений, гарантировала охрану интеллектуальной собственности и возложила на каждого обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия.

Современный этап характеризуется отраслевой конкретизацией (законодательство об объектах культурного наследия, музейном фонде, библиотечном и архивном деле, часть четвёртая Гражданского кодекса РФ), доктринально-концептуальным развитием (проект Декларации прав культуры Д. С. Лихачёва [16], Основы государственной культурной политики) и конституционным обновлением 2020 года: ч. 3 ст. 68 провозгласила культуру уникальным наследием многонационального народа России, поддерживаемым и охраняемым государством, а ст. 67.1 закрепила охрану исторической правды и памяти о защитниках Отечества. Поправки 2020 года знаменуют смещение акцента с «негативной» свободы от вмешательства государства на позитивное государственное поддержание культуры.

Международно-правовые стандарты задают универсальный эталон содержания культурных прав и служат фактором обновления национального законодательства. Универсальный уровень открывает ст. 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 года [2]; юридически обязывающее закрепление культурные права получили в ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, п. 3 которой обязывает государства уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований и творческой деятельности [3]. Существенное значение имеет Замечание общего порядка № 21 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам ООН (2009) [21], раскрывающее право на участие в культурной жизни через три компонента — участие, доступ и вклад в культурную жизнь; триада ч. 2 ст. 44 Конституции РФ конгениальна этой интерпретации. На межгосударственном уровне выделяются конвенции ЮНЕСКО (Гаагская конвенция 1954 года, Конвенция 1970 года, Конвенция об охране всемирного наследия 1972 года [5], Второй протокол 1999 года), в которых участвует Россия, тогда как Конвенция 2003 года об охране нематериального культурного наследия [22] и Конвенция 2005 года о разнообразии форм культурного самовыражения не ратифицированы. Неприсоединение к Факультативному протоколу к Пакту 2008 года [23] ограничивает международный контроль за реализацией культурных прав процедурой докладов. Оба пробела требуют либо компенсации национальным регулированием, либо осознанной политики присоединения.

3. Система конституционных норм и отраслевое регулирование

Конституционное закрепление культурных прав не сводится к одной ст. 44: оно образует систему, включающую ядро, нормы-связи, полномочностные нормы и ценностные положения реформы 2020 года [10, 11]. Ядро — ст. 44 Конституции РФ [1] — построено из трёх частей. Часть 1 соединяет личную свободу творческой деятельности и преподавания с гарантией охраны интеллектуальной собственности, вменяя законодателю обязанность установить правовую охрану (что реализовано частью четвёртой ГК РФ); перечень видов творчества открыт. Часть 2 закрепляет триаду позитивных правомочий, дословно восходящую к п. 1 ст. 15 Пакта 1966 года. Часть 3 возлагает на каждого обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия — сопоставимая конструкция «право плюс обязанность» использована лишь в ст. 38, 42 и 58 Конституции РФ, что подтверждает целостность культурного блока.

Нормы-связи (ст. 2, 17, 18, 26, 28, 29, 43, 55, 64) придают ст. 44 качество прямой нормативности: конституционные положения о правах и свободах, как отмечал Б. С. Эбзеев, представляют собой нормы прямого действия [20], а не декларации, подлежащие «наполнению» отраслевым законодательством. Особую роль играет ч. 5 ст. 29 — запрет цензуры, выступающий негативной гарантией свободы творчества. Полномочностное измерение образуют ст. 71, 72 и 114: регулирование прав и свобод человека — ведение Федерации, общие вопросы культуры — совместное ведение, что обеспечивает учёт региональной специфики, но порождает риск размывания гарантий при неравномерности бюджетной обеспеченности регионов.

Отраслевое регулирование имеет трёхуровневое построение. Системообразующий акт — Основы законодательства РФ о культуре 1992 года [6] — закрепляют в разделе II каталог индивидуальных прав (право на культурную деятельность, творчество, личную культурную самобытность, приобщение к культурным ценностям, эстетическое воспитание), а в разделе III — коллективные права народов и этнических общностей. Основы активно обновляются: федеральным законом от 8 августа 2024 года № 224-ФЗ [9] статья 31 дополнена нормой, согласно которой запрет какой-либо культурной деятельности возможен только по решению суда; новелла ст. 12 гарантирует лицам до восемнадцати лет бесплатное посещение музеев не реже одного раза в месяц — редкий для культурного законодательства пример перехода от декларации к нормативно измеримой гарантии.

Отраслевые акты распадаются на два массива: охрану культурного наследия (Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [7], законы о Музейном фонде и музеях [8], о вывозе и ввозе культурных ценностей) и доступ к культурным благам (законодательство о библиотечном и архивном деле). Третью подсистему образует часть четвёртая ГК РФ, адаптированная к цифровой среде законодательством 2024 года. Всё большее значение приобретает программное регулирование: Основы государственной культурной политики, национальные проекты. Показателен механизм «Пушкинской карты» — ежегодной государственной субсидии молодым гражданам от 14 до 22 лет на посещение учреждений культуры: к середине 2025 года её оформили более 12 миллионов человек, продано свыше 94 миллионов билетов. С точки зрения правовой природы «Пушкинская карта» — ресурсно-притязательный механизм, переводящий позитивное обязательство государства (ст. 30 Основ) в адресную персонализированную субсидию.

Вместе с тем выявлены четыре структурных дефекта действующего регулирования: рамочность системообразующего акта 1992 года при вынесении операциональных механизмов в подзаконное регулирование; отсутствие федерального закона, гарантирующего право на доступ к культурным ценностям, — в особенности к ценностям в частной собственности, где ст. 25 Федерального закона о Музейном фонде [8] не устанавливает публичного доступа; дефицит легальных дефиниций («культурные ценности», «доступ», «публичный доступ»); неурегулированность баланса ограничений и гарантий в условиях ценностного переориентирования законодательства. Наиболее динамичной зоной правоприменения остаётся точка напряжения между охраной ценностей и свободой творчества, где критично соблюдение пределов ч. 3 ст. 55 и недопустимость цензуры.

4. Механизмы реализации и защиты культурных прав

Механизм реализации культурных прав имеет выраженную специфику, обусловленную дуализмом данной группы: для прав-свобод реализация состоит преимущественно в обеспечении государством невмешательства, тогда как для позитивных притязаний требуется деятельность по созданию и развитию культурной инфраструктуры. Целесообразно выделять пять подсистем механизма: институциональную (органы публичной власти и подведомственные учреждения культуры), программную (национальные проекты, субсидии, целевые показатели), льготно-тарифную (льготный и бесплатный доступ, «Пушкинская карта»), цифровую (виртуальные музеи, электронные библиотеки, единые агрегаторы билетов) и общественную (участие граждан в охране культурного наследия, институты общественного контроля).

Институциональная подсистема включает Министерство культуры РФ, подведомственные ему федеральные учреждения, региональные и муниципальные органы управления культурой, а также учреждения культуры различных форм собственности. Программная подсистема представлена национальным проектом «Культура», государственными программами Российской Федерации и субъектов Федерации, в рамках которых устанавливаются целевые показатели доступности культурных благ. Льготно-тарифная подсистема обеспечивает реализацию принципа равенства доступа к культурным ценностям: помимо «Пушкинской карты», к ней относятся льготы для отдельных категорий граждан, бесплатное посещение музеев лицами до восемнадцати лет, специальные условия для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Цифровая подсистема приобретает всё большее значение в условиях цифровизации: виртуальные музеи, Национальная электронная библиотека, единые агрегаторы билетов расширяют физическую доступность культурных благ, но одновременно порождают новые вопросы — о цифровом неравенстве, защите авторских прав и качестве цифрового контента. Общественная подсистема включает институты общественного контроля, волонтёрские движения в сфере охраны культурного наследия, деятельность общественных организаций, что отражает коллективное измерение культурных прав.

Судебная защита культурных прав развивается по трём направлениям. Конституционный Суд РФ форми-

рует конституционно-правовые стандарты в этой сфере: в постановлениях, касающихся свободы творчества и пределов ограничений, сформулированы требования определённости, соразмерности и недопустимости произвольного вмешательства. Особое значение имеет правовая позиция о том, что ограничения культурных прав допустимы лишь в той мере, в какой они необходимы для защиты конституционно значимых ценностей, а запрет цензуры (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ) выступает абсолютной гарантией свободы творчества. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды рассматривают споры, связанные с охраной объектов культурного наследия, доступом к музейным предметам и библиотечным фондам, защитой интеллектуальных прав. Внесудебные механизмы включают прокурорский надзор, административный контроль в сфере культуры, институт уполномоченного по правам человека, а также процедуры международного контроля (доклады в Комитет по экономическим, социальным и культурным правам ООН [3]).

Вместе с тем практика выявляет системные проблемы: недостаточную процессуальную защищённость коллективных культурных прав, сложность доказывания нарушения права на доступ к культурным ценностям, ограниченность судебного контроля за программными и субсидиарными механизмами. Показательно, что споры о доступе к культурным ценностям, находящимся в частной собственности, практически не доходят до судов ввиду отсутствия чётких законодательных критериев публичного доступа. Аналогичным образом недостаточно развита практика по защите права на участие в культурной жизни применительно к цифровым форматам: действующее законодательство не содержит измеримых требований к доступности цифровых культурных ресурсов.

Перспективными направлениями совершенствования представляются принятие федерального закона о гарантиях права на доступ к культурным ценностям, разработка и принятие закона об охране нематериального культурного наследия, закрепление в законодательстве измеримых стандартов доступности культуры (в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья), а также развитие цифровых гарантий доступа к культурным благам. Целесообразно также дополнить Основы законодательства о культуре [6] нормами-дефинициями, раскрывающими понятия «культурные права», «культурные ценности», «доступ к культурным ценностям» и «публичный доступ», что устранит существующий понятийный вакуум и создаст основу для единообразного правоприменения.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Культурные права и свободы образуют самостоятельную группу основных прав, обладающую собственным предметом регулирования — духовно-культурной сферой жизнедеятельности человека и общества. Их сущность раскрывается через единство личностного, социального и публично-правового измерений, а внутренний дуализм (сочетание «негативных» свобод и позитивных притязаний) исключает сведение культурных прав к разновидности социальных прав. Конституционная система культурных прав включает ядро (ст. 44 Конституции РФ), нормы-связи, полномочностные нормы и ценностные положения реформы 2020 года, что придаёт ст. 44 качество прямой нормативности.

Историческое развитие института прошло путь от разрешительной модели дореволюционного периода через декларативное признание советского этапа к современному конституционному закреплению свободы творчества без идеологических ограничений. Международно-правовые стандарты (ст. 27 Всеобщей декларации [2], ст. 15 Пакта 1966 года [3], Замечание общего порядка № 21 [21], конвенции ЮНЕСКО) задают универсальный эталон содержания культурных прав, однако неполное участие России в отдельных международных механизмах (неприсоединение к Конвенции 2003 года [22], Конвенции 2005 года и Факультативному протоколу 2008 года [23]) требует компенсации национальным регулированием.

Отраслевое регулирование характеризуется трёхуровневым построением и активным обновлением, однако сохраняет структурные дефекты: рамочность Основ 1992 года, отсутствие федерального закона о гарантиях доступа к культурным ценностям, дефицит легальных дефиниций и неурегулированность баланса ограничений и гарантий. Механизм реализации культурных прав включает институциональную, программную, льготно-тарифную, цифровую и общественную подсистемы; судебная и внесудебная защита развивается, но требует усиления процессуальных гарантий. Предложенные направления совершенствования законодательства — принятие федерального закона о гарантиях права на доступ к культурным ценностям, закона об охране нематериального культурного наследия, закрепление измеримых стандартов доступности культуры и развитие цифровых гарантий — способны обеспечить более полную реализацию конституционных культурных прав в условиях цифровизации культурной среды.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. // Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 2000.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. // Там же.
5. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (принята 16.11.1972) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М., 1991.
6. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612–1) (ред. от 2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.
7. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
8. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.
9. Федеральный закон от 08.08.2024 № 224-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // СЗ РФ. 2024. № 32. Ст. 5067.
10. Авакьян С. А. Конституционное право России: учеб. курс. М.: Норма, 2020.
11. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2021.
12. Васильева Л. Н. Права человека в национально-культурной сфере: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2005.
13. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008.
14. Ивакин Д. С. Культурные права как объект конституционно-правового регулирования: дис.... канд. юрид. наук. М., 2019.
15. Лукашева Е. А. Права человека: учебник. М.: Норма, 2019.
16. Лихачёв Д. С. Декларация прав культуры. СПб.: Питер, 2015.
17. Мельник Т. Е. Культурные права как разновидность социальных прав // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5.
18. Морозова Н. Культурные права человека и гражданина в Российской Федерации // Право и жизнь. 2017. № 3.
19. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2019.
20. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России. М.: Проспект, 2020.
21. Замечание общего порядка № 21 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам ООН «Право каждого на участие в культурной жизни» (принято 21.12.2009) // URL: https://www.ohchr.org.
22. Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (принята 17.10.2003) // URL: https://unesdoc.unesco.org.
23. Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах (принят 10.12.2008) // URL: https://www.ohchr.org.

Проблемы реализации права на социальное обеспечение лиц, занятых на цифровых платформах

Атамджанова София Евгеньевна, студент
Научный руководитель: Карданова Ирина Викторовна, старший преподаватель
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

В статье исследуются препятствия, с которыми сталкиваются лица, выполняющие работы и оказывающие услуги посредством цифровых платформ, при реализации права на социальное обеспечение. Анализируются доктринальные подходы к статусу платформенных занятых, положения Федерального закона № 289-ФЗ о преференциях для застрахованных исполнителей, эксперимент по добровольному страхованию самозанятых на случай временной нетрудоспособности, а также трансграничный аспект проблемы и положения Конвенции МОТ № 193. Обосновывается предложение о придании преференциям целевого характера.

Ключевые слова: *платформенная занятость, цифровая платформа, партнер-исполнитель, самозанятые, право на социальное обеспечение, обязательное социальное страхование, преференции.*

В рамках настоящей статьи представляется необходимым акцентировать внимание на тех препятствиях, с которыми сталкивается лицо, выполняющее работу посредством цифровой платформы, при обращении к гарантиям, закрепленным ч. 1 ст. 39 Конституции Российской Федерации [1] (социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и в иных установленных законом случаях). Для этого рассмо-

трим сначала доктринальные подходы к определению статуса платформенных занятых, затем проанализируем механизмы, введенные Федеральным законом от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [2] (далее — Закон № 289-ФЗ), а также обратимся к зарубежному и международному опыту.

По оценкам О. В. Синявской, более половины платформенных занятых в России применяют специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», около 22,4 % оформляют отношения гражданско-правовыми договорами, а примерно 16 % зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей [3, с. 25]. Иными словами, большинство таких лиц находится вне модели, в которой страхователем выступает работодатель. Для самозанятых, применяющих указанный налоговый режим, обязанность по уплате страховых взносов не установлена и их пенсионные права возникают лишь при добровольном вступлении в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию.

Н. Л. Лютов и Н. В. Черных называют определение правового статуса лиц, занятых на цифровых платформах, самым проблематичным с правовой точки зрения аспектом платформенной занятости [4, с. 129]. Н. В. Колотова, развивая эту мысль, полагает, что именно статус (наемный работник либо независимый исполнитель) предопределяет объем трудовых прав и производных от них прав на социальное обеспечение, а также сам факт включения человека в действующие системы социальной защиты [5, с. 932]. Полагаем, что с изложенной позицией можно согласиться, поскольку отечественная система обязательного социального страхования в своей основе построена на фигуре работодателя-страхователя. Вместе с тем, уточним, что для российского права вопрос о статусе в известной мере уже предрешен законодателем, который избрал гражданско-правовую модель и наделил лиц, работающих через платформу, статусом партнеров-исполнителей.

Важным для понимания природы платформенных связей представляется разграничение, предложенное М. Г. Гирич, К. В. Ивановичевой и А. Д. Левашенко. Авторы выделяют платформу как «информационного» посредника, предоставляющего лишь инфраструктуру поиска (исполнитель сам назначает цену и условия услуги), и платформу как «активного» посредника, которая устанавливает тарифы, контролирует процесс оказания услуги и распределяет заказы при помощи алгоритмов; во втором случае, по мнению исследователей, между сторонами складываются отношения, близкие к трудовым [6, с. 46–47]. Представляется, что предложенный критерий обладает не только описательной, но и нормативной ценностью, ведь именно степень алгоритмического контроля могла бы служить основанием для дифференциации страховых обязанностей оператора. Курьер службы доставки, получающий заказы в зависимости от рейтинга и маршрут по сигналу геолокации, несет совершенно иные риски, нежели переводчик, размещающий свои предложения на онлайн-бирже. Закон № 289-ФЗ подобной дифференциации, однако, не проводит.

К. А. Пономарева приходит к выводу, что платформенную занятость трудно определить в рамках привычной связке «работа по найму — предпринимательство» [7, с. 111]. Близкую позицию занимает С. Ю. Чуча, предлагающий отойти от модели единого трудового правоотношения в пользу теории комплекса трудовых отношений, позволяющей распространить на нетипичные формы занятости нормы об охране труда и социальном страховании [8, с. 30, 45]. Полагаем, что расширение предмета трудового права неизбежно потребует ответа на вопрос о том, кто является страхователем, однако ответ на него лежит скорее в плоскости права социального обеспечения, в котором круг застрахованных лиц определяется не только трудовым договором (достаточно вспомнить исполнителей по гражданско-правовым договорам, застрахованных в системе обязательного пенсионного страхования). Показательно и наблюдение А. В. Шевчука, обратившего внимание на то, что экономическая зависимость «зависимого самозанятого» может быть даже сильнее зависимости наемного работника, так как он сохраняет все риски самостоятельной деятельности, а его доход привязан к объему выполненных работ [9, с. 41].

Закон № 289-ФЗ, вступивший в силу с 1 октября 2026 г., исходит из того, что пользователь-заказчик не предоставляет партнеру-исполнителю за свой счет ни еженедельных выходных дней, ни отпуска, ни иных социальных гарантий (ст. 15). Оператор должен обеспечить исполнителю техническую возможность ознакомиться с предложениями страховых организаций и негосударственных пенсионных фондов и подать заявку на заключение договора, а также предоставлять преференции тем исполнителям, которые добровольно вступили в правоотношения по обязательному пенсионному и социальному страхованию либо заключили договоры добровольного медицинского страхования, негосударственного пенсионного обеспечения, страхования от несчастных случаев и болезней (п. 9 ч. 1 ст. 17). Возмещение расходов исполнителя на страховые взносы закон оставляет на усмотрение оператора (п. 6 ч. 2 ст. 17). Минимальный объем преференций определен постановлением Правительства РФ от 16.05.2026 № 563 и составляет 2,9 % дохода партнера-исполнителя, полученного с использованием платформы за предшествующий месяц [10].

Е. И. Мироненко оценивает избранный подход критически, указывая, что при такой формулировке норм партнеры-исполнители не получают каких-либо гарантий по социальному страхованию, поскольку закон не устанавливает строго определенных обязанностей участников, а лишь очерчивает возможности [11, с. 222–223]. Полагаем, что с указанной оценкой можно согласиться, поскольку автор весьма подробно сопоставил объем гарантий работника и исполнителя (вплоть до отсутствия пособия по временной нетрудоспособности и систем-

ного страхования профессиональных рисков). Вместе с тем, механизм преференций получил количественное выражение в подзаконном акте, и называть его сугубо декларативным было бы не вполне точно. Кроме того, параллельно запущен эксперимент по добровольному вступлению самозанятых в обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности (Федеральный закон от 15.12.2025 № 456-ФЗ [12]), рассчитанный на 2026–2028 гг. Тариф составляет 3,84 % от избранной страховой суммы (35 или 50 тыс. руб. в месяц), право на пособие возникает после шести месяцев непрерывной уплаты взносов (сначала в размере 70 % страховой суммы, а по истечении двенадцати месяцев в полном размере). Таким образом, законодатель, по существу, выстраивает связку добровольного страхования и стимула со стороны платформы.

Однако и такая связка не устраняет главного дефекта, связанного с отсутствием целевого характера преференции. Конкретные виды поощрения определяет сам оператор, и оно может выражаться в снижении комиссии, рекламных бонусах или скидке на логистику, то есть в благе, никак не связанном с формированием страховых прав. Исполнитель, вступивший в эксперимент, продолжает нести всю нагрузку по уплате взносов самостоятельно, тогда как платформа, предоставив скидку на собственные услуги, формально исполняет возложенную на нее обязанность. Кроме того, при невысоком доходе добровольность участия ведет к тому, что вне страхования остаются наиболее уязвимые категории (инвалиды, лица с семейными обязанностями, студенты, пенсионеры), которые, как отмечает Н. В. Колотова, нередко выбирают платформенную занятость вынужденно, будучи не в состоянии трудиться полный рабочий день по жесткому графику [5, с. 931].

Отдельного внимания заслуживает трансграничный аспект. О. В. Чесалина обращает внимание на то, что при работе через онлайн-платформы платформа, клиент и исполнитель нередко находятся в разных государствах, вследствие чего традиционная коллизионная привязка к месту работы (lex loci laboris) перестает обеспечивать уплату взносов; альтернативная привязка к месту нахождения платформы выполняла бы антидемпинговую функцию, однако не срабатывает, если платформа расположена за пределами соответствующего правопорядка либо исполнитель одновременно работает на нескольких платформах [13, с. 305–306]. Соглашаясь с автором, отметим, что для России этот вывод имеет прямое значение. Российский исполнитель, выполняющий заказы через иностранную онлайн-биржу, на которую действие Закона № 289-ФЗ не распространяется, лишен даже тех скромных стимулов, которые установлены ст. 17, и его социальная защищенность целиком определяется собственной инициативой.

Международно-правовой ориентир задает Конвенция МОТ № 193 о достойном труде в платформенной экономике, принятая 12 июня 2026 г. на 114-й сессии Международной конференции труда [14]. Конвенция охватывает всех работников цифровых платформ, в том числе в неформальной экономике, и затрагивает их социальную защиту. Е. И. Мироненко полагает, что принятие Конвенции требует реформирования отечественного законодательства, причем целесообразным автору видится принятие отдельного закона о правовом положении работников цифровых платформ, поскольку дополнение разд. XII ТК РФ окажется неэффективным ввиду участия в отношениях посредника-платформы [11, с. 225–226]. Соглашаясь с тем, что изменения ТК РФ проблему не решат (отношения, возникающие на основании Закона № 289-ФЗ, трудовыми не являются), позволим себе усомниться в необходимости еще одного специального закона. Право на социальное обеспечение реализуется через страховые законы, в которых определяются круг застрахованных лиц, страхователь, тариф и страховые случаи. Самостоятельный акт о статусе исполнителей без изменения этих законов рискует повторить судьбу ст. 17 Закона № 289-ФЗ с ее стимулирующими нормами, поэтому более последовательным видится точечное дополнение страхового законодательства.

Исследование позволило заключить, что право на социальное обеспечение лиц, занятых на цифровых платформах, формально ничем не ограничено, однако его реализация почти полностью зависит от волеизъявления и платежеспособности самого исполнителя. Кроме того, был сделан вывод о том, что в российском праве вопрос о статусе платформенных занятых решен в пользу гражданско-правовой модели, поэтому ключевое значение приобретает не переквалификация отношений (остающаяся исключительным и ретроспективным средством защиты), а построение страховых механизмов, не зависящих от наличия трудового договора.

В заключение настоящего исследования сделаем вывод о проблеме нецелевого характера преференций, предоставляемых операторами исполнителям, принимающим участие в социальном страховании. Для устранения данной проблемы предлагается дополнить п. 9 ч. 1 ст. 17 Закона № 289-ФЗ предложением следующего содержания: «Не менее половины объема преференции предоставляется в форме возмещения расходов партнера-исполнителя на уплату страховых взносов по обязательному пенсионному страхованию и обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — 4 июля.

2. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 31. — Ст. 4643.
3. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых: экспертный доклад / О. В. Синявская [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 64 с.
4. Лютов Н. Л., Черных Н. В. Трудовое право в условиях больших вызовов. — М.: Проспект, 2023. — 172 с.
5. Колотова Н. В. Социальная защита лиц, выполняющих работу на цифровых платформах труда: подходы к проблеме // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2025. — Т. 29, № 4. — С. 930–946.
6. Гирич М. Г., Ивановичева К. В., Левашенко А. Д. Налогообложение доходов и социальное страхование занятых на онлайн-платформах: сравнение опыта России и других стран // Финансовый журнал. — 2022. — Т. 14, № 3. — С. 44–60.
7. Пономарева К. А. Цифровая платформа с точки зрения трудового и налогового права: работодатель или посредник? // Правоведение. — 2025. — Т. 69, № 1. — С. 102–124.
8. Чуча С. Ю. Обеспечение и защита социально-трудовых прав в условиях трансформации сферы труда и занятости. — М.: Проспект, 2024. — 48 с.
9. Шевчук А. В. Границы автономии: феномен «зависимой самозанятости» // Социологический журнал. — 2010. — № 3. — С. 35–51.
10. О минимальном объеме преференций, предоставляемых оператором посреднической цифровой платформы партнерам-исполнителям: постановление Правительства РФ от 16.05.2026 № 563 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.11.2026).
11. Мироненко Е. И. Трудовые права и социальные гарантии платформенных работников: проблемы правового регулирования // Право и политика. — 2026. — № 9. — С. 219–233.
12. О проведении эксперимента по добровольному вступлению отдельных категорий граждан в правоотношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности: Федеральный закон от 15.12.2025 № 456-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.11.2026).
13. Чесалина О. В. Социальное обеспечение дистанционных работников и лиц, работающих через цифровые платформы труда: транснациональная перспектива // Ежегодник трудового права. — 2020. — Вып. 10. — С. 300–309.
14. Convention concerning Decent Work in the Platform Economy, 2026 (No. 193): adopted 12 June 2026 at the 114th Session of the International Labour Conference. — URL: https://normlex.ilo.org (дата обращения: 03.11.2026).

Регистрационный учёт по месту жительства и место жительства как гражданско-правовая категория: проблемы разграничения

Базяк Алексей Сергеевич, студент
Научный руководитель: Качалова Светлана Владимировна, зав. кафедрой
Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

В статье рассматривается соотношение места жительства как гражданско-правовой категории и регистрационного учёта по месту жительства как административной процедуры. Показано, что регистрация носит уведомительный характер, не порождает и не прекращает право пользования жилым помещением и оценивается судом лишь как одно из доказательств проживания.

Ключевые слова: *место жительства, регистрационный учёт, уведомительный порядок, право пользования жилым помещением, фиктивная регистрация, судебная практика, Калужская область.*

Часть 1 статьи 27 Конституции Российской Федерации устанавливает в качестве одного из базовых прав личности право на свободу передвижения и выбор места жительства. Это право относится к так называемым личным гражданским правам и гарантируется любому человеку, проживающему на территории Российской Федерации, вне зависимости от того, является ли он лицом с российским гражданством, иностранным гражданином, лицом без гражданства, либо лицом с двойным гражданством. Безусловно, что это право относится к базовым, потому что именно от обеспечения права личности на свободу передвижения зависит во многом как социальное благополучие как самого человека, так и окружающих его лиц.

Миграционные процессы в Российской Федерации имеют огромное значение для обеспечения социально-экономического благополучия населения и политической

стабильности. Протяженность страны, ее географическое положение, климатические особенности, а также такие факторы как распределенность людских ресурсов, потребности регионов в труде и населении, безусловно, влияют на необходимость обеспечения миграции и контроля за ней. Правовое регулирование миграционных потоков напрямую связано также с обеспечением правопорядка и нормального состояния межнациональных отношений.

Следует отметить, что в целом понятие государственной регистрации реализуется во многих сферах государственной жизнедеятельности. Регистрации подлежат как объекты недвижимости, так и транспортные средства, оружие, акты гражданского состояния. Регистрация граждан по месту жительства или пребывания также является необходимым инструментом государственной власти, поскольку позволяет государству отследить миграционную активность граждан, определить основные тенденции демографического развития, учесть тенденции развития и различия отдельных регионов. В целом это необходимо для выстраивания социально-экономической политики государства и учета особенностей отдельных регионов, создания программ регионального развития и обеспечения жизнедеятельности государства в целом.

Именно поэтому сведения о внешней и внутренней миграции населения в Российской Федерации, направлении миграционных потоков являются важнейшей информацией, необходимой для обеспечения как нормального социально-экономического климата внутри страны, так и обеспечения выполнения стратегических задач развития Российской Федерации. При этом задача обеспечения контроля за передвижением граждан имеет две противоречивые стороны. При всей своей жесткости миграционные правила не должны выступать препятствием для перемещения людских ресурсов, потому что это может послужить барьером для социально-экономического развития страны, для развития хозяйственных связей между регионами и иных аспектов. Именно поэтому встает вопрос о правовом регулировании процедуры регистрации граждан по месту жительства или пребывания, которая, с одной стороны, выполняя задачи учета и контроля за передвижением граждан, этому самому передвижению мешать не должна. По сути своей она не должна быть обременительной для граждан и именно способствовать их передвижения, но никак не блокировать его.

В соответствии с Законом от 25.06.1993года № 5242–1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [4], а также Постановлением Правительства РФ от 17.07.1995 № 713 регистрационный учет граждан Российской Федерации ведется по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации в целях обеспечения необходимых условий для реализации гражданами своих прав и свобод, а также исполнения ими обязанностей.

По сути своей регистрация гражданина Российской Федерации по месту жительства представляет из себя процедуру постановки гражданина на регистрационный учет. Данная процедура позволяет зафиксировать место жительства гражданина и собрать данные о его нахождении и передвижениях. Органами регистрационного учета, согласно законодательству, являются территориальные органы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В законодательстве подчеркивается, что место жительства — это место, в котором гражданин постоянно или преимущественно пребывает. Закон устанавливает, что это может быть жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного личного фонда, либо иное жилое помещение. Главным условием является то, что гражданин там должен пребывать постоянно или преимущественно, причем, возможно, как в качестве собственника, так или по договору найма жилого помещения, либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Гражданин, изменивший место жительства, обязан не позднее 7 дней со дня прибытия на новое место жительства обратиться в органы регистрационного учета с заявлением по установленной форме для постановки на регистрационный учет.

В законе подчеркивается, что заявление может быть представлено как в традиционной бумажной, так и в электронной форме с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг. В этом случае срок регистрации сокращается и составляет не более трех дней со дня подачи заявления.

Регистрационный учёт граждан по месту жительства служит двум целям. Он обеспечивает государство достоверными сведениями о местонахождении населения и одновременно выступает гарантией прав личности. Процедура детально прописана в законодательстве, однако на практике отметке о регистрации нередко придают то значение, которого у неё по смыслу закона нет. Нередко ее рассматривают как установление места жительства, либо право на пользование жилым помещением [7].

Проблема в том, что термином «регистрация» в российском праве обозначаются весьма разнородные явления (государственная регистрация прав на недвижимость, регистрация юридических лиц, регистрация актов гражданского состояния, регистрационный учёт граждан) [5]. Внешнее сходство совершаемых действий (уполномоченный орган вносит сведения в реестр или делает отметку) скрывает различия в наступающих правовых последствиях.

Подобная ситуация сложилась исторически. Учёт актов личного состояния граждан (рождения, браки, смерти) был выведен из компетенции церкви декретами 1917 г. и передан специальным органам записи актов гражданского состояния и остался самостоятельным институтом. Учёт проживания пошёл иным путём, так как институту прописки государство придавало преимущественно функцию контроля за перемещением и распределением населения. Возможность проживать в населённом

пункте напрямую зависела от решения административного органа, а сама отметка становилась условием доступа к работе, жилью и социальным благам. Административная отметка приобрела политическое значение, которого у простого учёта проживания быть не должно. Современное отождествление регистрации с правом пользования помещением отчасти вытекает из этой традиции, хотя правовой режим давно изменён [7].

Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242–1 заменил разрешительную прописку регистрационным учётом по месту пребывания и месту жительства. Тем самым был реализован конституционный принцип свободы передвижения и выбора места пребывания и жительства (ст. 27 Конституции РФ). Регистрация сохранилась, поскольку государству необходимы сведения о местонахождении граждан для обеспечения их прав, исполнения обязанностей и публичного управления, но утратила разрешительный характер.

Ключевое значение имеет постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1998 г. № 4-П [5]. Суд признал недопустимым возврат к разрешительной прописке, указав, что наличие или отсутствие регистрации не может служить ни основанием ограничения прав и свобод, ни условием их реализации. Отказ в праве лишь из-за отсутствия регистрации, как и признание права лишь в силу её наличия недопустимы, так как подобное воспроизводит логику прежнего режима. Обязанность зарегистрироваться при этом сохраняется, но уведомительный характер учёта устраняет административное регулирование местонахождения лица, но сама необходимость учёта сохраняется.

Статья 20 ГК РФ определяет место жительства как место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Регистрация в этом определении не упоминается. Признак постоянства указывает на устойчивую связь лица с определённым местом, признак преимущественности допускает пребывание в других местах, но фиксирует как основное то место, где сосредоточена основная жизнедеятельность субъекта. Оба признака устанавливаются по фактическим обстоятельствам, а не по отметке в паспорте, поэтому регистрация отражает эти обстоятельства, но не создаёт их.

Постоянное проживание не предполагает непрерывного присутствия. Выезд на учёбу, лечение или работу не лишает гражданина прежнего места жительства, если именно туда он возвращается и там сосредоточена его жизнь. При наличии нескольких устойчивых мест суд сопоставляет продолжительность пребывания, место нахождения семьи, наличие имущества и намерение лица считать данное место основным. Ни один признак не имеет приоритета, оценка проводится в совокупности [6].

Место жительства необходимо отграничивать от смежных категорий:

— место пребывания — место временного нахождения гражданина;

— место нахождения имущества — характеристика вещи, а не лица;

— адрес регистрации — учётные сведения, необходимые публичным органам;

— фактическое проживание — реальное нахождение в помещении, которое может и не быть постоянным.

Смешение этих категорий порождает типичные ошибки, когда отсутствие регистрации принимают за отсутствие места жительства, а её наличие за право пользования помещением. Ни один из этих выводов из смысла статьи 20 ГК РФ не следует.

Для несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, и подопечных место жительства производно от места жительства законных представителей. При раздельном проживании родителей место жительства ребёнка определяется их соглашением, а при его отсутствии судом (п. 3 ст. 65 СК РФ), регистрация у одного из родителей может лишь подтверждать фактическое положение.

Значение места жительства для разных отраслей права различно. Оно определяет общую подсудность (ст. 28 ГПК РФ), место открытия наследства (ст. 1115 ГК РФ), место исполнения обязательства (ст. 316 ГК РФ), влияет на осуществление родительских прав, алиментные и жилищные споры. Если наследодатель был зарегистрирован в одном помещении, а постоянно проживал в другом, приоритет имеет фактический критерий статьи 20 ГК РФ.

Регистрационный учёт ведут органы внутренних дел; многофункциональный центр лишь принимает документы и регистрирующим органом не является. Результатом процедуры становится отметка о регистрации, а не запись акта гражданского состояния.

Из позиций Конституционного Суда РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (постановление от 02.07.2009 № 14) следуют несколько положений.

1. Регистрация носит уведомительный характер и отражает факт нахождения гражданина по месту пребывания или жительства.

2. Регистрация сама по себе права пользования жилым помещением не порождает и оценивается наряду с другими доказательствами.

3. Обязанность уведомить государство о месте жительства и право проживать в помещении имеют разные основания и возникают в разных правоотношениях. Нарушение обязанности может повлечь административную ответственность, но не превращает постановку на учёт в основание гражданских прав.

Согласие собственника или нанимателя на регистрацию не равнозначно возникновению жилищного правоотношения. Собственник может допустить регистрацию лица, не предоставляя ему самостоятельного права пользования. Член семьи нанимателя приобретает право пользования в силу закона и вселения, а регистрация лишь отражает сведения о заявленном месте жительства и правоустанавливающим документом не является [5]. Согласие на регистрацию и согласие на вселение юридически не тождественны, так можно иметь право пользования и получить отказ в регистрации, а можно получить согласие на регистрацию и не приобрести самостоятельного права.

Фиктивная регистрация — постановка на учёт на основании заведомо недостоверных сведений без намерения проживать в помещении либо без намерения собственника допустить проживание. Она не создаёт ни места жительства по статье 20 ГК РФ, ни права пользования помещением.

Обязанность зарегистрироваться следует из закона. Гражданин, изменивший место жительства, должен обратиться в орган учёта в установленный срок; пропуск срока может повлечь административную ответственность, но не отменяет ни факта проживания, ни права на помещение, если они есть. Своевременная регистрация, в свою очередь, не создаёт права, которого не было до заявления. Основанием для возникновения права служит право пользования помещением, подтверждённое документами (о собственности, найме, составе семьи, решением суда), либо согласие лица, предоставляющего жильё.

Отказ в учёте допустим, если документы не представлены, не подтверждают основание или содержат недостоверные сведения, либо заявление противоречит закону. Недопустимо отказывать, ссылаясь на то, что в помещении уже много зарегистрированных или что у заявителя нет «местной» регистрации, так как это означало бы возврат разрешительной прописки. Отказ зарегистрировать ребёнка по месту жительства родителя со ссылкой на несогласие собственника подменяет норму семейного права. Это не означает, что ребёнок приобретает долю или бессрочное право пользования: учёт лишь отражает место жительства, которое у ребёнка уже есть в силу статьи 20 ГК РФ.

Снятие с учёта не является способом прекратить право пользования. Основаниями для данного действия служат изменение места жительства, смерть, объявление умершим, выселение или признание утратившим право пользования, выявление фиктивной регистрации и иные случаи, прямо указанные в законе [2].

Анализ правоприменения позволяет выделить несколько тенденций:

1. Суды первой инстанции в целом последовательно отделяют право пользования жилым помещением от административного акта регистрации. Утрата права устанавливается по фактическим обстоятельствам, снятие с учёта всего лишь его последствие.

2. Суды различают место жительства и место пребывания при определении подсудности.

3. Суды пресекают попытки использовать особое производство для обхода порядка регистрационного учёта.

4. Основная трудность связана с оценкой отметки о регистрации как доказательства в публично-правовых и социально-обеспечительных спорах.

Отсутствие в законе общей нормы о различии видов регистрации затрудняет практику, однако не препятствует разрешению дел, так как различие выводится из отраслевых норм. Трудности возникают, когда единый термин «регистрация» подталкивает к одинаковому толкованию разных по природе составов.

Исходя из вышесказанного при осуществлении правоприменительной деятельности следует:

1. Включить в практические рекомендации положение о недопустимости определять состав семьи и фактическое проживание исключительно по сведениям регистрационного учёта без проверки реального вселения, ведения общего хозяйства и выявления причин раздельного проживания.

2. При рассмотрении дел о признании лица утратившим право пользования жилым помещением и о снятии с регистрационного учёта отражать эти требования в резолютивной части судебного решения раздельно, чтобы исключить представление о том, что снятие с учёта само прекращает право.

3. Обеспечивать согласование сведений регистрационного учёта при перемене имени, так как перемена имени не создаёт нового субъекта и не требует повторного подтверждения права на помещение, которое у лица уже имелось.

4. Ведомственным актам, требующим адрес регистрации для выплат, школ и детских садов, следует придавать значение лишь способа определения компетентного органа, но не создания условия для возникновения самого права, в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). [Электронный ресурс] // http://www.kremlin.ru/acts/constitution
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.] (действующая редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г.] (действующая редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
4. Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993 № 5242–1 (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1998 года № 4-П «По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных постановлением правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 года № 7132 // Собрание законодательства РФ, 09.02.98, N 6, Ст. 783.
6. Терентьев А. В. Место жительства гражданина как институт гражданского права // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 418–422.
7. Штефан Д. И. Место жительства гражданина как условие реализации социальных прав // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 6. С. 226–234.
8. Григорьева О. С. Историческое развитие права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в российском государстве // Молодой учёный. 2024. № 21 (520). С. 471–474.

Структура и содержание криминалистической характеристики личности преступника по делам о преступлениях, совершаемых против основ конституционного строя и безопасности государства

Байбус Маргарита Анатольевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В данной статье рассматривается роль личности правонарушителя, совершающего преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, как ключевой категории в криминологической науке, отражающей причинно-следственные связи противоправного поведения. Анализируются значимые характеристики лица, совершившего посягательства на политическую систему Российской Федерации, такие как возраст преступника, пол преступника, этническая или национальная принадлежность преступника.

Статья подчеркивает, что изучение индивидуальных особенностей правонарушителей, совершающих преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, важно для понимания механизмов преступной деятельности и разработки эффективных профилактических мер.

Ключевые слова: *личность преступника, уголовная ответственность, криминология, преступность.*

The structure and content of the forensic characteristic of the offender's personality in cases of crimes committed against the foundations of the constitutional system and state security

Baybus Margarita Anatolyevna, master's degree student
Tyumen State University

This article examines the role of the offender's personality who commits crimes against the fundamentals of the constitutional order and national security of the state as a key category in criminological science, reflecting the cause-and-effect relationships of unlawful behavior. It analyzes significant characteristics of individuals who have perpetrated acts against the political system of the Russian Federation, such as the offender's age, gender, and ethnic or national background. The article emphasizes that studying the personal traits of offenders who commit crimes against the constitutional foundations and state security is crucial for understanding the mechanisms of criminal activity and developing effective preventive measures.

Keywords: *criminal personality, criminal liability, criminology, and crime.*

В криминологической науке личность правонарушителя традиционно рассматривается как ключевая категория, отражающая причинно- следственные связи противоправного поведения.

Личность правонарушителя формируется как система черт, включающая криминогенные потребности, интересы, эмоционально-волевые отклонения и мотивацию, которые приводят к совершению противоправных деяний. Общественная опасность такой личности чаще проявляется не всеобъемлюще, а в доминирующих ориентациях и мотивах, например, корыстных, агрессивных или других деструктивных. Данная криминогенная направленность определяет степень ее социальной опасности и характер противоправного поведения.

А. И. Долгова отмечает, что совершение правонарушения человеком обусловлено его индивидуальными особенностями. При формировании личности существенную роль играют как «материальные задатки» (врожденные характеристики, такие как генотип или физические данные), так и социальная среда, в которой формируются разные круги общения и жизненные траектории. Люди различаются по темпераменту и подходу к принятию решений: одни действуют импульсивно, другие обдумывают поступки. Например, физически слабый человек может избегать коллективных конфликтов, а успешный мошенник обычно обладает высоким интеллектом. Таким образом, в формировании преступного поведения участвуют как биологические, так и социальные особенности человека [2, с. 332–333].

А. М. Зюковым было проведено исследование 96 лиц, обвиняемых в участии в вооруженных формированиях и других противоправных действиях, направленных против политической системы в определенный исторический период, находившихся в розыске, краткие данные о которых были публично обнародованы в общероссийских СМИ [4, с. 35–40]. К сожалению, используемые источники не содержали расширенных социально-биографических данных об этих лицах, равно как и актуальной информации о современных участниках вооруженных формирований и конфликтов.

Криминологическая характеристика лиц, совершивших деяния, посягающие на политическую систему, требует учета социально- демографических признаков, в частности, возраста. В ходе анализа были выделены пять возрастных категорий: до 20 лет, от 20 до 30 лет, от 30 до 40 лет, от 40 до 50 лет, старше 50 лет. При криминологическом анализе собранных социально-демографических данных исследователем установлено, что лица младше двадцати лет не участвовали в преступлениях, посягающих на политическую систему Российской Федерации в период 1995–2000 годов [4, с. 36–38].

Анализ Н. А. Силаевой позволил установить, что средний возраст нарушителей, совершивших данные преступления, составляет 32 года. Преобладают лица в возрасте 20–30 лет — 43 % и 30–40 лет — 42 % от общего числа привлеченных к уголовной ответственности за политические преступления в рассматриваемой выборке. Лица старше 40 лет встречаются реже — они составляют лишь 15 %. Схожие выводы приводят и другие исследователи (А. М. Зюков, Р. М. Миталаев, С. А. Пичугин). Некоторые авторы, анализировавшие осужденных за преступления экстремистской направленности, отмечают более молодую возрастную группу — преимущественно 16–25 лет; в результате средний возраст российских экстремистов по их данным существенно ниже и составляет около 27,5 лет.

В данной выборке из 96 лиц явная гендерная сегрегация: только одна женщина и 95 мужчин, что подтверждается и другими исследованиями, посвященными криминальным особенностям личностям данного рода преступлений.

В период 1995–2000 годов анализируемые преступления чаще совершались в составе организованных вооруженных формирований или экстремистских организаций с целью достижения политических задач. Подследственность распространялась не только на статьи УК РФ, касающиеся организации незаконных вооруженных формирований и участия в них, но и на другие составы преступлений. Данные показывают, что в основном возбуждались дела по статье 208 УК РФ — 68,75 %. Большая часть преступников совершала насильственные деяния, предусмотренные как УК РСФСР 1960 года, так и действующим УК РФ. Значительная часть преступлений была связана с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ — 37 человек (38,54 %); противодействием защитникам конституционного строя — 22 человека (23 %), в том числе деяния, связанные с терроризмом — 37 человек (38,5 %). Дополнительно фиксировались массовые беспорядки — 14,5 % и бандитские нападения на предприятия, организации, учреждения, предпринимателей и частных лиц — 31,25 %. Подобные сопутствующие преступления отмечаются и в зарубежных исследованиях [5, с. 41–45]. Из 96 рассмотренных лиц 37 находились в международном и федеральном розыске; значительная часть этих лиц впоследствии была задержана и привлечена к ответственности или уничтожена в ходе антитеррористических операций.

Анализ опубликованного перечня физических лиц, по которым вступили в силу судебные решения о пособничестве экстремизму и терроризму, показал, что из 1500 указанных человек только 13 — женщины (0,86 %), то есть пособники экстремистской деятельности в подавляющем большинстве — мужчины. По региональной принадлежности они в основном являются уроженцами республик Чечня (865 человек, 57 %), Дагестан (139 человек, 9 %), Казахстан (57 человек, 3,8 %), Татарстан (27 человек, 1,8 %), Карачаево-Черкесской республики (26 человек, 1,7 %) и Ингушетии (10 человек, 0,6 %); остальные 26,3 % — представители иных национальностей. Из 1500 лиц 1487 (99 %) одновременно фигурируют и в связях с терроризмом [5, с. 46].

Как правило, личности преступников рассматриваемого рода преступлений — это молодые люди с ограниченным жизненным опытом, которых привлекают более зрелые и авторитетные инициаторы; таких исследователи нередко называют «случайными» или «зависимыми» преступниками, поскольку их мотивация поверхностна, неустойчива и обусловлена влиянием группы. По половому признаку преобладают мужчины; участие женщин встречается реже и чаще ограничивается ролями исполнителей. В целом криминологический портрет личности преступника по делам о преступлениях, совершаемых против основ конституционного строя и основ безопасности государства, характеризуется как молодой человек без постоянного источника дохода и богатого жизненного опыта, с отсутствующим чувством патриотизма (его политическая мотивация поверхностна, неустойчива и, как

правило, вызвана сочетанием социальных, экономических и политических обстоятельств).

Криминологический портрет лиц, посягающих на политическую систему: преимущественно молодые люди в возрасте 20–40 лет, со средним возрастом около 32 лет; подавляющее большинство составляют мужчины (до 99 % в некоторых выборках). Более того, выявлено, что часто преступления против конституционных основ и безопасности государства совершают молодые люди с ограниченным жизненным опытом и без постоянного источника дохода, чья мотивация неустойчива и обусловлена внешним влиянием, а также сочетанием социальных, экономических и политических обстоятельств.

Таким образом, личность преступника является, своего рода, динамичной системой, формирующейся под воздействием множества факторов, а понимание ее особенностей, о в контексте преступлений против политической системы, важно для разработки эффективных профилактических и правовых мер.

Литература:

1. Бурлаков, В. Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования. Монография / В. Н. Бурлаков. — СПб: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. — С. 19–20.
2. Долгова, А. И. Криминология: учебник для вузов / А. И. Долгова; под общ. ред. д.ю.н., проф. А. И. Долговой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА — ИНФРА — М), 2001. — С. 332–333.
3. Долгова, А. И. Преступник и его криминологическое изучение / А. И. Долгова // Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д.ю.н., проф. А. И. Долговой. — 2- е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА — ИНФРА — М), 2001. — С. 327.
4. Зюков, А. М. Криминологическая характеристика участников вооруженных формирований на Северном Кавказе / А. М. Зюков, Р. М. Миталаев // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2007. — № 6. — С. 473.
5. Пичугин, С. А. Криминологическая характеристика участников вооруженных формирований на Северном Кавказе / С. А. Пичугин // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2007. — № 6. — С. 248.

Предупреждение преступлений на рынке жилья: криминологическая характеристика и предложения по улучшению профилактики

Басин Аси Сергей, студент
Московский университет «Синергия»

В статье на основе анализа уголовной статистики, судебной практики и научной литературы даётся криминологическая характеристика преступности на рынке жилья, рассматриваются проблемы квалификации мошенничества, повлёкшего лишение гражданина права на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ), и привлечения денежных средств дольщиков (ст. 200.3 УК РФ). Показано, что действующая система предупреждения преступлений в жилищной сфере построена по реактивной модели и нуждается в переносе акцента на этап совершения сделки. Предлагается двухконтурная модель предупреждения, сочетающая создание инфраструктуры безопасности сделок (информационная прозрачность, нотариальная форма, синхронные расчёты) с адресной виктимологической профилактикой групп риска.

Ключевые слова: *мошенничество, рынок жилья, виктимологическая профилактика, нотариальная форма сделки, эскроу, добросовестный приобретатель, предупреждение преступности.*

Рынок жилья занимает особое место среди объектов криминального внимания. Для большинства граждан сделка с жильём — крупнейшая в жизни финансовая операция, затрагивающая базовое конституционное право на жилище (ст. 40 Конституции РФ). При этом именно рынок жилья традиционно привлекает организованную и профессиональную преступность: посягательства здесь маскируются под законные сделки, снабжены реальными документами и внешне безупречной юридической процедурой.

Целью настоящей статьи является криминологическая характеристика преступности на рынке жилья и выработка предложений по совершенствованию системы её предупреждения.

По данным МВД России, за девять месяцев 2024 года совершено почти 5,5 тыс. преступлений, связанных с операциями с недвижимостью, а с 2019 года их количество превысило 40 тыс. Ущерб по делам о мошенничестве с договорами дарения вырос с 1,14 млрд рублей в 2019 году до 2,17 млрд рублей в 2023 году; среднегодовой рост приговоров по таким делам составляет около 15 %. За 2020–2025 годы оспорено около 29,8 тыс. типовых сделок, при этом 92 % споров о купле-продаже и дарении касались сделок, заключённых без но-

тариуса, а риск оспаривания простой письменной формы в 4,5 раза выше нотариальной. Высокая латентность обусловлена «легальной» оболочкой посягательства и нежеланием потерпевших, уже лишившихся жилья, вступать в длительный конфликт с новым добросовестным собственником.

Структура преступности дифференцируется по сегментам рынка. На вторичном рынке доминируют схемы подмены сделки (дарение вместо купли-продажи, «займы под залог», оформляемые куплей-продажей), посягательства на одиноких пожилых собственников, использование дубликатов правоустанавливающих документов и фальсифицированных доверенностей.

На первичном рынке исторические схемы «обманутых дольщиков» во многом нейтрализованы эскроу-счетами, однако сохраняются посягательства на этапе внереестровых отношений (предварительные договоры, «переуступки» от неустановленных лиц).

На рынке найма и аренды типичны фиктивные посреднические платформы и авансирование несуществующих объектов; цифровизация платформ и верификация наймодателей, по данным исследований, сократили потери съёмщиков в 3,5 раза за 2000–2024 годы, что подтверждает высокий потенциал институциональных мер.

Личность преступника характеризуется высокой профессионализацией: типичны участие лиц с юридической подготовкой (посредники, «юристы», недобросовестные риелторы), действующих организованными группами с распределением ролей (владелец «схемы», оформитель, силовое сопровождение выселения, легализация выручки).

Виктимологически уязвимы одинокие пожилые граждане, лица с психическими расстройствами и зависимостями, продавцы, находящиеся в кризисной ситуации, а также дольщики и арендаторы.

Новым феноменом является и «виктимизация продавца», когда потерпевший удерживает квартиру и деньги добросовестного покупателя, превращаясь из жертвы в правонарушителя.

Базовой нормой выступает ч. 4 ст. 159 УК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022) разъяснило, что квалификация по ч. 4 ст. 159 УК РФ не зависит от того, единственное ли это жильё и проживает ли в нём потерпевший: правом на жилое помещение признаются право собственности и право пользования. Мошенничество в форме приобретения права окончено с момента юридически закреплённой возможности распорядиться имуществом.

Главная проблема практики — доказывание заранее сформированного умысла: между сделкой и обвинительным приговором лежит длинный путь, и часть обвинений рушится именно на стадии установления умысла, что подтверждается оправдательными и прекращёнными делами (в частности, кассационным определением Верховного Суда РФ от 16.02.2023 № 78-УД22–36-К3).

Ст. 200.3 УК РФ применяется как «страховочный» состав: по ней осуждено около 64 лиц, тогда как по ч. 4 ст. 159 УК РФ в 2023 году — 4717 человек. Тем не менее создание системы эскроу-счетов демонстрирует редкий пример успешной системной превенции: классические схемы «обманутых дольщиков» практически сошли на нет. Это подтверждает гипотезу о том, что предупреждение преступности на рынке жилья достигается в первую очередь институциональными, а не репрессивными средствами.

Гражданско-правовой контур защиты развивается параллельно. Так, Тематический обзор Верховного Суда РФ № 12/2026 по делам об оспаривании сделок с жильём закрепил стандарты проверки состояния продавца (судебная психолого-психиатрическая экспертиза), оспоримость сделок при обмане третьих лиц, стандарты двусторонней реституции и порядок прекращения регистрации при заявлении продавца о мошенничестве.

Вместе с тем «эффект Долиной» (по оценкам, в примерно 41 % случаев сделка признаётся недействительной, а добросовестный покупатель остаётся без квартиры и денег) показывает, что защита жертвы мошенничества слишком часто оборачивается жертвой добросовестного приобретателя: конфликт интересов смещается, а не разрешается.

Анализ позволяет выделить следующие дефекты:

– информационную асимметрию между профессиональными «схемщиками» и разовым участником сделки;

– реактивность системы (воздействие после причинения ущерба);

– фрагментарность виктимологической профилактики и её ориентацию на общие призывы, а не на адресные группы риска;

– формализм межведомственного взаимодействия (Росреестр, нотариат, банки, органы опеки, соцзащита не обмениваются данными о рисках);

– остаточный характер уголовного преследования организаторов схем при фактической безнаказанности «оформителей».

Предлагается двухконтурная модель предупреждения. Первый контур — инфраструктура безопасности сделки:

– расширение перечня сведений о рисках в выписках ЕГРН и введение обязательных уведомлений собственнику о каждой регистрации (через Госуслуги);

– сохранение и распространение записи о запрете сделок без личного участия собственника; расширение обязательной нотариальной формы на сделки с повышенным риском (в частности, сделки от имени граждан старше определённого возраста, разовые «продажа со сменой места жительства»);

– закрепление депозит нотариуса как стандартного механизма расчётов по сделкам повышенного риска;

– создание единого межведомственного обмена данными о рисках между Росреестром, нотариатом, банками и правоохранительными органами.

Второй контур — адресная виктимологическая профилактика, предполагающая выявление групп риска через органы социальной защиты и поликлиники (одинокие пожилые граждане с признаками когнитивных нарушений); введение у нотариусов и банков права и обязанности «останавливать» сделку или перевод при признаках принуждения (модель но-

тариального и банковского «стопа» по аналогии с антифрод-интервенциями банков); а также просветительские кампании, демонстрирующие реальные схемы и последствия.

В уголовно-правовой части целесообразны методические рекомендации по разграничению мошенничества и гражданско-правовых споров для следователей и судов; последовательное преследование организаторов схем (ч. 4 ст. 159 УК РФ как деяние организованной группы), а также оценка практики по «виктимизации продавца» с выработкой унифицированного подхода к квалификации удержания имущества и денег.

Таким образом, преступность на рынке жилья остаётся латентной и профессионально организованной, а действующая система предупреждения — реактивной и фрагментарной. Перенос превентивного воздействия на этап совершения сделки с одновременной адресной виктимологической профилактикой способен существенно снизить и ущерб, и конфликтность, возникающую между жертвой мошенничества и добросовестным приобретателем. Дальнейшие исследования по теме должны быть направлены на эмпирическую верификацию предложенной двухконтурной модели.

Литература:

1. Чернов А. П. Предупреждение преступлений на рынке жилья: проблемы и пути совершенствования // Вестник науки. — 2026. — № 11(104). — Т. 1. — С. 378–383.
2. Фокин А. Д. К вопросу о способах совершения мошенничества в сфере недвижимого имущества // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — № 1(29). — С. 209–220.
3. Батюкова В. Е. О правоприменительной практике мошенничества в сфере недвижимости // Закон и право. — 2021. — № 4. — С. 77–79.
4. Калашников М. И. Мошенничество в сфере недвижимости: сравнительно-правовое и криминологическое исследование: дис. … канд. юрид. наук. — 2019.
5. Квасникова Т. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в сфере оборота недвижимости: дис. … канд. юрид. наук. — 2016.
6. Яни П. С. Мошенничество: вопросы квалификации (серия статей) // Законность. — 2020–2023.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. от 15.12.2022).
8. Тематический обзор Верховного Суда РФ № 12/2026 «По делам, связанным с оспариванием сделок, повлекших переход права собственности на жилые помещения» (утв. Президиумом ВС РФ 01.07.2026).
9. Криминология: учебник / под общ. ред. В. Е. Эминова, В. Н. Кудрявцева. — М.: Спарк (последнее издание).
10. Репецкая А. Л. Виктимология: учебник. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

Эволюция и структурные дефекты правового регулирования прохождения государственной службы в Российской Федерации

Бельской Андрей Александрович, студент магистратуры
Тверской филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье проводится системный анализ правового регулирования прохождения государственной службы. Анализируются основные этапы становления законодательства о государственной службе, выявляются структурные дефекты правового регулирования прохождения государственной службы и формулируются предложения по их устранению.

Ключевые слова: *государственная служба, правовое регулирование, система государственной службы, Федеральный закон № 79-ФЗ, служебное право, коллизии правовых норм, пробелы законодательства, реформа государственной службы.*

Evolution and structural defects of the legal regulation of public service in the Russian Federation

Belsky Andrey Aleksandrovich, master's degree student
Tver branch of the Moscow University of Finance and Law MFLA

The article provides a systematic analysis of the legal regulation of public service. It examines the main stages in the development of legislation on public service, identifies structural defects in the legal regulation of public service, and formulates proposals for their elimination.

Keywords: *public service, legal regulation, public service system, Federal Law № 79FZ, service law, conflicts of legal norms, gaps in legislation, public service reform.*

Эффективность института государственной службы как институциональной основы публичного управления находится в прямой зависимости от качества правового регулирования служебных отношений.

В начале XXI в. России был дан старт масштабной реформе государственной службы. Наиболее существенные изменения в государственном управлении пришлись на период с 2003 по 2008 гг., после чего реформа, как указывает С. Е. Чаннов, несмотря на принятие ряда программных документов, начала постепенно сходить на нет [13, с. 4].

В настоящее время изменения служебного законодательства приобрели точечный характер, что позволяет говорить о необходимости подведения итогов начавшейся более четверти века назад реформы государственной службы и выявления системных дефектов правового регулирования.

Полагаем, что как основа публичного управления государственная служба требует системного и комплексного подхода к правовому регулированию, отвечающего реалиям сегодняшнего дня.

Существующая на сегодняшний день фрагментарность правового регулирования, наличие большого количества коллизий и пробелов в законодательстве о государственной службе предопределяет необходимость выявления структурных дефектов правового регулирования прохождения государственной службы в Российской Федерации и поиска путей их решения.

Эволюция правового регулирования государственной службы в современной России включает в себя несколько этапов, каждый из которых отличается определенными особенностями организации служебных отношений.

Отправной точкой первого этапа правового регулирования государственной службы в России можно считать принятие 22 декабря 1993 г. Положения о федеральной государственной службе [6].

Указанное Положение закрепляло базовые принципы построения и организации государственной службы, устанавливало группы государственных должностей, права и обязанности федеральных государственных служащих, ограничения и запреты, налагаемые на них, перечень гарантий, меры их юридической ответственности и порядок прохождения государственной службы и т. д. Между тем, Положение носило подзаконный характер и в полной мере урегулировать сложившиеся общественные отношения не могло.

Второй этап правового регулирования государственно-служебных отношений ознаменовался принятием в 1995 г. Федерального закона № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» [5]. Указанный федеральный закон устанавливал основы правового статуса государственных служащих и представлял собой единообразный консолидированный источник по вопросам государственной службы. В нем особо акцентировалось внимание на профессиональном характере государственной службы и четко очерчивались границы дозволенного поведения государственных служащих.

Как отмечается в специальной литературе указанный закон был ориентирован на деполитизацию, профессионализм государственных служащих и повышение эффективности института государственной службы [9, с. 19].

Однако принятый закон не охватывал все виды государственной службы и не создал единой системы, что привело к необходимости принятия других законодательных актов, регулирующих государственную службу и создания трехуровневой системы правового регулирования — конституционного, федерального и регионального.

Конституционный уровень правового регулирования прохождения государственной службы представлен Конституцией РФ [1], провозглашающей равный доступ граждан к государственной службе (ч. 4 ст. 31 Конституции РФ).

Федеральный уровень правового регулирования прохождения государственной службы представлен по сути двумя основополагающими законодательными актами — Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [2] и Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3].

Первый из указанных федеральных законов, будучи рамочным, определяет лишь общие условия и порядок прохождения государственной службы и задет видовое деление государственной службы, подразделяя ее на государственную гражданскую службу, военную службу и государственную службу иных видов (ст. 2).

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» регулирует отношения, связанные с поступлением на гражданскую службу, ее прохождением и прекращением, определяет правовое положение (статус) гражданских служащих.

На региональном уровне правовое регулирование прохождение государственной службы осуществляется законами субъектов РФ о гражданской службе, в которых конкретизируются положения федерального закона о государственной гражданской службе Российской Федерации применительно к региональным особенностям.

В специальной литературе отмечается что при систематизации государственной службы законодатель пошел по пути подчеркивания специфических особенностей профессиональной сегментации государственных служащих, а не выявления их обобщающих признаков [15, с. 170].

Системный анализ позволяет выявить следующие структурные дефекты правового регулирования института государственной службы:

Во-первых, фрагментарность правового регулирования. Специальное служебное законодательство существует параллельно с трудовым законодательством, при этом механизм их соотношения закреплен в ст. 73 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», которой определено, что нормы трудового права применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной указанным федеральным законом. Такой подход законодателя, по мнению Д. Б. Миннигуловой порождает неопределенность и требует дополнительного толкования, касающегося как установления пределов применения норм трудового законодательства, так и выбора приоритетной нормы в случае возникновения коллизий между нормами трудового и служебного законодательства [10, с. 54–55].

Во-вторых, отсутствие обобщающего кодифицированного акта о государственной службе. Существующая система нормативно-правового регулирования прохождения государственной службы, представленная федеральными законами и подзаконными актами различной юридической силы на способствуют формированию унифицированного целостного представления о статусе государственного служащего, а также порождает определенные сложности в правоприменительной практике.

В-третьих, непоследовательность реформирования государственной службы. Начатая в 2001 г. реформа государственной службы не получила логического завершения. Вносимые точечные изменения в действующее законодательство не в состоянии компенсировать отсутствие системных преобразований. При этом необходимо отметить, что процесс трансформации государственного управления сопровождается увеличением системы правовых актов о государственной службе, что с одной стороны влечет усиление требований к профессиональной компетенции государственных служащих, а с другой, учитывая современную социально-политическую обстановку требует принятие новых норм служебного права, направленных на регулирование общественных отношений, связанных с процессом цифровизации, ростом общественных ожиданий, международной интеграции и усиления требований к прозрачности, открытости и доступности информации о деятельности органов государственной власти и должностных лиц.

Особую проблему в данном аспекте представляет правовое регулирование института разрешения и предотвращения конфликта интересов на государственной службе.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» [4], трактует конфликт интересов как ситуацию, когда личная заинтересованность лица, замещающего должность, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

В целях разрешения и предотвращения конфликта интересов федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» накладывает на гражданского служащего обязанность сообщать представителю нанимателя о личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей и принимать необходимые меры для предотвращения такого конфликта. Между тем, механизм реализации данной обязанности несовершенен.

Институт уведомления о возникновении конфликта интересов часто носит формальный характер, а законодательство не содержит четких критериев оценки действий служащего при возникновении ситуации конфликта интересов, поскольку ситуации, влекущие конфликт интересов разнообразны и не имеют исчерпывающего характера [7, с. 106].

Как отмечается М. М. Дикажевым конфликт интересов как правовое явление во многом обусловлен недостатками юридической техники [8, с. 19].

О недостаточной регламентации существующих инструментов решения конфликтов интересов на государственной службе заявляют и иные авторы [14, с. 186].

Отметим также, что нарушение государственным служащим антикоррупционных стандартов, как правило, влечет за собой увольнение со службы, что не всегда соответствует тяжести проступка и принципу соразмерности ответственности.

Таким образом, подводя итог сказанному можно сделать ряд выводов:

1. Правовое регулирование прохождения государственной службы в нашей стране характеризуется структурной фрагментарностью, обусловленной отсутствием единого кодифицированного акта и наличием множества нормативных правовых актов разной юридической силы.

2. Рамочный характер Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» и специальный характер Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не позволяют создать целостную системы правового регулирования государственной службы, а допустимость применения к служебным отношениям норм трудового законодательства порождает коллизии и необходимость дополнительного толкования норм права.

3. Институт предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной службе требует дальнейшего совершенствования в части конкретизации механизмов его реализации и обеспечения соразмерности ответственности. Кроме того, по мнению ряда ученых необходимо уточнение подходов к научному пониманию конфликта интересов, а также упорядочение и корректировка правового регулирования данного феномена [11, с. 93].

Мерами, направленными на устранение названных дефектов правового регулирования, могут стать:

— принятие единого кодифицированного акта, объединяющего все виды государственной службы и унифицирующего статус государственных служащих. Следует согласиться с тем, что кодификация служебного законодательства позволит не только обобщить весь существующий нормативный материал, но и позволит устра-

нить существующие противоречия в системе норм права, а также внести новые положения, отвечающие требованиям времени [12, с. 28].

— конкретизация механизма разрешения коллизий между служебным и трудовым законодательством;

— разработка четких критериев оценки действий государственного служащего при возникновении конфликта интересов, а также дифференциация мер ответственности в зависимости от тяжести совершенного государственным служащим коррупционного проступка.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Российская газета, 2003. 31 мая.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 31 июля.
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 30 декабря.
5. Федеральный закон от 31.07.1995 № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» // Российская газета, 1995, 03 августа (утратил силу).
6. Указ Президента РФ от 22.12.1993 № 2267 «Об утверждении Положения о федеральной государственной службе» // Российская газета, 1993, 24 декабря (утратил силу).
7. Вотченко И. А. Неурегулирование конфликта интересов как основание для увольнения с военной службы (иных видов государственной службы) // Военное право. 2023. № 1(77). С. 102–106.
8. Дикажев М. М. К вопросу о правовых пробелах института «конфликт интересов на государственной службе» // Административное право и процесс. 2023. № 4. С. 19–22.
9. Кулиев Ф. М., Кулиева Н. В. Основные этапы и проблемы эволюции госслужбы в РФ на рубеже Xx–XXI вв. // Вестник экспертного совета. 2024. № 1 (36). С. 18–22.
10. Миннигулова Д. Б. Коллизии норм трудового законодательства и служебного законодательства при регулировании условий прохождения государственной гражданской службы // Право и государственность. 2023. № 1 (1). С. 54–59
11. Панина О. В., Красюкова Н. Л., Харченко К. В. Противодействие конфликту интересов в сфере государственной гражданской службы Харченко // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16, № 2. С. 87–95.
12. Упоров А. Г. Унификация и кодификация законодательства в области государственной и муниципальной службы в российской федерации: особенности, проблемы и пути их решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 1 (48).
13. Чаннов С. Е. Становление советского и российского законодательства о государственной службе (в трудах профессора В. М. Манохина // Административное право и процесс. 2023. № 12. С. 3–7.
14. Чернова О. А., Зеленов М. В. О необходимости совершенствования законодательной регламентации урегулирования конфликта интересов на государственной службе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 8. С. 182–186/
15. Щукин В. В., Голиков О. В. Правовые особенности этапов систематизации государственной службы в России // Петербургские пенитенциарные конференции: Сборник материалов комплекса международных научно-практических конференций. В 2-х томах, Санкт-Петербург, Пушкин, 16–17 мая 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 167–171.

Правовые проблемы и коллизии при прохождении государственной службы в условиях цифровой трансформации и ужесточения антикоррупционных требований

Бельской Андрей Александрович, студент магистратуры
Тверской филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье исследуются актуальные правовые проблемы, возникающие при прохождении государственной службы в условиях цифровой трансформации и ужесточения антикоррупционных требований. Анализируется институт кон-

фликта интересов на государственной службе; рассматриваются проблемы увольнения государственных служащих в связи с утратой доверия; исследуются правовые коллизии, связанные с деятельностью государственных служащих в сети Интернет и распространением дистанционной занятости на государственной службе.

На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования прохождения государственной службы в условиях ее цифровой трансформации.

Ключевые слова: *государственная гражданская служба, правовое регулирование, конфликт интересов, цифровой след, утрата доверия, служебное право, Федеральный закон № 79-ФЗ, судебная практика, коллизии законодательства.*

Legal problems and conflicts in the process of entering public service in the context of digital transformation and the improvement of anticorruption requirements

Belsky Andrey Aleksandrovich, master's degree student
Tver branch of the Moscow University of Finance and Law MFLA

The article examines current legal issues arising in the context of public service in the context of digital transformation and the tightening of anticorruption requirements. the institution of conflict of interest in public service is analysed; the problems of dismissing public servants due to loss of trust are considered; legal conflicts related to the activities of public servants on the internet and the spread of remote employment in public service are examined. Based on the analysis, proposals are formulated to improve the legal regulation of public service in the context of its digital transformation.

Keywords: *state civil service, legal regulation, conflict of interest, digital footprint, loss of trust, service law, Federal law № 79fz, judicial practice, conflicts of legislation.*

В настоящее время развитие государственной службы РФ характеризуется наличием двух разноплановых тенденций. С одной стороны, происходит ужесточение антикоррупционных требований с одновременным расширением оснований для увольнения государственных служащих, а с другой — в механизмы государственного управления стремительно внедряются цифровые технологии, что в свою очередь создает новые правовые реалии, которые требует адекватного правового регулирования.

Как справедливо отмечается в специальной литературе, «правовые нормы часто не успевают регулировать новые правоотношения» [8, с. 49].

Такое отставание наиболее заметно в сферах, связанных с контролем за поведением государственных служащих в сети Интернет, дистанционный исполнением служебных обязанностей и механизмами урегулирования и предотвращения конфликта интересов на государственной службе.

В этой связи актуальным видится выявление правовых проблем и коллизий в регулировании прохождения государственной службы и формулирование рекомендаций по их устранению.

Институт предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной службе является приоритетным институциональным механизмом профилактики коррупции на государственной службе и вместе с тем, одним из наиболее сложных в правоприменительной практике.

В доктрине права выделяются такие проблемы института предупреждения конфликта интересов на государственной службе правового характера как отсутствие процедуры, позволяющей ограничить интересы государственных (муниципальных) служащих от ситуаций, способных привести к возникновению конфликта интересов; не ясность процедуры отказа от личной выгоды при возникновении конфликта интересов [13, с. 174], отсутствие обязательной юридической силы у решений комиссий по урегулированию конфликтов интересов, [11, с. 98] которые носят рекомендательный характер [3, п. 34].

С проблемой института предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной службе теснейшим образом связана проблема института увольнения с государственной службы в связи с утратой доверия.

В настоящее время можно констатировать, что увольнение в связи с утратой доверия стало приобретать роль основного инструмента антикоррупционной политики [12, с 51].

В настоящее время исчерпывающий перечень оснований увольнения в связи с утратой доверия закреплен в ст. 59.2 Закона о государственной гражданской службе [2].

При этом важно подчеркнуть, что увольнение в связи с утратой доверия по мнению А. В. Аносова стало носить превентивный характер, направленный на защиту репутации или функционирования государственного органа [7, с. 35].

Проблема состоит в том, что в законодательстве отсутствуют четкие критерии разграничения ситуаций, когда должно применяться увольнение по утрате доверия, а когда допускается применение иных мер взыскания. Кроме того не определен объем не предоставления государственным служащим тех или иных сведений, влекущих за собой увольнение в связи с утратой доверия,

что как отмечается в специальной литературе на практике приводит к неправомерному признанию увольнения законным по такому основанию [15, с. 64].

На наш взгляд следует согласится с позицией тех авторов, которые считают, что увольнение в связи с утратой доверия должно стать исключительной мерой дисциплинарной ответственности государственных служащих и применятся в случаях, когда иные меры правового воздействия не принесли должного эффекта [10, с. 64; 14, с. 100].

Одним из наиболее значимых вызовов современного правового регулирования является контроль за поведением государственных служащих в сети Интернет.

В силу положений ст. 20.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации на государственных служащих возлагается обязанность ежегодно предоставлять сведения о размещении ими информации в сети «Интернет», за исключением случаев размещения ими общедоступной информации в рамках исполнения своих должностных обязанностей. Не предоставление указанных сведений может рассматриваться как основание для увольнения гражданского служащего в связи с утратой доверия. Допустимость ограничений для государственных служащих в публичных высказываниях была подтверждена Конституционным Судом РФ, который в одном из своих Постановлений указал, что государственные служащие наряду с правом на свободу выражения своего мнения, обязаны проявлять лояльность и сдержанность по отношению как к государству так и к государственным органам и их должностным лицам [5]. Минтруд России в одном из своих писем прямо указал, что размещение служащим изображений, текстовых, аудио, видеоматериалов, прямо или косвенно указывающих на его должностной статус, если данное действие не связано с исполнением служебных обязанностей недопустимо [4]. Таким образом, можно резюмировать, что деятельность государственных служащих в сети Интернет является объектом контроля. Однако, пределы и основания такого контроля законодательно не определены, а действующая система правового регулирования, как указывает О. В. Гречкина, не содержит четко сформулированных требований к информации, размещаемой гражданским служащим в открытом доступе в сети Интернет, как не содержит и иных этических норм, касающихся «публичного информационного поведения» служащего, что является, по ее мнению, пробелом законодательства, связанным с недостаточной регламентацией цифровых и информационных прав государственных служащих и ограничений, налагаемых на них в связи с прохождением государственной службы [9, с. 92].

На наш взгляд, целесообразно законодательно закрепить принципы работы государственных служащих в сети Интернет, и конкретные требования их публичному поведению в цифровом пространстве, включая гарантии от произвольного использования таких данных и четкую процедуру их проверки.

Отдельной проблемой является правовое регулирование дистанционной работы на государственной службе. Несмотря на широкое распространение удаленной занятости в частном секторе, специальное законодательство о государственной службе практически не содержит норм, регулирующих данный формат служебных отношений.

В федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» отсутствует прямой запрет на дистанционную работу и не предусмотрены соответствующие механизмы реализации такой возможности. В силу положений ст. 73 указанного федерального закона, дистанционная работа на государственной службе подчиняется правилам, установленным в гл. 49.1 ТК РФ [1] о дистанционной работе. Кроме того, возможность дистанционного исполнения служебных обязанностей предусмотрена ведомственными актами и предполагает необходимость заключения дополнительного соглашения между государственным служащим и представителем нанимателя.

Между тем, как показал анализ судебной практики при осуществлении дистанционной работы на государственной службе возникают проблемы, связанные с необоснованным применением к государственным служащим дисциплинарных взысканий [6].

Проблемы осуществления дистанционной работы на государственной службе связаны необходимостью обеспечения государственного служащего программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами, необходимыми для осуществления лицом служебной деятельности, а также соблюдения требований законодательства РФ о государственной тайне.

Кроме того, нельзя не отметить и проблему, связанную с разграничением штатной государственной службы и гражданско-правовых отношений, что требует четкого разграничения функций между штатными и внештатными специалистами.

Обобщая сказанное можно прийти к выводу о необходимости законодательного закрепления специфики дистанционного исполнения служебных обязанностей и установление четкого перечня должностей, для которых такой режим допустим, а также требований к техническому оснащению и информационной безопасности при дистанционной работе, соответствующих гарантий соблюдения прав государственных служащих, переведенных на дистанционный режим работы и порядка осуществления контроля за исполнением ими служебных обязанностей в дистанционной форме.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие выводы и рекомендации, направленные на совершенствование правового регулирования прохождения государственной службы.

1. Институт конфликта интересов являясь приоритетным институциональным механизмом профилактики коррупции на государственной службе требует совершенствования в части конкретизации юридических процедур, направленных на его урегулирование и предотвращение.

2. Утрата доверия как основание увольнения с государственной службы требует определения соразмерности ответственности и четкости критериев квалификации проступка, влекущего увольнение государственного служащего.

3. Обязанность государственных служащих ежегодно предоставлять сведения о размещении ими информации в сети «Интернет» требует дополнительной правовой регламентации в части конкретизации требований к такой информации.

4. Отсутствует специальное правовое регулирование дистанционного исполнения государственными служащими служебных обязанностей.

Полагаем, что в условиях цифровой трансформации государственной службы в законодательстве необходимо закрепить:

— дифференцированный подход к ответственности государственных служащих за несоблюдение ими ограничений и запретов на государственной службе с учетом степени вины и тяжести совершенного проступка;

— обязательный характер решений, принятых комиссиями по урегулированию конфликта интересов;

— конкретные требования к информации, размещаемой государственными служащими в открытом доступе в сети Интернет и иные требования, касающиеся их публичного информационного поведения;

— четкий перечень должностей государственной службы, для которых допустим дистанционный режим работы и требований к информационной безопасности при исполнении служебных обязанностей в дистанционном формате.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 31 мая.
3. Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» (вместе с «Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов») // Российская газета. 2010. 7 июля.
4. Письмо Минтруда России от 11.11.2017 № 18–4/10/В-7931 «О направлении Рекомендаций» (вместе с Рекомендациями по соблюдению государственными (муниципальными) служащими норм этики в целях противодействия коррупции и иным правонарушениям) [Электронный ресурс]. URL; https://docs.cntd.ru/document/555856667
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л. Н. Кондратьевой и А. Н. Мумолина» // Российская газета. 2011. 11 июля.
6. Решение Ленинского районного суда г. Саратов от 30 июня 2023 г. по делу № 2–2163/2023 [электронный ресурс]. URL: https://leninsky.sar.sudrf.ru
7. Аносов А. В. Увольнение в связи с утратой доверия в системе антикоррупционных мер органов внутренних дел // Академическая мысль. 2025. № 1 (30). С. 34–39.
8. Аппалонов К. А. Использование цифровых технологий для снижения риска коррупционной деятельности // Диалектика. 2022. Т. 1.
9. Гречкина О. В. Кадровая политика в системе государственной службы на страже обеспечения защищенности личности от информационных угроз в цифровой среде // Вестник ННГУ. 2024. № 3.
10. Куракин А. В., Косенкова Н. Г., Попова О. В. К проблеме увольнения по утрате доверия с государственной службы // Современное право. 2024. № 1.
11. Михалева Г. Г. Актуальные вопросы, связанные с наличием конфликта интересов на государственной гражданской службе Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 6(234).
12. Платонов И. А. Эволюция правового регулирования увольнения в связи с утратой доверия на гражданской и военной службе // Научный журнал. 2025. № 3(74).
13. Прокопович Г. А. Проблемы, возникающие при правоприменении в сфере конфликта интересов государственных и муниципальных служащих // Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы: Сб. ст. Всероссийского научно-практического круглого стола, Москва, 18 января 2024 года. Москва: Всероссийский государственный университет юстиции, 2025.
14. Рашева Н. Ю. Увольнение в связи с утратой доверия: проблемы правоприменительной практики и пути их решения // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 6–1.
15. Шишулина Т. П. Практика применения норм дисциплинарной ответственности в отношении работника (на основе анализа судебных решений) // Юридические исследования. 2025. № 2.

Реабилитация в уголовном процессе: понятие, основания и порядок возмещения вреда. Актуальные проблемы теории и правоприменения

Борисов Игорь Игоревич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются актуальные проблемы реализации института реабилитации в российском уголовном процессе. Основное внимание уделено доктринальной неопределённости понятия «реабилитация» и её практическим последствиям, дискуссионным вопросам частичной реабилитации, а также пробелам нормативной регламентации возмещения имущественного и компенсации морального вреда. Отдельный раздел посвящён анализу новейших правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. На основе обобщения научных публикаций 2021–2026 гг. и материалов судебной практики формулируются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Введение

Институт реабилитации занимает особое место в системе гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. Его социальная ценность определяется тем, что государство публично признаёт факт незаконного или необоснованного уголовного преследования и принимает на себя обязанность по восстановлению нарушенных прав гражданина. Конституционная основа данного института закреплена в статье 53 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый имеет право на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Между тем статистические данные свидетельствуют о том, что проблема реабилитации отнюдь не является маргинальной. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, доля оправдательных приговоров в России остаётся крайне низкой (около 0,25 % от числа лиц, в отношении которых вынесены приговоры), однако число лиц, уголовное преследование которых прекращено по реабилитирующим основаниям на досудебных стадиях, существенно выше. Каждый такой случай — это не только юридический, но и глубокий социальный конфликт, порождающий у гражданина потребность в восстановлении чести, достоинства, имущественного положения и деловой репутации.

Несмотря на формальное закрепление реабилитации в пункте 34 статьи 5 и главе 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также наличие развернутых разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», правоприменительная практика сталкивается с целым рядом нерешённых проблем. Настоящая работа посвящена анализу именно этих — доктринальных и прикладных — аспектов.

1. Понятие реабилитации: доктринальная неопределённость и её последствия

Определение реабилитации сформулировано в пункте 34 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: это «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причинённого ему вреда». Однако данная дефиниция, будучи сугубо процедурной, не раскрывает материально-правовой сущности реабилитации и не отвечает на ключевой вопрос: является ли реабилитация исключительно актом государства, констатирующим невиновность лица, или же она представляет собой комплекс правоотношений, включающих как признание права, так и его реальное восстановление?

В литературе сосуществуют несколько подходов. Согласно классической позиции Б. Т. Безлепкина, реабилитация представляет собой порядок восстановления прав и свобод лица и возмещения причинённого ему вреда, то есть категорию, объединяющую как процессуальные, так и материально-правовые элементы. И. Л. Петрухин акцентировал восстановительную направленность реабилитации, рассматривая её как возмещение вреда невиновному, пострадавшему от необоснованного уголовного преследования. В работах С. А. Рогачева реабилитация трактуется как государственное признание незаконности обвинительного приговора и обязанность государства возместить причинённый вред.

В новейших исследованиях (2023–2025 гг.) подчёркивается, что сущность реабилитации как комплексного социально-правового явления остаётся неясной и порождает серьёзные противоречия как в научной доктрине, так и в практике. Так, А. А. Евсюков и В. Б. Михсин указывают на необходимость разграничения реабилитации как процессуального института и как материально-правового отношения, возникающего между государством и лицом, подвергшимся незаконному преследованию. Э. А. Егорова обращает внимание на многозначность термина «реаби-

литация» в доктрине и предлагает различать реабилитацию в узком (возмещение вреда) и широком (полное восстановление правового статуса) смысле.

Подобная терминологическая неопределённость имеет вполне практические последствия. Она затрудняет разграничение реабилитации и смежных институтов (например, восстановления прав лиц, уголовное преследование которых прекращено по нереабилитирующим основаниям), а также создаёт почву для неодинакового толкования объёма права на реабилитацию в судебной практике. Представляется обоснованным предложение, высказанное в новейшей литературе, о необходимости изложить пункт 34 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в новой редакции, с более чётким определением понятия «реабилитация». Такая корректировка должна, с одной стороны, сохранить процессуальную определённость (реабилитация как порядок), а с другой — отразить её материально-правовой результат (полное восстановление правового статуса лица).

При этом важно подчеркнуть, что реабилитация не сводится к факту возмещения вреда. Восстановление чести, достоинства и доброго имени — это не только имущественная, но и нравственная категория, отражающая отношение государства к допущенной ошибке. Именно поэтому в доктрине всё чаще звучит тезис о необходимости рассматривать реабилитацию в единстве трёх элементов: признания незаконности уголовного преследования (акт государства), возмещения имущественного и компенсации морального вреда (материально-правовой результат) и восстановления иных прав (трудовых, пенсионных, жилищных — социально-восстановительный элемент).

2. Основания реабилитации и проблема частичной реабилитации

Система оснований возникновения права на реабилитацию закреплена в части 2 статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: оправдательный приговор; прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям (подпункты 1, 2, 5, 6 части 1 статьи 24, подпункты 1, 4–6 части 1 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации); отмена незаконного или необоснованного постановления о применении принудительных мер медицинского характера. В доктрине эти основания традиционно подразделяются на материально-правовые и процессуальные.

Одной из наиболее острых и наименее урегулированных проблем остаётся частичная реабилитация. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит определения этого понятия, что порождает значительные сложности в правоприменении. На практике частичная реабилитация возникает в ситуациях, когда: лицо оправдано по части предъявленного обвинения; уголовное преследование прекращено по реабилитирующему основанию в отношении одного из эпизодов преступной деятельности при сохранении обвинения по другим эпизодам; объём обвинения уменьшен, однако первоначальное обвинение не было признано незаконным в целом.

В литературе высказывается позиция, согласно которой частичное прекращение уголовного преследования влечёт возникновение права на реабилитацию только в том случае, если оно касается отдельного эпизода преступной деятельности, первоначально инкриминировавшегося лицу. Уменьшение же объёма обвинения в рамках одного и того же факта может порождать право на реабилитацию лишь при условии, что первоначальное обвинение в силу своей тяжести повлекло наступление таких юридических последствий, которые в принципе не могли наступить при предъявлении обвинения в уменьшенном объёме. Данный подход заслуживает поддержки, поскольку он позволяет отграничить подлинную частичную реабилитацию от ситуаций, когда изменение обвинения не свидетельствует о незаконности уголовного преследования как такового.

Тем не менее очевидна потребность в нормативном закреплении критериев частичной реабилитации. Представляется целесообразным дополнить статью 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нормой, которая определяла бы понятие частичной реабилитации и устанавливала правило о возмещении вреда пропорционально той части обвинения, которая признана незаконной или необоснованной. Это способствовало бы единообразию судебной практики и снизило бы риск необоснованных отказов в возмещении вреда.

Отдельного внимания заслуживает и вопрос об основаниях, исключающих реабилитацию. Так, в работах В. Ю. Стельмаха обосновывается целесообразность закрепления в уголовно-процессуальном законе такого обстоятельства, как самооговор обвиняемого (подозреваемого). Аргументация автора строится на том, что если лицо своими действиями (дача заведомо ложных показаний) способствовало возникновению уголовного преследования, полное освобождение государства от обязанности возмещения вреда было бы несправедливым. Однако данный вопрос требует взвешенного решения, поскольку самооговор может быть следствием незаконного воздействия со стороны органов предварительного расследования. Оптимальным представляется подход, при котором самооговор выступал бы основанием для снижения размера возмещения (или отказа в нём) только при условии доказанности добровольного характера такого поведения.

3. Порядок возмещения вреда: пробелы и юридико-технические погрешности

Процессуальный механизм возмещения вреда урегулирован статьях 135–139 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и предполагает обращение реабилитированного с требованием о возмещении имущественного вреда в суд, постановивший приговор (либо в вышестоящий суд), а также возможность предъявления

требований о компенсации морального вреда в порядке гражданского судопроизводства. Анализ новейших источников позволяет выделить несколько проблемных зон.

Во-первых, нормы, устанавливающие порядок разрешения требования реабилитированного о восстановлении его прежнего правового состояния и возмещении исключительно имущественного вреда, обнаруживают юридико-технические погрешности и не в полной мере согласуются с назначением уголовного судопроизводства, закреплённым в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Речь идёт о том, что законодатель фактически свёл содержание реабилитации к возмещению имущественного вреда, тогда как восстановление нематериальных прав (трудовых, пенсионных, жилищных) остаётся недостаточно обеспеченным процессуальными механизмами. Как отмечает В. Ю. Стельмах, нормы главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нуждаются в системной корректировке, направленной на обеспечение реального восстановления не только имущественных, но и нематериальных прав реабилитированных.

Во-вторых, сохраняет остроту проблема определения размера компенсации. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации не устанавливают критериев расчёта компенсации морального вреда при реабилитации, оставляя этот вопрос на усмотрение суда. Как следствие, размеры присуждаемых сумм существенно различаются по сходным делам, что порождает ощущение несправедливости у реабилитированных лиц и снижает доверие к институту в целом. В литературе И. П. Иванов предлагается закрепить на уровне Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации примерные критерии определения размера компенсации: длительность незаконного уголовного преследования, характер применённых мер процессуального принуждения (в частности, содержание под стражей), тяжесть наступивших последствий (утрата работы, распад семьи, ухудшение здоровья), индивидуальные особенности потерпевшего. Подобный подход, не лишая суд дискреции, способствовал бы большей предсказуемости судебных решений.

В-третьих, в литературе и практике обсуждается вопрос о снижении размера присуждённой реабилитированному компенсации при пересмотре судебных актов. Соответствующие законодательные поправки, касающиеся сроков пересмотра, были приняты, однако их применение порождает новые вопросы о балансе интересов реабилитированного лица и государства. Как будет показано ниже, ключевую роль в решении этой проблемы сыграло Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.09.2021 № 41-П.

В-четвёртых, заслуживает внимания проблема сроков. Действующее регулирование не устанавливает специального срока для рассмотрения судом требования реабилитированного о возмещении имущественного вреда. На практике это приводит к затягиванию процедур, что особенно чувствительно для лиц, длительное время находившихся под стражей или отбывавших наказание. Установление специального срока, например, по аналогии со сроками, предусмотренными статьей 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации способствовало бы повышению эффективности реабилитационного производства.

В-пятых, актуальной остаётся проблема индексации возмещаемых сумм. Между моментом причинения вреда и моментом его фактического возмещения нередко проходит значительный период, в течение которого покупательная способность денег снижается. Действующее законодательство не предусматривает механизма индексации возмещаемых реабилитированному сумм с учётом инфляции, что ставит под сомнение принцип полного возмещения вреда. Представляется целесообразным дополнить главу 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нормой, закрепляющей порядок такой индексации.

4. Актуальные правовые позиции высших судов

Значительное влияние на развитие института реабилитации оказывают правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2021 № 41-П стало ключевым для формирования практики, исключающей произвольное уменьшение уже присуждённых сумм возмещения. Предметом рассмотрения стали положения пункта 4 части 1 статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части 2 статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в той мере, в какой они служили нормативным основанием для решения вопроса о размере компенсации расходов на оплату юридической помощи адвоката при возмещении реабилитированному имущественного вреда, в том числе о снижении размера уже уплаченного возмещения при пересмотре и повороте исполнения судебного решения. Конституционный Суд Российской Федерации признал не соответствующим Конституции Российской Федерации установленный статьей 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации срок пересмотра судебного акта о возмещении вреда, указав, что государство не только должно пресекать незаконную следственную деятельность, но и обязано гарантировать пострадавшим от неправомерного привлечения к уголовной ответственности лицам полное восстановление в правах и максимально возможное возмещение причинённого вреда.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2022 № 20-П сформулировало важную правовую позицию применительно к выбору основания прекращения уголовного преследования: такой выбор не может быть произвольным, поскольку необоснованное уголовное преследование является грубым посягательством на человеческое достоинство. Органы публичной

власти обязаны действовать так, чтобы обеспечить соблюдение прав, подвергнутых уголовному преследованию лиц в формах, предопределённых применимым основанием прекращения преследования. Данная позиция имеет прямое отношение к институту реабилитации: необоснованное прекращение дела по нереабилитирующему основанию фактически лишает лицо права на возмещение вреда.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 17 подтвердило, что под реабилитацией понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причинённого ему вреда; право на реабилитацию признаётся за лицом дознавателем, следователем, прокурором или судом, признавшими незаконным или необоснованным его уголовное преследование; реабилитированному должно быть направлено извещение с разъяснением порядка возмещения вреда; требования реабилитированного о возмещении вреда (за исключением компенсации морального вреда в денежном выражении) и восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав разрешаются судом в уголовно-процессуальном порядке.

Анализ новейших судебных актов позволяет выделить несколько устойчивых тенденций. Во-первых, суды всё чаще приходят к выводу о необходимости полного возмещения расходов на юридическую помощь, понесённых реабилитированным лицом. Во-вторых, формируется подход, согласно которому при определении размера компенсации морального вреда суды должны учитывать длительность незаконного уголовного преследования, характер применённых мер процессуального принуждения и тяжесть наступивших последствий. В-третьих, сохраняется проблема неодинакового толкования понятия «частичная реабилитация»: суды по-разному определяют, влечёт ли прекращение уголовного преследования в отношении одного из эпизодов обвинения возникновение права на возмещение вреда в полном объёме или только в соответствующей части.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

Определение реабилитации нуждается в уточнении: оно должно отражать не только процедурный, но и материально-правовой аспект реабилитации как полного восстановления правового статуса лица.

Институт частичной реабилитации требует нормативного закрепления. Целесообразно дополнить статью 133 УПК РФ положением, определяющим понятие частичной реабилитации и правило о пропорциональном возмещении вреда. Одновременно следует обсудить вопрос о закреплении самооговора в качестве обстоятельства, исключающего реабилитацию (с оговорками, обеспечивающими защиту от незаконного воздействия).

Нормы главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обнаруживают юридико-технические погрешности и недостаточную согласованность с гражданским законодательством. Необходима системная корректировка, направленная на обеспечение реального восстановления не только имущественных, но и нематериальных прав реабилитированных.

Для преодоления разрозненности судебной практики по вопросу о размере компенсации морального вреда представляется полезным закрепить на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации примерные критерии определения такого размера.

Установление специального срока рассмотрения судом требования реабилитированного о возмещении вреда по аналогии со сроками, предусмотренными статьей 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и введение механизма индексации возмещаемых сумм способствовали бы повышению эффективности реабилитационного производства.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность института реабилитации и укрепить гарантии прав лиц, незаконно подвергшихся уголовному преследованию.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами законодательства, регулирующего основания и порядок реабилитации в уголовном судопроизводстве».
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2021 года № 41-П.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2022 года № 20-П.
7. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. — М.: Проспект, 2023.
8. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. — М.: Проспект, 2021.
9. Абрамова А. И. Реабилитация в уголовном процессе: современное состояние и перспективы развития. — М.: Норма, 2021.

10. Лазарева В. А. Уголовно-процессуальное право России. — М.: Проспект, 2022.
11. Федорова М. Н. Права личности в уголовном процессе: российский и зарубежный опыт. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2022.
12. Кузнецова А. Д. Особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2022.
13. Евсюков А. А. Реабилитация в уголовном процессе: понятие, основания и порядок возмещения вреда // Молодой учёный. — 2025. — № 27 (578). — С. 157–160.
14. Михсин В. Б. Понятие и значение реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Молодой учёный. — 2025. — № 41 (592). — С. 152–153.
15. Стельмах В. Ю. Пробелы нормативной регламентации реабилитации в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20, № 2. — С. 92–102.
16. Стельмах В. Ю. Самооговор как обстоятельство, исключающее реабилитацию // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 12. — С. 88–95.
17. Егорова Э. А. Некоторые проблемные вопросы, связанные с пониманием термина «реабилитация» в уголовном процессе России и в юридической литературе // Российско-азиатский правовой журнал. — 2025. — № 4. С. 80–81. (DOI: 10.14258/ralj(2025)4.13)
18. Хазиева Е. М. Проблема унификации практики определения размера денежной компенсации морального вреда в порядке реабилитации // Российский судья. — 2021. — № 11. — С. 3–7. // СПС «КонсультантПлюс».
19. Драничникова Н. В. Возмещение процессуальных издержек оправданному и реабилитированному лицу: вопросы теории и практики // Уголовно-процессуальное обозрение. — 2017. — № 4 (15). — С. 103–108. (https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-protsessualnyh-izderzhek-opravdannomu-i-reabilitirovannomu-litsu-voprosy-teorii-i-praktiki/pdf)

Законный режим имущества супругов

Борисова Ангелина Егоровна, студент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье исследуется законный режим имущества супругов как базовый элемент регулирования имущественных отношений в семье в рамках российского законодательства. Раскрыты основные положения Семейного кодекса РФ (ст. 33–37 СК РФ), определяющие режим совместной собственности супругов по умолчанию, а также перечень имущества, относимого к раздельной собственности.

Ключевые слова: *законный режим имущества супругов, совместная собственность супругов, раздельная собственность супругов, брачный договор, раздел имущества супругов.*

Законный режим имущества супругов представляет собой значимый элемент семейного и гражданского законодательства Российской Федерации, напрямую затрагивающий интересы миллионов российских семей. Актуальность темы обусловлена высокой частотой имущественных споров между супругами, особенно в случае расторжения брака, поскольку именно законный режим совместной собственности действует по умолчанию, если брачным договором не установлено иное.

По данным судебной статистики, в 2026 году суды общей юрисдикции рассмотрели 20 716 споров о разделе совместно нажитого имущества и 229 споров о признании недействительными сделок по отчуждению такого имущества, а общая сумма присуждённого к взысканию превысила 11 млрд рублей. Эти цифры наглядно демонстрируют масштаб проблемы и необходимость чёткого правового регулирования законного режима имущества супругов.

Согласно статье 33 СК РФ, законным режимом имущества супругов является режим совместной собственности, если брачным договором не установлено иное. Имущество, нажитое супругами в период брака, является их общей собственностью. В России действует законный режим совместной собственности супругов, который не зависит от уровня дохода каждого из них или от вклада в приобретение имущества.

Права супругов в этом режиме равны. Закон гарантирует право на общее имущество, даже если один из супругов не имел возможности иметь самостоятельный доход по уважительным причинам в период брака.

По мнению И. Н. Арсяковой и Т. А. Видовой, законный режим имущества супругов — это предусмотренная Семейным кодексом Российской Федерации законная система собственности супругов [5, с.66].

М. Вадуместриге определяет законный режим через совокупность норм семейного законодательства, регу-

лирующих имущественные отношения супругов в части имущества, приобретённого в период зарегистрированного в ЗАГСе брака, при отсутствии брачного договора. Он подчёркивает, что важнейшая черта совместной собственности — её бездолевой характер: собственники не имеют определённых долей впредь до раздела [6, с.80].

Т. Н. Васильева формулирует определение шире: законный режим — это правовой режим, воплощаемый в совокупности прав и обязанностей мужа и жены в отношении их имущества, который предопределяется исключительно нормами семейного законодательства (но не договора) [7, с.312].

Таким образом, законный режим регулирует вопросы собственности, распределения имущества и долговых обязательств, что имеет особое значение при разделении имущества, его передаче или защите прав супругов.

Согласно СК РФ, раздельной собственностью супругов является имущество, которое принадлежит только одному из супругов. К такому имуществу относятся [1]:

1. Имущество, приобретенное до брака: вещи, приобретенные одним из супругов до вступления в брак, остаются его личной собственностью (ст. 36 СК РФ, ст. 256 ГК РФ) [2].

2. Имущество, полученное по наследству или в дар: имущество, полученное в порядке дарения или по наследству во время брака, является личным имуществом того супруга, который его получил, так как оно не предназначено для улучшения общего благосостояния семьи (ст. 36 СК РФ).

3. Личные вещи супругов: вещи индивидуального пользования, такие как одежда, обувь и другие предметы личной необходимости, если они не относятся к предметам роскоши, также считаются личной собственностью (ст. 36 СК РФ).

4. Имущество, предоставленное для личного использования: имущество, полученное супругом от третьих лиц для личных нужд, например, денежные средства для выполнения поручения, также не входит в совместную собственность (ст. 34 СК РФ).

5. Интеллектуальная собственность: исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные одним из супругов, относятся к его личной собственности (ст. 36 СК РФ).

Согласно ст. 34 СК РФ, имущество, нажитое супругами в период брака, считается их совместной собственностью, независимо от того, на чье имя оно приобретено, и кто вносил денежные средства. В связи с этим в науке нередко упоминается презумпция общности имущества супругов. Например, М. К. Крылов считает, что в соответствии с п. 1 ст. 256 ГК РФ... установлена презумпция, что имущество, приобретаемое кем-либо из супругов в период брака по возмездной сделке, становится общей совместной собственностью обоих супругов [10, с.541].

Также М. В. Громоздина считает, что в презумпции общности находит отражение фундаментальный принцип регламентации имущественных отношений в семье [9, с.470]. К совместной собственности супругов относятся:

— доходы супругов, такие как заработная плата, пенсии и пособия;

— недвижимое и движимое имущество, приобретенное в браке;

— ценные бумаги, вклады, паи;

— предметы роскоши и другие вещи, приобретенные в браке. Совместной собственностью считается не только имущество, но и имущественные права, такие как право требования по банковским вкладам (ст. 34 СК РФ, ст. 256 ГК РФ).

Важно, что совместная собственность супругов включает также их общие долги, если средства, полученные по этим обязательствам, использовались для нужд семьи.

Супруги имеют право изменить законный режим имущества, заключив брачный договор. Этот договор позволяет перераспределить имущество и установить другие правила, не соответствующие законному режиму. В случае заключения соглашения о разделе имущества, правовой режим собственности может быть изменен, например, с совместной на раздельную собственность. Важно, что такие соглашения должны быть нотариально удостоверены, если они заключены в браке (ст. 40 СК РФ) [8, с.27].

Законный режим имущества супругов в Российской Федерации играет ключевую роль в регулировании имущественных отношений в семье. Понимание принципов раздельной и совместной собственности, а также правовых последствий долговых обязательств, является важным для защиты прав супругов и их интересов при разделе имущества. Возможность изменения режима через брачный договор дает супругам гибкость в установлении имущественных прав и обязанностей в зависимости от их потребностей и жизненных обстоятельств.

Российский законодатель, определяя правила отнесения объектов к общей совместной собственности супругов, установил критерии, на основании которых тот или иной объект может быть отнесен к общей совместной собственности супругов. На основании анализа ст. 34 СК РФ и ст. 37 СК РФ можно сделать вывод, что основанием возникновения права совместной собственности супругов является:

Во-первых, получением одним из супругов дохода от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия. Законодатель закрепляет правило, согласно которому к общей совместной собственности супругов не относятся денежные выплаты, которые имеющие целевое назначение.

Во-вторых, имущество, приобретенное за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

В-третьих, признание судом личного имущества одного из супругов совместной собственностью [12, с.9].

В соответствии с нормами статьи 10 СК РФ, заключение и государственная регистрация брака осуществляются в органах записи актов гражданского состояния. Права и обязанности супругов возникают с момента официальной регистрации брачных отношений.

Если лица проживают совместно без официальной регистрации брака, их имущественные отношения регулируются нормами гражданского права. Все ценности и имущество, приобретённые в период совместного ведения хозяйства, считаются общей долевой собственностью. Участники такого сожительства вправе самостоятельно определить, какое имущество будет относиться к их общей доле, а также согласовать размер этих долей – при этом они не обязаны быть равными.

Анализ современной судебной практики показывает: при возникновении разногласий относительно признания права собственности на конкретное имущество суды рассматривают только те доказательства, которые объективно подтверждают наличие гражданско-правовых отношений между сторонами. В частности, необходимы документальные свидетельства в форме надлежаще оформленного договора либо материалы, подтверждающие обоснованную невозможность заключения письменного соглашения.

Управление общим хозяйством и совместное проживание партнеров в статусе де-факто не влекут за собой формирование соглашения о приобретении имущества в совместную долевую собственность. Имущество, приобретенное после официальной регистрации брака, в соответствии с общепринятыми нормами, считается совместной собственностью супругов, независимо от того, кто из них осуществил приобретение и на чье имя оно оформлено.

Согласно пункту 1 статьи 34 СК РФ, имущество, приобретенное в период брака, подлежит презумпции совместной собственности супругов. Тем не менее, существуют определенные исключения, предусмотренные пунктом 1 статьи 36 СК РФ, согласно которым подаренные во время брака вещи, транспортные средства и недвижимость становятся собственностью того супруга, которому они были подарены, и не входят в состав общей собственности [13, с.147].

Современное законодательство Российской Федерации допускает возможность заключения брачного договора, который может устанавливать иной порядок владения, пользования и распоряжения имуществом, приобретенным после официальной регистрации брака.

Такой договор регулируется принципом свободы договора, закрепленным в гражданском праве. В случае отсутствия брачного договора, согласно пункту 1 статьи 33 СК РФ, все имущество, приобретенное или заработанное в период после заключения брака, включая материальные блага и денежные средства, признается общей совместной собственностью супругов [14, с.55].

В таком случае для определения долей в праве общей совместной собственности супругов суды по общему правилу исходят из того, что и у мужа, и у жены равные доли в размере 1/2 части от каждой вещи, транспортного средства, банковских счетов, долговых обязательств, недвижимого имущества.

Возникновение общей совместной собственности супругов на имущество начинается с момента, когда одному или обоим супругам предоставляются полномочия владения, пользования и распоряжения этим имуществом. Этот момент регулируется положениями статьи 223 Гражданского кодекса Российской Федерации: если иное не установлено законом или не оговорено в договоре, право собственности возникает у приобретателя с момента передачи вещи. Исключение составляют объекты, для которых по закону требуется государственная регистрация — в этом случае право собственности возникает после её проведения, если иной порядок не предусмотрен нормативными актами.

Особое значение при разрешении споров о разделе имущества между супругами имеют объекты жилого фонда – квартиры, дома и другие виды недвижимости – которые часто оформляются на имя одного из супругов. Однако регистрация права собственности на недвижимость только за одним из них не означает признание имущества личной собственностью этого супруга. Если жилое помещение или иной объект недвижимости приобретён в период брака при действующем установленном законом режиме общей совместной собственности, такое имущество автоматически считается совместно нажитым независимо от того, кто указан собственником в правоустанавливающих документах.

Согласно пункту 1 статьи 131 ГК РФ оформление прав на недвижимость осуществляется через уполномоченные государственные органы регистрации. На практике эту функцию выполняет Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), которая официально удостоверяет возникновение права собственности у нового владельца.

В соответствии с ч. 3 ст. 42 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [3] такая регистрация права общей совместной собственности супругов на недвижимое имущество происходит, если будет подано заявление одним из супругов, но брачным договором может быть обозначен и иной порядок. В соответствии со ст. 253 ГК РФ законно распоряжение этим имуществом, если имеется согласие всех участников общей собственности, причем независимо от того, кем из участников совершается сделка, кто будет записан в качестве стороны в договоре.

Согласно данной норме, один из супругов имеет право самостоятельно продать такое имущество, включая жилое помещение, без согласия второго супруга, что приводит к возникновению конфликтных ситуаций. Этот правовой пробел был устранен благодаря ст. 35 СК РФ, в которой указано, что в случае отчуждения одним из супругов не-

движимого имущества, находящегося в общей совместной собственности, необходимо нотариально удостоверенное согласие второго супруга.

Таким образом, можно сказать, что общая совместная собственность супругов, с одной стороны, представляет определенный специфичный режим собственности, предполагающий совместной владение, пользование и распоряжение, а с другой — общую совместную собственность можно представить как имущественную массу, приобретенную супругами в период брака, которая не может быть поделена на определенные части или доли [11, с.78].

Таким образом, для имущественных отношений между супругами ключевое значение имеют положения СК РФ, прежде всего статьи 34, 36 и 37, устанавливающие презумпцию общего имущества, приобретённого в браке, при наличии определённого перечня исключений (например, имущество личного пользования или полученное по безвозмездным сделкам). Важным инструментом регулирования таких отношений служит брачный договор. В части имущественных отношений членов крестьянского (фермерского) хозяйства применяется Федеральный закон от 11.06.2003 № 74ФЗ [4]; он устанавливает основание возникновения совместной собственности на принципах согласия всех участников хозяйства. Прекращение права общей совместной собственности возможно как по соглашению сторон или отчуждению объектов права, так и через судебные решения либо вследствие объективных обстоятельств, – например утраты имущества или прекращения деятельности фермерского хозяйства.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // СЗ РФ 1995, № 26, ст. 2166;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СЗ РФ 1994, № 8, ст. 6332
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // СЗ РФ 2015, № 65, ст. 776;
4. Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ 2003, № 7, ст. 4457;
5. Арсякова, И. Н., Видова Т. А. К вопросу о специфике законного режима имущества супругов // Материалы Афанасьевских чтений. 2024. № 3(50). С. 66.
6. Вадуместруге, М. Законный режим имущества супругов по законодательству РФ // Форум. Серия: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук. 2025. Т. 1, № 1(34). С. 80.
7. Васильева, Т. Н. Особенности законного режима имущества супругов // Инновации в обществе: современные вызовы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической студенческой конференции, Москва, 15–16 апреля 2024 года. Москва: Академия управления и производства, 2024. С. 312.
8. Вербицкая, К. Н., Ахметова А. Т. Законный режим имущества супругов // Актуальные вопросы юриспруденции: Сборник научных статей. Стерлитамак: Уфимский университет науки и технологий, 2025. С. 27.
9. Громоздина, М. В. Раздел семейного бизнеса и раздел общего имущества супругов: вопросы теории и практики // Семейный бизнес в правовом пространстве России: Монография / Отв. редакторы И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. С. 470.
10. Крылов, М. К. Законный режим имущества супругов в исторической ретроспективе / М. К. Крылов. — Текст: непосредственный // Глобальные научные тенденции: интеграция и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции, Симферополь, 22 октября 2024 года. — Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2025. — С. 541.
11. Крылов, М. К. Порядок и основания для раздела имущества супругов в судебном и внесудебном порядке / М. К. Крылов. — Текст: непосредственный // Юридическая гносеология. — 2025. — № 1. — С. 78.
12. Карпова, Е.В., Рубанова Н. А. Некоторые аспекты прекращения семейных прав // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2021. № 2 (20). С. 9.
13. Колмогоров, М. В. Раздел общего имущества супругов: основные условия и порядок / М. В. Колмогоров, К. С. Ферхатов. — Текст: непосредственный // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: сборник науч. тр. IV Национальной науч.-практ. конф. — СПб.: СПбУТУиЭ, 2020. — С. 147.
14. Томкина, Ю. Ю. Основания возникновения и прекращения права общей совместной собственности // Актуальные вопросы научных исследований в условиях формирования многополярного мира: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 01 марта 2024 года. Уфа: Аэтерна, 2024. С. 55.

Цифровые следы при расследовании торговли несовершеннолетними: развитие криминалистического наследия профессора Н. П. Яблокова

Головко Нонна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент;
Бояркина Софья Алексеевна, студент
Московский педагогический государственный университет

В статье рассматриваются актуальные вопросы обнаружения, документирования и применения цифровых следов в расследовании преступлений, связанных с торговлей несовершеннолетними (ст. 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации), а именно изучения особенностей трех уровней формирования цифровых следов.

Используя теоретические основы наследия уважаемого профессора Н. П. Яблокова, современные криминологические разработки А. И. Глушкова, Н. В. Головко и других исследователей, авторы предлагают модифицировать традиционные криминалистические методы для их применения в информационно-виртуальной среде.

С привлечением IT-эксперта проведен междисциплинарный анализ и разработаны тактико-криминалистические требования для системы Live-Digital-Trace (LDT). Этот программный и технический комплекс может применяться правоохранительными органами как вспомогательный инструмент. Использование автоматического фиксирования оперативной памяти и немедленного экспорта контрольных сумм SHA-256 в защищенное облако для государственных учреждений (правоохранительных органов) обеспечивает надежную защиту виртуальных доказательств от искажений и гарантирует их полную достоверность в судебном процессе.

Ключевые слова: *торговля несовершеннолетними, цифровая криминалистика, криминалистические методы, цифровой след, противодействие торговле несовершеннолетними.*

В условиях стремительного развития цифровых технологий проблема противодействия торговле несовершеннолетними, приобретая особую уникальность в наши дни, становится одной из ключевых задач правоохранительной системы на современном этапе. В эпоху информационного общества преступники, занимающиеся торговлей детьми как на внутреннем, так и на международном рынке, существенно пересмотрели свои методы преступной деятельности, другими словами, усовершенствовали способы коммуникации (схемы, алгоритмы), финансовые операции и меры по сокрытию своих преступных деяний.

С момента поиска преступником жертвы (установление контакта) в онлайн-пространстве через социальные сети, игровые платформы и т. д. (психологическая вербовка) и до/после момента физической передачи несовершеннолетнего, легализации полученных доходов от продажи жертвы (прибыли) каждый шаг его плана оставляет за собой цифровой след. Как известно, виртуальные данные, формирующие массивы важной информации, становятся неотъемлемой частью этого процесса.

Базой методологии работы отечественных правоприменителей и ученых по проблеме выявления скрытых преступлений, в том числе торговли несовершеннолетними, является криминалистическая характеристика преступления, сформулированная и детально разработанная профессором Н. П. Яблоковым [2].

Однако проблемы XXI века диктуют необходимость гибкости криминалистики, ее методологии, а также необходимость оперативного обновления технико-криминалистических и тактико-процессуальных приемов, так как из-за цифровых следов классический подход не всегда эффективен. Изменение понимания природы следообразования в условиях современной информационно-пространственной среды обусловливает потребность пересмотра традиционных подходов, сформированных учеными советской и российской школы криминалистики, в частности Н. П. Яблоковым и др.

Поиск, закрепление и проверка доказательств требуют применения новых информационных технологий обработки информации. Они помогают быстрее находить, оперативно обрабатывать большие объемы данных и надежно фиксировать их в качестве доказательств по уголовному делу.

В своих ключевых работах авторитетный российский ученый профессор Николай Павлович Яблоков рассматривает криминалистическую характеристику преступлений не как набор изолированных фактов, а как сложную, динамично развивающуюся и взаимосвязанную систему. Ученый подчеркивал, что ключевым моментом в этой системе является стабильная корреляция между методами совершения преступления и следовой картиной, которая неизбежно и естественно формируется в результате этих действий [2].

В контексте преступлений, связанных с торговлей несовершеннолетними, эта взаимосвязь в нынешней реальности существенно трансформировалась, приобретя новые, фундаментальные следы. Основываясь на исследованиях современных ученых [3], в частности А. И. Глушкова [4] и Н. В. Головко [5; 16], посвященных криминальному рынку, торговле несовершеннолетними и мерам защиты детей от киберпреступлений, можно утверждать, что современная преступность в значительной степени переместилась в информационно-виртуальную среду, которая является особенным и ключевым элементом в объективной стороне преступления (способ, обстановка),

в связи с чем концепция Н. П. Яблокова требует переосмысления [6, с. 13].

Если в XX веке криминалистика фокусировалась на сборе и анализе материальных доказательств (следы, предметы, вещественные улики) с места преступления, то современная индустрия торговли несовершеннолетними ставит перед правоохранительными органами новую задачу — разобраться сразу в трех уровнях цифровой информации.

1. Уровень сетевой и аппаратной верификации. Этот уровень описывает динамический IP-адрес, статический IP-адрес, уникальный MAC-адрес задействованных сетевых интерфейсов, уникальные MAC-адреса сетевых устройств, логику NAT, применяемую провайдерами связи, а также скрытую информацию, содержащуюся в графических файлах (EXIF). Используя предоставленную информацию, преступники проводят демонстрацию, рекламу и дистанционную оценку «живого товара» на специализированных закрытых онлайн-платформах.

Анализ полученных данных о цифровых следах помогает установить местонахождение и терминалы доступа преступной группы, осуществляющей торговлю несовершеннолетними. Другими словами, изъятие данных улик позволяет установить географическую локацию торговцев детьми и конкретные устройства.

2. Уровень прикладного программного интерфейса и оболочки пользователя. На этом этапе создаются виртуальные следы-отображения, которые локализуются внутри зашифрованных приложений для обмена сообщениями, в приватных коммуникационных средах, например в Telegram, Discord, WhatsApp и Element.

Современные преступные группировки эффективно используют чат-боты для продажи, сквозное шифрование, удаленные облачные серверы для координации совместных действий. Это позволяет им минимизировать риски разоблачения через оперативно-разыскные мероприятия, избежать обнаружения традиционными методами правоохранительных органов, потому что их деятельность становится анонимной и распределенной.

3. *Уровень, отвечающий за платежно-трансакционные операции в блокчейне.* Третий уровень занимается обработкой платежей и трансакций. Здесь функционируют детерминированные цепочки блоков с использованием хешей трансакций. Этот уровень применяется в анонимных криптовалютах, таких как Bitcoin, Monero и USDT-TRC20, и является ключевым элементом для осуществления финансовых операций на цифровых рынках (без него невозможна организация оплаты при совершении сделок на рынке незаконной торговли через интернет). Изучение трансакций позволяет проследить путь движения денег, задействованных в преступной деятельности, выявить конечных бенефициаров и лидеров криминальных групп, ответственных за организацию и координирование деятельности по незаконному обороту несовершеннолетними.

В рамках продолжительной дискуссии о сущности электронно-цифрового следа, которая велась на протяжении многих лет, затрагивались вопросы как его правовой, так и познавательной природы. В центре внимания оказались различные подходы. Так, В. А. Мещеряков рассматривал цифровой след прежде всего как физическое изменение магнитных свойств носителя информации [7, с. 14], а специалист А. И. Зазулин отмечал его вербально-символическую и процессуально-доказательную составляющие [8, с. 55–72]. Авторы поддерживают основополагающую точку зрения профессора Н. П. Яблокова, который подчеркивал необходимость того, чтобы технико-криминалистические методы, применяемые в предварительном следствии, были более совершенными, адаптивными и технологически продвинутыми, чем любые уловки, используемые преступниками для противодействия расследованию [6]. К примеру, М. И. Воронин утверждает, что традиционные следственные действия (обыск и выемка) необходимо адаптировать к особенностям цифровой информации [9, с. 81]. В условиях современной криминалистики традиционные методы изъятия и обыска, которые долгое время считались стандартными и подробно описаны в учебниках, теряют свою эффективность при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Применение алгоритма «отключить питание, опечатать компьютер и отправить на экспертизу» в таких случаях неизбежно приведет к провалу доказательственной базы. Криминальные группы широко применяют такие инструменты, как скрипты panic-button (предназначены для автоматического удаления данных в случае потери связи с центральным сервером) и технологии сквозного шифрования дисков (BitLocker, VeraCrypt).

По мнению профессора В. Б. Вехова, электронные документы и носители информации обладают исключительной восприимчивостью к намеренному искажению, изменению или уничтожению [10, с. 41]. В момент отключения устройства (компьютер или мобильный телефон вербовщика) от электросети или перехода в режим ожидания ключи шифрования, которые находились в оперативной памяти, исчезают навсегда. В результате жесткий диск становится зашифрованным хранилищем данных, недоступным для расшифровки, независимо от применяемых методов, даже при наличии высокотехнологичного оборудования и специалистов. В современном следственном действии все более важным становится включение методов «живой криминалистики» (Live Forensics) в тактику следственного действия — обыска. Это означает, что информация фиксируется и извлекается непосредственно во время непрерывной работы оборудования на месте преступления. При этом важно соблюдать процессуальные нормы и не нарушать конституционные права граждан на конфиденциальность переписки тех, кто не имеет отношения к расследованию, то есть не причастен к расследуемому событию.

Существуют тактические трудности, которые возникают из-за мгновенного удаления цифровых доказательств преступниками или автоматизированными

защитными скриптами. Чтобы справиться с этим разработчики создали тактико-криминалистические рекомендации для программного и технического комплекса Live-Digital-Trace (LDT-протокол). Этот комплекс предназначен для использования органами предварительного следствия. Для того чтобы полностью оценить техническую возможность реализации предложенного алгоритма, исследователи обратились к специалистам с практическим опытом в таких областях, как информационная безопасность, системное администрирование и цифровая криминалистика (Digital Forensics).

Благодаря междисциплинарным консультациям были внесены коррективы в инженерные и сетевые решения, что сделало их совместимыми с требованиями российского уголовно-процессуального законодательства и нормами, определяющими допустимость доказательств.

С позиции следственной деятельности алгоритм, описанный в данном контексте, обязателен к применению и состоит из трех ключевых этапов, каждый из которых реализуется специалистом (криминалистом) по уголовному делу непосредственно на месте проведения следственных мероприятий:

1. Применение «замораживания» для обработки нестабильной информации. Без вмешательства в работу уже запущенных программ система автоматически копирует содержимое оперативной памяти на электронное хранилище по байтам. Такой подход дает следователю возможность зафиксировать информацию о незащищенных сетевых соединениях, рабочих ключах шифрования и текущем содержании чатов в мессенджерах. Кроме того, это позволяет задокументировать открытые сетевые сессии до того, как преступники успеют воспользоваться функцией удаленного стирания истории переписки.

2. Техническая верификация неизменности собираемых данных. Для гарантии неизменности собираемой информации используется техническая верификация. Система автоматически вычисляет уникальный цифровой отпечаток (криптографическую контрольную сумму по алгоритму SHA-256 [1]) для каждого пакета данных, передаваемого через сеть, а также для извлеченных файлов. Любая модификация данных (умышленно или случайно произведенная) немедленно изменяет хеш-сумму и сигнализирует о произошедшем изменении.

3. Создание независимого процессуального штампа времени. Для обеспечения независимого и точного фиксирования времени следственных действий предлагается создать цифровой штамп времени. Цифровые отпечатки, не содержащие персональных данных граждан и текста переписок, будут оперативно переданы через защищенные каналы связи в специальный репозиторий программного обеспечения правоохранительных органов.

Репозиторий представляет собой информационную платформу для хранения программных проектов и управления ими, в ее функционал входят также инструменты для проверки качества кода и отслеживания любых модификаций [11]. В процессе передачи будет осуществлена строгая синхронизация времени с эталонными серверами, гарантирующая соответствие фактического времени проведения следственного действия.

Алгоритм, предложенный в данной работе, воплощает идею профессора Н. П. Яблокова о применении технико-криминалистических методов в следственных действиях [2; 15]. Реализация данного протокола полностью исключает стандартную линию поведения стороны защиты при судебно-следственных действиях, строящуюся на утверждениях о недопустимости цифровых доказательств и возможном несанкционированном внесении изменений в файлы сотрудниками правоохранительных органов в ходе осмотра или транспортировки. Создание неподдельной цифровой копии в ведомственном облаке правоохранительного органа во время самого обыска обеспечит достоверность цифрового следа. Любое последующее изменение структуры данных невозможно, что обеспечивает признание ее судом в качестве допустимого доказательства по уголовным делам о торговле несовершеннолетними.

Выводы

Подводя итог, следует констатировать, что творческий подход профессора Н. П. Яблокова к изучению следообразования и его связи с новыми технологиями создает надежную основу для противодействия торговле несовершеннолетними в цифровую эпоху [2; 15]. Современные технологии открывают доступ к передовым средствам расследования по уголовным делам и выступают определяющим фактором для предотвращения преступлений [12]. Однако внедрить в правоохранительную практику методы «живой криминалистики» (Live Forensics) и разработанный комплекс Live-Digital-Trace (LDT-протокол) невозможно из-за пробела в уголовно-процессуальном регулировании.

Действующая редакция ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), посвященная изъятию электронных носителей и копированию данных в ходе следственных действий, фокусируется на статичных носителях информации, где данные уже зафиксированы [13]. Российские ученые, среди которых С. В. Зуев, В. С. Черкасов [14] и В. Б. Вехов [10], неоднократно критиковали недостатки этой нормы. Тем не менее научные дебаты в основном фокусировались на вопросах привлечения специалистов, защиты прав предпринимателей и фиксации данных на материальных носителях. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит правовых механизмов для оперативного изъятия энергозависимой (волатильной) памяти и сетевого трафика в настоящем времени, а также для мгновенной криптографической проверки целостности этой информации, в связи с чем сторона защиты постоянно поднимает вопрос о недопустимости подобных доказательств в судебных заседаниях, аргументируя это ссылкой на ст. 75 УПК РФ и отсутствием четких правил их фиксации в законодательстве.

Для устранения пробела считаем целесообразным внести изменения в ст. 164.1 УПК РФ, добавив ч. 2.1, и отразить в ней рекомендации профессора Н. П. Яблокова о важности своевременного обновления правовых и технико-криминалистических инструментов доказывания, а также принципы, выдвинутые А. И. Глушковым, Н. В. Головко, касающиеся защиты конституционных прав и этических норм в цифровой сфере, особенно при работе с частной информацией.

Предлагается изложить ч. 2.1 ст. 164.1 УПК РФ следующим образом: «В случае, если есть веские основания полагать о риске потери, изменения или удаленного уничтожения ценной для криминалистики электронной информации, следователь незамедлительно дает поручение специалисту. Специалист вправе до отключения устройства от электричества и интернет-связи выполнить динамическую фиксацию и копирование данных из оперативной памяти, а также записать сетевой трафик. В протоколе следственного действия указываются сертифицированные программы и технические средства. Указанные средства должны обеспечивать автоматическое вычисление криптографических контрольных сумм (цифровых отпечатков) и фиксацию личных сообщений граждан без нарушения их конфиденциальности до судебного решения. Информация о программно-технических инструментах, сгенерированных контрольных суммах, времени их создания и передачи в защищенный ведомственный репозиторий заносится в протокол следственного действия».

Внедрение данной новеллы даст возможность законно использовать систему Live-Digital-Trace в расследованиях, обеспечит допустимость цифровых следов в уголовных делах о торговле несовершеннолетними (ст. 127.1 УК РФ) Это обеспечит эффективное проведение расследований без нарушения конституционных прав граждан.

Литература:

1. Что такое SHA-256? Простое объяснение цифрового отпечатка для файлов, APK и загрузок // Protectstar. — URL: https://www.protectstar.com/ru/faq/what-is-sha-256 (дата обращения: 02.11.2026).
2. Яблоков, Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории / Н. П. Яблоков // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2000. — № 2. — С. 3–13.
3. Вопросы сотрудничества правоохранительных органов государств — участников СНГ в противодействии торговле людьми : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 31 марта 2023 года) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. — М. : Московская академия Следственного комитета, 2023. — 314 с.
4. Глушков, А. И. Проблемы установления признаков торговли несовершеннолетними на стадии возбуждения уголовного дела / А. И. Глушков, Н. В. Головко // Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года) : в 2 ч. Ч. 1. — М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. — С. 126–131.
5. Головко, Н. В. Основные черты криминалистической характеристики торговли несовершеннолетними и использования их рабского труда / Н. В. Головко // Российский следователь. — 2011. — № 9. — С. 2–5.
6. Яблоков, Н. П. Криминалистика : учебник для вузов / Н. П. Яблоков. — М. : ЛексЭст, 2003.
7. Мещеряков, В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / В. А. Мещеряков. — Воронеж, 2001. — 386 с.
8. Зазулин, А. И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам / А. И. Зазулин. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 168 с.
9. Воронин, М. И. О правовой природе электронных (цифровых) доказательств / М. И. Воронин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 10 (74). — С. 74–81.
10. Электронные носители информации в криминалистике : монография / И. В. Александров, Д. В. Бахтеев, В. Б. Вехов [и др.] ; под ред. О. С. Кучина. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 304 с.
11. Методические рекомендации по обеспечению информационной безопасности при создании и эксплуатации открытых репозиториев программного обеспечения : утв. Минцифры России 29.03.2023 // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443702/ (дата обращения: 07.11.2026).
12. Головко, Н. В. Противодействие торговле детьми на современном этапе / Н. В. Головко // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. ст. по материалам CI Междунар. науч.-практ. конф. № 12 (100). — Новосибирск : СибАК, 2025. — С. 28–39.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.11.2026).
14. Зуев, С. В. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 164.1 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы / С. В. Зуев, В. С. Черкасов // Сибирское юридическое обозрение. — 2019. — № 2. — С. 193–197.
15. Яблоков, Н. П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы : монография / Н. П. Яблоков. — М. : Норма, 2016. — 192 с.

16. Головко, Н. В. Правовые механизмы предупреждения торговли несовершеннолетними / Н. В. Головко // Инновационные методы в исследованиях : материалы Международной научной конференции (г. Москва, 20 августа 2026. г.) / отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — М. : ГЕНЕЗИС, 2026. — С. 57–64.

Государственная поддержка инновационной деятельности

Бурова Полина Олеговна, студент
Российский новый университет (г. Москва)

В работе рассматриваются правовые основы государственной поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства и защиты бюджетных средств, выделяемых на его развитие. Обосновывается необходимость совершенствования нормативной базы, которая должна закреплять основные понятия и формы такой поддержки.

Ключевые слова: *инфраструктура поддержки, субъекты малого и среднего предпринимательства, инновации, инновационная деятельность.*

State support for innovative activities

Burova Polina Olegovna, student
Russian New University (Moscow)

The paper examines the legal foundations of state support for small and mediumsized innovative entrepreneurship and the protection of budget funds allocated for its development. The need to improve the regulatory framework, which should enshrine the main concepts and forms of such support, is substantiated.

Keywords: *support infrastructure, small and mediumsized enterprises, innovations, innovative activity.*

Государственной поддержкой инновационной деятельности является совокупность мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации в целях создания необходимых правовых, экономических и организационных условий, а также стимулов для юридических и физических лиц, осуществляющих инновационную деятельность (п.2 в ред. Федерального закона от 07.05.2013 N 93-ФЗ).

Государственная поддержка инновационной деятельности осуществляется в целях модернизации экономики Российской Федерации, повышения конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг на российском и международных рынках, а также улучшения качества жизни населения и основывается на следующих принципах:

а) применение программно-целевого подхода и обеспечение измеримости целей при планировании и реализации мер государственной поддержки;

б) обеспечение доступности мер государственной поддержки на всех этапах осуществления инновационной деятельности, включая поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства;

в) приоритетное развитие инфраструктуры, обеспечивающей инновационную деятельность;

г) обеспечение открытости государственной поддержки инновационной деятельности посредством размещения в сети «Интернет» информации о предоставляемых мерах такой поддержки;

д) приоритетное содействие дальнейшему развитию и внедрению результатов инновационной деятельности;

е) защита частных интересов и стимулирование частной инициативы;

ж) приоритетное применение рыночных механизмов и механизмов государственно-частного партнёрства в целях стимулирования инновационной деятельности;

з) обеспечение результативности государственной поддержки инновационной деятельности в интересах социально-экономического развития Российской Федерации и её субъектов;

и) целевое использования бюджетных средств, выделяемых на поддержку инновационной деятельности.

Реализация указанных принципов обеспечивается посредством комплекса мер государственной поддержки инновационной деятельности, включающего финансовые и нефинансовые инструменты.

Гранты и субсидии представляют собой формы прямой государственной финансовой поддержки производства и научных исследований. Они предоставляются для покрытия расходов, связанных с разработкой технологий и испытанием опытных образцов, приобретением оборудования, продвижением продукции и патентованием изобретений.

Примером такой поддержки является программа «Старт» Фонда содействия развитию малых форм пред-

приятий в научно-технической сфере. *Она ориентирована на малые инновационные предприятия, находящиеся на ранних этапах развития. Финансирование предоставляется поэтапно: на первоначальном этапе — для выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и создания прототипа. В дальнейшем предприятия могут продолжить развитие проекта в рамках других программ Фонда, например «Бизнес-Старт», и получить доступ к более значительному объёму финансирования.*

Льготное кредитование предполагает предоставление предприятиям займов по сниженным процентным ставкам. В зависимости от условий конкретной программы полученные средства могут направляться на приобретение коммерческой недвижимости и оборудования, а также на проведение научных исследований.

Пример: Промышленная ипотека от Министерства промышленности и торговли Российской Федерации: банки-партнёры выдают технологическим компаниям займы со ставкой от 3 % годовых. Программа позволяет купить, построить или отремонтировать производственное здание.

Государственные инвестиции осуществляются государственными корпорациями и специализированными фондами в форме вложений в проекты или возмещения расходов частным инвесторам. В отдельных случаях государственные структуры приобретают долю в компании и, соответственно, право на часть её будущей прибыли.

Примером является программа возмещения инвестиций Фонда «Сколково», в рамках которой физическим лицам, вложившим средства в инновационные проекты фонда, компенсируются инвестиции в размере до 20 млн рублей.

Налоговые льготы предусматривают снижение или временное освобождение от уплаты отдельных налогов, в том числе налога на прибыль и налога на имущество. Конкретные условия предоставления льгот определяются соответствующей программой.

Примером являются налоговые и таможенные льготы для участников проекта «Сколково». *Его резиденты могут применять специальные налоговые режимы, включая пониженные тарифы страховых взносов и льготы по налогу на прибыль и налог на добавленную стоимость. Кроме того, для них предусмотрены таможенные преференции при ввозе оборудования, используемого для научных исследований.*

Инфраструктурная поддержка заключается в создании технопарков и территорий опережающего развития, где предприятиям предоставляются земельные участки, помещения и оборудование на льготных условиях.

Современное развитие экономики Российской Федерации характеризуется переходом к инновационной модели хозяйствования, что обусловливает необходимость совершенствования гражданско-правового регулирования предпринимательской деятельности. Существенную роль в данной сфере играют субъекты малого и среднего предпринимательства.

Для стимулирования инновационной предпринимательской деятельности первостепенное значение имеет формирование качественной нормативно-правовой базы, определяющей основные понятия и формы государственной поддержки субъектов такой деятельности.

Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [6, ст. 22] установил конкретные меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в области инноваций и промышленного производства, возложив осуществление данных функций на органы государственной власти и органы местного самоуправления. Поддержка указанных коммерческих организаций должна осуществляться в следующих формах:

1) Создание организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и оказывающих поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства, в том числе технопарков, центров коммерциализации технологий, технико-внедренческих и научно-производственных зон и обеспечения деятельности таких организаций.

В инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, в полной мере учитывающей экономические преобразования в обществе и согласующиеся с положениями Федерального закона Российской Федерации «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», входят центры и агентства по развитию предпринимательства, государственные и муниципальные фонды поддержки предпринимательства, фонды содействия кредитованию, акционерные инвестиционные фонды и закрытые паевые инвестиционные фонды, технопарки, **научно-технологические парки**, инновационно-технологические центры, которые объединяют научно-исследовательские институты, лаборатории и производственные компании на одной площадке, бизнес-инкубаторы **и акселераторы**, предоставляющие помещения, оборудование, юридическое и бухгалтерское сопровождение на ранних этапах развития проектов, **центры прототипирования и коллективного пользования**, дающие доступ к сложному инженерному, испытательному и производственному оборудованию, **фонды содействия инновациям** (например, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере) — предоставляют гранты и субсидии, **венчурные фонды и инвестиционные платформы**, привлекающие частные и государственные внебюджетные инвестиции в инновационные проекты, а также **инновационные кластеры**, объединения предприятий, образовательных и научных организаций, совместно реализующих технологические проекты. маркетинговые и учебно-деловые центры и др. [3, с. 236].

Таким образом, инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства представлена субъектами, напрямую содействующими государственным или

муниципальным органам власти непосредственно при реализации федеральных, региональных и местных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства, и специализированными организациями и индивидуальными предпринимателями, оказывающими финансовую, имущественную, информационную, консультационную, кадровую и иную инновационную поддержку субъектов малого и среднего бизнеса [1, с. 155].

Значимость данной меры поддержки обусловлена тем, что крупные предприятия зачастую самостоятельно создают инфраструктуру, необходимую для обеспечения своей деятельности, включая учебные центры, маркетинговые и юридические подразделения, а также службы коммуникации. Малые и средние предприятия, как правило, не располагают достаточными ресурсами для формирования аналогичных структур.

Поэтому доступ к соответствующим услугам на приемлемых условиях обеспечивается для них посредством инфраструктуры государственной поддержки.

2) Оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в патентовании изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и селекционных достижений, а также в государственной регистрации иных созданных ими результатов интеллектуальной деятельности.

На сегодняшний день получение патента на изобретение является не только сложной, трудоемкой, длительной, но и финансово затратной процедурой. Именно поэтому одной из важнейших мер государственной поддержки малых форм инновационного предпринимательства является посильное облегчение этого процесса [2, с. 49].

На субфедеральном уровне могут быть предусмотрены дополнительные меры содействия патентованию субъектов малого и среднего предпринимательства, особенно действующих в сфере инноваций.

3) Создание условий для вовлечения субъектов малого и среднего предпринимательства в заключение договоров субподряда в сфере инновационной деятельности и промышленного производства.

Данная мера поддержки играет важную роль в развитии малого и среднего инновационного предпринимательства. Субподрядные отношения в инновационной сфере обычно носят стабильный и долгосрочный характер, представляя собой взаимовыгодное сотрудничество крупного и малого бизнеса. Крупные предприятия, привлекая малые и средние компании к реализации инновационных проектов, получают доступ к специализированным компетенциям и одновременно оказывают им техническую поддержку, способствуя укреплению их финансовой стабильности и конкурентоспособности.

4) Создание акционерных инвестиционных фондов и закрытых паевых инвестиционных фондов. [1; 2]

Необходимость совершенствования мер государственной поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства обусловлена потребностью в расширении доступа таких компаний к частному капиталу, который выступает важным дополнением к бюджетному финансированию.

В качестве основы системы поддержки целесообразно рассматривать две взаимосвязанные группы мер: финансовые и организационно-обеспечительные [3, с. 14].

Однако действующее законодательное регулирование, закрепляя отдельные инструменты помощи малому и среднему инновационному предпринимательству, не в полной мере отражает его потребности.

В частности, нуждается в дополнительном правовом осмыслении страховая защита инновационных проектов. Высокая неопределённость и значительный уровень рисков в этой сфере могут привести к отказу страховщика в выплате возмещения или к невозможности получить его в полном объёме. Для малых и средних предприятий подобные потери особенно существенны: в отдельных случаях они способны поставить под угрозу продолжение деятельности и повлечь банкротство.

Ввиду этого представляется обоснованным рассмотреть возможность отдельного закрепления страховой поддержки в законодательстве в качестве самостоятельного направления помощи инновационному бизнесу. [1; с. 40].

Литература:

1. Гончаренко Л. П. «Инновационная политика» // Цели, инструменты и механизмы государственной инновационной политики на макро- и микроуровне, вопросы законодательного регулирования и анализ национальной инновационной системы, 2026.
2. Степаненко Д. М. «Государственная поддержка инновационной деятельности» / (монографии и авторефераты по экономике и управлению инновациями), 2008. 26 с.
3. Губарева А. М. Инфраструктура поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в рамках государственно-частного партнерства: правовой аспект / А. М. Губарева // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. — 2013. — № 9 1 (20). — С. 152–158.
4. Иншакова А. О. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в перечне законодательных приоритетов обеспечения наноиндустрии / А. О. Иншакова // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. -2012. — № > 1 (7). — С. 45–52.
5. Наумов А. Ф., Захаров А. А. «Инновационная деятельность предприятия» (включает разделы о правовых основах и государственной поддержке), 2021. 256 с.

6. Марданшина Е. А. Правовое положение субъектов инновационной деятельности в сфере предпринимательства / Е. А. Марданшина. — М., 2012. — 28 с.
7. Мукосеев Д. В. Инновационная деятельность как фактор повышения эффективности функционирования малого предпринимательства в условиях кризиса / Д. В. Мукосеев // Управление экономическими системами. — 2012. — № 4 (40). — Электронные текстовые данные — Режим доступа: http:// www.uecs.ru. — Загл. с экрана.
8. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ: (в ред. от 23.07.2013 № 238-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 31. — Ст. 4006.

Средства и способы изобличения лжи в показаниях по уголовному делу

Воробьев Сергей Сергеевич, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматриваются средства и способы изобличения лжи в показаниях, даваемых участниками уголовного судопроизводства. Показания остаются одним из наиболее востребованных и одновременно наиболее уязвимых источников доказательств: они формируются в результате сложного психического процесса восприятия, запоминания и воспроизведения, а потому могут содержать как добросовестные ошибки, так и умышленные искажения. В статье рассмотрено, что следует понимать под ложью, какие её разновидности выделяются (лжесвидетельство, сокрытие, искажение, ложное алиби, самооговор, оговор), чем она мотивируется и как проявляется; строение ложных показаний описано с опорой на концепции Р. С. Белкина и А. Р. Ратинова. Главное внимание уделено систематизации средств изобличения лжи: процессуальные (допрос, очная ставка, предъявление для опознания, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, судебные экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования, проверка и оценка доказательств), тактические (система уточняющих, детализирующих, контрольных и уличающих вопросов, предъявление доказательств, детализация показаний, использование противоречий, тактические комбинации) и организационно-технические (аудио- и видеозапись, оперативно-розыскные мероприятия). Отдельно разобраны вопросы о доказательственном значении полиграфа, пределах допустимости тактических приёмов и наказуемости заведомо ложных показаний. Автор заключает, что ложь изобличается только совместным применением разных средств и при опоре на всю совокупность доказательств.

Ключевые слова: *изобличение лжи, ложные показания, ложь в показаниях, тактические приёмы, тактика допроса, оценка доказательств, полиграф, процессуальные средства доказывания.*

Введение

Сведения о событии преступления следствие и суд получают прежде всего из показаний потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого, поэтому в доказательственной системе уголовного дела им принадлежит ключевая роль. Однако любое показание рождается в ходе непростой психической работы: человек воспринимает событие, удерживает его в памяти и затем пересказывает. На любой из этих стадий возможны и невольные ошибки, и намеренные искажения, а значит, показания обоснованно считаются одним из самых ненадёжных источников доказательственной информации [10, С. 46].

Значимость темы определяется тем, что заведомо ложные показания остаются одной из частых форм противодействия расследованию. Говорят неправду не только те, кто стремится избежать ответственности: искажают сведения и свидетели с потерпевшими — из страха, мести, корысти, ложно понятой солидарности либо из-за зависимости от других лиц. Чтобы установить обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; далее — УПК РФ), и оценить доказательства (ст. 74, 87, 88 УПК РФ), следователь должен видеть признаки неискренности и подбирать подходящие способы её преодоления [2, ст. 73, 74, 87, 88]. Промах здесь оборачивается либо недоверием к правдивым показаниям, либо закреплением ложной версии и судебной ошибкой.

Степень разработанности темы. Изучение лжи давно ведётся в криминалистике, уголовно-процессуальной науке и юридической психологии. Понятие ложных показаний и их строение анализировали Р. С. Белкин, А. Р. Ратинов, А. В. Дулов, В. А. Образцов, Н. И. Порубов, О. Я. Баев [7; 10; 12; 13; 17; 18]; тактике следственных действий посвящены труды Е. П. Ищенко, Н. П. Яблокова, С. А. Шейфера [15; 16; 20]; психологию правды и лжи изучали В. В. Знаков, А. М. Столяренко, П. Экман [22; 23; 25]; инструментальные методы описаны Ю. И. Холодным [26, С. 31]; признаки обмана исследуют за рубежом А. Врий, Б. ДеПауло, К. Бонд, Д. Мацумото [27; 28; 29]. При этом до сих пор нет целостной классификации, в которой процессуальные, тактические и организационно-технические средства изобличения лжи рассматривались бы во взаимной связи, что и определяет актуальность работы.

Цель исследования — опираясь на нормы уголовно-процессуального закона и положения криминалистической науки, упорядочить средства и способы изобличения лжи в показаниях и наметить пути дальнейшего развития этой деятельности.

Задачи исследования:

– определить, что представляет собой ложь в показаниях, каковы её виды, мотивы, вербальные и невербальные признаки и структура ложных показаний;

– дать характеристику процессуальным средствам изобличения лжи, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации;

– упорядочить тактические (непроцессуальные) приёмы и организационно-технические средства, позволяющие обнаружить и преодолеть ложные показания;

– установить, какие трудности связаны с доказательственным значением психофизиологических исследований, допустимостью тактических приёмов и ответственностью за заведомо ложные показания, и предложить пути их преодоления.

Методология исследования опирается на общенаучные способы познания (диалектический, логический, системно-структурный методы, анализ и синтез) и частнонаучные приёмы юридической науки: формально-юридический и сравнительно-правовой методы, обобщение следственной практики. Нормативной базой послужили Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы Российской Федерации, федеральные законы, регулирующие экспертную и оперативно-розыскную деятельность [1; 2; 3; 4; 5].

1. Понятие, виды, признаки и структура лжи в показаниях

Криминалистика определяет ложь в показаниях как намеренную передачу участником процесса сведений, не отвечающих действительности, или как сознательное сокрытие, искажение либо подмену значимых для дела обстоятельств [7, С. 82; 10, С. 30]. Решающим признаком, отделяющим ложь от добросовестного заблуждения, служит умысел. Само по себе расхождение показаний с действительностью ещё не говорит о неискренности: оно может объясняться ошибками восприятия, пробелами памяти или субъективной оценкой [12, С. 120]. По мысли Р. С. Белкина, лгущий осознаёт характер сообщаемого, и для установления лжи нужно доказать намеренность сообщения; А. Р. Ратинов видел в лжи часть защитного поведения, подчинённую целям лица в конфликтной ситуации расследования [9, С. 131; 10, С. 33].

Формы проявления лжи многообразны: лжесвидетельство (сообщение заведомо ложных сведений о фактах); сокрытие, или умолчание (несообщение значимых обстоятельств без прямого утверждения о них); искажение (частичное изменение фактов, их перестановка, преувеличение или преуменьшение); ложное алиби (утверждение о нахождении лица в ином месте в момент преступления); самооговор (принятие вины за деяние, которого лицо не совершало); оговор (указание на непричастное лицо как на соучастника) [10, С. 35; 12, С. 129]. Наибольшую опасность представляют самооговор и оговор, способные привести к привлечению невиновных и к судебным ошибкам; их причины связаны не только с умыслом, но и с повышенной внушаемостью, психическим состоянием, давлением соучастников, стремлением защитить близкого человека [14, С. 210].

Мотивы ложных показаний дифференцируются по процессуальному положению лица. Для подозреваемого и обвиняемого характерны защитная позиция, стремление избежать наказания или смягчить ответственность, переложить вину на других, создать алиби; для потерпевшего типичны преувеличение вреда, желание усилить ответственность виновного, месть, страх или зависимость от преступника; для свидетеля — нежелание быть вовлечённым в процесс, боязнь мести, родственные или дружеские связи, материальная заинтересованность [6; 10, С. 42; 12, С. 133]. Классификация мотивов важна для практики: зная мотив, следователь может прицельно проверять версии и выбирать тактику, рассчитанную именно на него [8, С. 210; 17, С. 27].

Признаки лжи подразделяются на вербальные и невербальные. Вербальными считаются противоречия внутри показаний, их расхождение с установленными обстоятельствами, смена позиции без объективных оснований, избыточная либо неоправданно размытая детализация, уход от конкретных ответов, логические разрывы, скудость пространственно-временных характеристик [10, С. 50]. К невербальным относят изменения мимики, жестов, позы, тембра и темпа речи, вегетативные реакции; эти проявления изучали П. Экман (микровыражения) и В. В. Знаков, показавший, что понимание правды и лжи опосредовано личностными и ситуативными факторами [24, С. 9; 25, С. 60]. Доказательством лжи такие признаки не служат: по данным А. Врий, Б. ДеПауло и К. Бонда, распознать обман по поведению удаётся редко, а напряжение человека может объясняться страхом, стрессом или нездоровьем [27, С. 100; 28, С. 92; 29, С. 225]. Поэтому признаки неискренности лишь ориентируют следователя и должны проверяться процессуальными средствами.

Р. С. Белкин и А. Р. Ратинов описывали структуру ложных показаний как совокупность связанных элементов: предмет искажения, мотив ложного поведения, цель лица, способ искажения, степень подготовленности сообщения и его соотношение с другими доказательствами [9, С. 140; 10, С. 55]. В логико-психологической модели лжи, на которую указывали А. Р. Ратинов и Н. И. Гаврилова, первым звеном служит решение исказить действительность, а последним — выстраивание версии, внешне свободной от противоречий [11, С. 28]. Тактический анализ направлен как раз на согласованность и устойчивость этой версии при детализации: чем тщательнее продумана ложь, тем сложнее сохранить её при уточнении второстепенных деталей и пространственно-

временных связей, и в этом заключается основа для изобличения [17, С. 60].

2. Процессуальные средства изобличения лжи

Под процессуальными средствами изобличения лжи понимаются следственные и иные процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, результаты которых имеют доказательственное значение и позволяют проверить достоверность показаний [20, С. 15]. Общие правила их производства установлены ст. 164 УПК РФ, а ход и результаты отражаются в протоколе следственного действия (ст. 166 УПК РФ) [2, ст. 164, 166]. На все без исключения средства изобличения лжи распространяются требования законности, добровольности и запрета принуждения.

Ключевым средством остаётся допрос [17, С. 12]. Общие правила допроса закреплены в ст. 189 УПК РФ, составление протокола регламентирует ст. 190 УПК РФ: тактику следователь выбирает самостоятельно, однако наводящие вопросы задавать запрещено, а показания по возможности фиксируются дословно [2, ст. 189, 190]. Допрос несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля имеет особенности, указанные в ст. 191 УПК РФ, а несовершеннолетних подозреваемого и обвиняемого — в ст. 425 УПК РФ; эти нормы предписывают участие педагога или психолога, законного представителя и защитника и ограничивают длительность допроса [2, ст. 191, 425]. Ввиду внушаемости несовершеннолетних особенно важно отделять умышленную ложь от фантазий, навязанного рассказа или желания оправдать ожидания взрослого [21, С. 300].

Устранять противоречия и проверять показания позволяют очная ставка (ст. 192 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ), следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ) и проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ) [2, ст. 181, 192, 193, 194]. Очная ставка проводится при существенных противоречиях между показаниями двух лиц и ценна тем, что расхождения выясняются у каждого участника последовательно, что затрудняет удержание согласованной ложной версии [17, С. 95]. Предъявление для опознания проверяет правдивость утверждений о знакомстве с лицом, предметом или трупом [19, С. 130]. Следственный эксперимент и проверка показаний на месте воспроизводят действия и обстановку события: невозможность воспроизвести реальные пространственные, временные и причинно-следственные связи прямо свидетельствует о ложности показаний [18, С. 120]. Недопустимо унижать достоинство участников и создавать опасность для их жизни и здоровья.

Самостоятельную группу образуют судебные экспертизы. Порядок их назначения регламентирован ст. 195 УПК РФ, случаи обязательного назначения — ст. 196 УПК РФ, порядок направления материалов дела эксперту, комиссионная и комплексная экспертизы — ст. 199–201 УПК РФ [2, ст. 195, 196, 199–201; 4]. По делам о преступлениях против жизни и здоровья, половой неприкосновенности, а также в отношении несовершеннолетних широко применяются судебно-медицинские, судебно-психиатрические и судебно-психологические экспертизы; последняя устанавливает особенности познавательной и эмоционально-волевой сферы, внушаемости лица, что значимо для оценки вероятности добросовестного заблуждения, самооговора или оговора [21, С. 320]. К специальным знаниям прибегают и при исследовании психофизиологических реакций, но полученные данные лишь ориентируют следствие и не заменяют доказывание [26, С. 32]. Образцы для сравнительного исследования получают по правилам ст. 202 УПК РФ [2, ст. 202].

Ложь изобличается и непосредственно в ходе доказывания. Согласно ст. 17 УПК РФ, закрепляющей свободу оценки доказательств, они оцениваются по внутреннему убеждению, складывающемуся из всей их совокупности, с руководством законом и совестью [2, ст. 17]. Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, дан в ст. 73 УПК РФ, а понятие и виды доказательств раскрыты в ст. 74 УПК РФ [2, ст. 73, 74]. При проверке доказательств (ст. 87 УПК РФ) показания сопоставляются друг с другом и с иными доказательствами, устанавливаются их источники и добываются новые; порядок оценки, включая признание доказательства недопустимым, определён ст. 88 УПК РФ [2, ст. 87, 88; 30]. Именно сопоставление показаний с протоколами следственных действий, заключениями экспертиз, вещественными доказательствами, записями камер видеонаблюдения и иными сведениями составляет объективную основу изобличения лжи [20, С. 62].

3. Тактические приёмы и организационно-технические средства изобличения лжи

Тактические (непроцессуальные по происхождению) приёмы — выработанные криминалистикой и апробированные практикой способы действий, применяемые в рамках процессуальной формы и направленные на получение достоверных показаний [15, С. 200; 16, С. 100]. Сами доказательства они не порождают, но помогают их собирать и проверять [20, С. 30]. Подготовка к допросу — важнейшее условие изобличения лжи: следователь изучает материалы дела, выявляет имеющиеся противоречия, анализирует личность допрашиваемого, его процессуальное положение и возможные мотивы сообщения ложных сведений [17, С. 30; 19, С. 95].

Ядром тактического арсенала является система вопросов. Уточняющие восполняют пробелы и конкретизируют сказанное; детализирующие выясняют второстепенные обстоятельства, в которых ложное сообщение чаще всего теряет устойчивость; контрольные позволяют перепроверить сведения в иной формулировке; уличающие прямо направлены на опровержение ложного утверждения доказательствами [17, С. 45; 18, С. 60]. Традиционным приёмом считается «допущение легенды»: на время следователь воздерживается от опровержения ложной версии и даёт изложить её во всех подробностях,

а затем детализация и предъявление доказательств обнажают её надуманность [17, С. 70].

Высокую результативность даёт предъявление доказательств — последовательное, начиная с наиболее значимого, всей совокупностью или с опорой на противоречия между показаниями; сильнее всего оно действует, когда допрашиваемый уверен, что его версию проверить невозможно [15, С. 320; 19, С. 140]. Под запретом находятся угрозы, обман в отношении процессуального положения и прав лица, шантаж, использование тяжёлого состояния допрашиваемого; О. Я. Баев указывал, что тактический приём обязан быть законным, этичным и избирательным [18, С. 15].

Существенную роль играют тактические комбинации и повторный допрос. Комбинация представляет собой систему согласованных следственных действий и приёмов, подчинённых общему замыслу и нацеленных на преодоление установки на ложь [16, С. 210; 18, С. 150]. Повторный допрос даёт возможность сравнить прежние и новые показания, отметить смену позиции и обратить возникшие противоречия на пользу следствию; при совместном применении детализации, контрольных вопросов и повторного допроса заученность ложной версии зачастую становится очевидной [17, С. 110].

Немаловажно наблюдение за невербальным поведением и речью: согласованность сказанного с выразительными реакциями, темп и тембр речи, паузы, оговорки, жесты и мимика; однако такой анализ лишь вспомогателен и самостоятельным доказательством быть не может [14, С. 250]. К тому же ряду относятся привлечение специальных знаний (педагога, психолога, криминалиста) и полиграф. Последний не обнаруживает ложь напрямую, а фиксирует психофизиологические реакции на значимые стимулы, и его данные применимы только как ориентирующая информация при добровольном согласии проверяемого [26, С. 33].

Полноту и достоверность фиксации обеспечивают организационно-технические средства. Применяемые по решению следователя аудио- и видеозапись и киносъёмка (ч. 8 ст. 166 УПК РФ) сохраняют дословное содержание показаний, интонацию и поведение допрашиваемого, что значимо и для последующего анализа, и для предотвращения заявлений о незаконном воздействии [2, ст. 166]. Дополнительные возможности открывает Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: оперативно-розыскные мероприятия позволяют выявить согласование версий, факты воздействия на свидетелей и потерпевших, следы, опровергающие ложное алиби [5]. Сами по себе результаты оперативно-розыскной деятельности доказательствами не являются: их необходимо легализовать в уголовно-процессуальном порядке [5].

4. Проблемы и предложения

Первая группа проблем связана с доказательственным значением психофизиологических исследований, прежде всего полиграфных проверок. Полиграф оценивает не ложь как таковую, а эмоциональную значимость стимулов, поэтому результат принципиально вероятностен и зависит от методики, квалификации специалиста и состояния проверяемого лица [26, С. 31]. В российской процессуальной доктрине преобладает подход, по которому такие результаты самостоятельным доказательством не являются и носят ориентирующий характер [26, С. 33]. Обоснованным видится введение в УПК РФ рамочной нормы, по которой психофизиологические исследования проводятся только добровольно, лицу разъясняется право отказа, а использовать их как единственное или решающее доказательство запрещено.

Вторая группа проблем связана с допустимостью тактических приёмов. Правомерное тактическое воздействие отделяется от недопустимого принуждения по критериям законности, этичности и избирательности: если приём подавляет свободу воли и нацелен на заранее нужный результат, он перестаёт быть тактикой [18, С. 15]. Уголовный закон предусматривает ответственность за принуждение к даче показаний (ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации; далее — УК РФ), заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) и заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ) [3, ст. 302, 306, 307].

Третья группа проблем вызвана недостаточной разработанностью критериев распознавания добросовестного заблуждения. Исследования В. В. Знакова и зарубежных учёных показывают, что человек не всегда сам отчётливо отделяет правду от лжи, а уверенность в своей правоте ещё не означает достоверности показаний [23, С. 100; 24, С. 12; 28, С. 90]. Следовательно, к поведенческим признакам неискренности нужно подходить осторожно, избегая и чрезмерного доверия, и обвинительного уклона; полезно шире назначать судебно-психологическую экспертизу и вести аудио- и видеозапись следственных действий [19, С. 160].

Подводя итог, можно предложить следующие меры: установить в УПК РФ рамочные требования к психофизиологическим исследованиям, гарантирующие их добровольность и исключающие их использование как единственного доказательства; нацеливать практику на совместное применение средств изобличения лжи, при котором ни один признак не оценивается сам по себе; ужесточить требования к технической фиксации следственных действий. Эти меры позволят изобличать ложь эффективнее при соблюдении прав и свобод человека и гражданина.

Заключение

По итогам проведённого анализа можно сформулировать ряд выводов. Ложью в показаниях является умышленное искажение, сокрытие или подмена значимых для дела обстоятельств; от добросовестного заблуждения её отличает обязательный признак — осознанное отно-

шение лица к сообщаемым сведениям [7, С. 82; 10, С. 30]. К основным видам лжи относятся лжесвидетельство, сокрытие, искажение, ложное алиби, самооговор и оговор, а строение ложного сообщения описывается через предмет искажения, мотив, цель, способ, степень подготовленности версии и её соотношение с иными доказательствами [11, С. 30; 12, С. 129].

Все средства и способы изобличения лжи складываются в единую систему. Доказательственную основу формируют процессуальные средства (допрос, очная ставка, предъявление для опознания, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, судебные экспертизы, получение образцов, проверка и оценка доказательств); эффективно получить и проверить её позволяют тактические приёмы (система вопросов, предъявление доказательств, «допущение легенды», детализация, использование противоречий, тактические комбинации, повторный допрос); полноту фиксации повышают организационно-технические средства. Данные психофизиологических исследований и полиграфа выполняют лишь вспомогательную, ориентирующую функцию [26, С. 33].

Ложь удаётся изобличить эффективно лишь тогда, когда эти средства используются совместно, выводы строятся на совокупности доказательств, а законность, этичность и запрет принуждения к даче показаний соблюдаются неукоснительно [3, ст. 302; 18, С. 15]. Дальнейшее развитие этой деятельности видится в уточнении процессуального статуса психофизиологических исследований, расширении судебно-психологической экспертизы и более активном применении технических средств фиксации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: (ред. от 2024 г.). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: (ред. от 2024 г.). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.
5. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.
6. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 34. — Ст. 3534.
7. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики / Р. С. Белкин. — Москва: Юристъ, 1997. — 408 с. — Текст: непосредственный.
8. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. — Москва: БЕК, 1997. — 342 с. — Текст: непосредственный.
9. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. — Москва: НОРМА, 2001. — 240 с. — Текст: непосредственный.
10. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. — Москва: Юрлитинформ, 2001. — 352 с. — Текст: непосредственный.
11. Ратинов, А. Р. Логико-психологическая структура лжи / А. Р. Ратинов, Н. И. Гаврилова. — Текст: непосредственный // Вопросы борьбы с преступностью. — Москва: Юридическая литература, 1984. — Вып. 40. — С. 25–37.
12. Дулов, А. В. Судебная психология / А. В. Дулов. — Минск: Вышэйшая школа, 1975. — 464 с. — Текст: непосредственный.
13. Образцов, В. А. Криминалистика: курс лекций / В. А. Образцов. — Москва: Право и Закон, 1996. — 448 с. — Текст: непосредственный.
14. Образцов, В. А. Криминалистическая психология / В. А. Образцов, С. Н. Богомолова. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2002. — 448 с. — Текст: непосредственный.
15. Ищенко, Е. П. Криминалистика: учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков; под ред. Е. П. Ищенко. — 2-е изд. — Москва: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2010. — 784 с. — Текст: непосредственный.
16. Криминалистика: учебник / под ред. Н. П. Яблокова. — 4-е изд. — Москва: Юристъ, 2010. — 752 с. — Текст: непосредственный.
17. Порубов, Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии / Н. И. Порубов. — Москва: БЕК, 1998. — 208 с. — Текст: непосредственный.

18. Баев, О. Я. Тактика следственных действий / О. Я. Баев. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1995. — 224 с. — Текст: непосредственный.
19. Еникеев, М. И. Следственные действия: психология, тактика, технология / М. И. Еникеев, В. А. Образцов, В. Е. Эминов. — Москва: Проспект, 2007. — 216 с. — Текст: непосредственный.
20. Шейфер, С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. — Москва: Юрлитинформ, 2001. — 208 с. — Текст: непосредственный.
21. Васильев, В. Л. Юридическая психология: учебник / В. Л. Васильев. — 6-е изд. — Санкт-Петербург: Питер, 2009. — 608 с. — Текст: непосредственный.
22. Столяренко, А. М. Психология и педагогика: учебное пособие / А. М. Столяренко. — 3-е изд. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. — 543 с. — Текст: непосредственный.
23. Знаков, В. В. Психология понимания правды / В. В. Знаков. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. — 281 с. — Текст: непосредственный.
24. Знаков, В. В. Проблема понимания правды и лжи в психологии / В. В. Знаков. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 1997. — № 4. — С. 3–18.
25. Экман, П. Психология лжи / П. Экман. — Санкт-Петербург: Питер, 2010. — 304 с. — Текст: непосредственный.
26. Холодный, Ю. И. О правовой основе применения полиграфа в России / Ю. И. Холодный. — Текст: непосредственный // Закон и право. — 2000. — № 4. — С. 30–34.
27. Vrij, A. Detecting Lies and Deceit: Pitfalls and Opportunities / A. Vrij. — 2nd ed. — Chichester: Wiley, 2008. — 336 p. — Text: direct.
28. DePaulo, B. M. Cues to deception / B. M. DePaulo, J. J. Lindsay, B. E. Malone [et al.]. — Text: direct // Psychological Bulletin. — 2003. — Vol. 129, № 1. — P. 74–118.
29. Bond, C. F. Accuracy of Deception Judgments / C. F. Bond, B. M. DePaulo. — Text: direct // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol. 10, № 3. — P. 214–234.
30. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре». — Текст: непосредственный // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2017. — № 1.

Особенности тактики допроса потерпевшего, обвиняемого и свидетеля, дающих ложные показания

Воробьев Сергей Сергеевич, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В работе анализируется тактика допроса тех участников уголовного процесса, которые сообщают следствию заведомо недостоверные сведения. Автор раскрывает сущность лжи в показаниях и её признаки, строение и мотивы, а также описывает содержательные, речевые, поведенческие и психофизиологические проявления, на которые опирается следователь при выявлении неправды. Особое внимание уделено тактике допроса потерпевшего, обвиняемого и свидетеля с учётом различий в их процессуальном положении, типичных мотивов лжи и складывающихся следственных ситуаций. На основе анализа уголовно-процессуального закона, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и положений криминалистической науки обосновывается система тактических приёмов изобличения лжи. Формулируются выводы о пределах и этических границах тактического воздействия и о значении полученных результатов для следственной практики.

Ключевые слова: *ложные показания, допрос, свидетель, потерпевший, обвиняемый, выявление лжи, изобличение недостоверности, тактические приёмы, практика судов.*

Введение

Допрос является одним из наиболее востребованных следственных действий, а показания его участников — важнейшим источником доказательственной информации. Вместе с тем именно допрос чаще всего становится ареной противодействия расследованию, наиболее распространённой формой которого выступает сообщение ложных сведений. Ложь в показаниях дезориентирует следователя, создаёт угрозу привлечения к ответственности невиновного и ухода от ответственности виновного, а потому противодействие установлению истины требует продуманной тактической комбинации: наличие противоречий в показаниях ещё не свидетельствует о том, что они получены от лица, заведомо искажающего действительность [12, с. 58].

Цель статьи — на основе положений криминалистической науки, норм уголовно-процессуального закона и мате-

риалов судебной практики раскрыть особенности тактики допроса потерпевшего, обвиняемого и свидетеля, дающих ложные показания, и сформулировать систему тактических приёмов их изобличения. Цель достигается решением задач: установить, что следует понимать под ложью в показаниях и какими признаками она обладает, и провести её границу с добросовестным заблуждением; выяснить, из каких элементов складываются ложные показания и чем они мотивированы; охарактеризовать способы распознавания лжи по содержательным, речевым, поведенческим и психофизиологическим проявлениям; рассмотреть приёмы изобличения и порядок фиксации итогов допроса; выявить, как процессуальный статус потерпевшего, обвиняемого и свидетеля влияет на тактику их допроса.

Исследуются общественные отношения, складывающиеся между участниками уголовного процесса в связи с допросом (объект), а также тактические приёмы допроса лиц, сообщающих ложные показания, и закономерности, которым подчинено их использование (предмет). Методологическую основу составили диалектический метод познания, общенаучные методы анализа и синтеза, а также формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод анализа судебной практики. Теоретическую основу образуют труды Р. С. Белкина, А. Р. Ратинова, В. В. Знакова, А. А. Закатова, А. В. Дулова, В. Л. Васильева, М. И. Еникеева, Н. И. Порубова и ряда других авторов; нормативную — Конституцию Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), а также разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

1. Понятие и признаки лжи в показаниях

В обыденном сознании ложь отождествляется с сообщением сведений, не соответствующих действительности, однако для криминалистики и теории доказательств такое отождествление является недопустимым упрощением: от правильной квалификации поведения допрашиваемого зависит выбор тактических средств его изобличения и законность процессуального решения [13, с. 112]. В криминалистической литературе сложилось несколько подходов к определению сущности лжи. Ряд авторов рассматривает её как умышленное искажение действительности, направленное на введение в заблуждение другого лица [15, с. 46]; другие акцентируют внимание на умышленном сообщении заведомо не соответствующих истине сведений [20, с. 22]; в юридической психологии распространён подход, согласно которому ложь есть форма сознательного противодействия установлению истины, реализуемая через сокрытие, искажение или подмену информации [14, с. 121]. Общим для всех определений является указание на два конститутивных признака: несоответствие сообщаемых сведений действительности и умышленный характер такого несоответствия.

Именно умысел выступает критерием, позволяющим отграничить ложь от иных форм недостоверности показаний. Показания могут не соответствовать действительности вследствие добросовестного заблуждения, дефектов восприятия, расстройств памяти, внушающего воздействия, эмоционального возбуждения, возраста или болезненного состояния; во всех этих случаях лицо не осознаёт ложности сообщаемых сведений и не стремится ввести органы расследования или суд в заблуждение, а потому его поведение не может рассматриваться как ложь [21, с. 212]. Проводить такую границу необходимо уже потому, что ответственность по ст. 307 УК РФ наступает лишь за заведомо ложные показания, то есть сообщённые при осознании их несоответствия действительности в момент дачи [3]. По справедливому замечанию В. В. Знакова, распознавание правды и лжи — сложная психологическая работа, где значение имеет не одно лишь объективное содержание сказанного, но и то, как сам говорящий к нему относится [18, с. 63; 19, с. 9]. Отсюда следует, что выявление лжи нельзя свести к механической сверке показаний с материалами дела: требуется оценить, как допрашиваемый относится к тем сведениям, которые он сообщает.

Понятие «ложь» соседствует с рядом близких категорий, и их разграничение важно для практики. Ложными показаниями называют закреплённую в протоколе допроса процессуальную форму, в которой выражена ложь; понятие недостоверных показаний шире, поскольку включает расхождение сведений с действительностью независимо от того, умышленно оно или нет; при умолчании лицо скрывает существенные сведения, однако прямо противоположного ничего не утверждает; искажение же означает изменение части информации при сохранении общего её содержания [14, с. 121]. С противодействием расследованию ложь соотносится, но не совпадает: она бывает эпизодической, а противодействие может осуществляться и вовсе без ложных сведений, например, через сокрытие доказательств. Характер лжи предопределяет тактику: с единичной, ситуативной неправдой справляются отдельными приёмами, а планомерному противодействию следствию противопоставляется их комбинация [25, с. 305].

Признаки лжи в криминалистике — это явления и свойства, состоящие в закономерной связи с распознаваемым фактом. Применительно к показаниям речь идёт о сочетании характеристик четырёх видов — содержательных, речевых, поведенческих и психофизиологических — и лишь совокупный их анализ позволяет с известной долей вероятности говорить о недостоверности сообщённого. Ни одна примета в отдельности не позволяет признать показания ложными: такой вывод допустим лишь после того, как оценены все собранные по делу доказательства. Ведущую роль играют содержательные признаки: несогласованность отдельных частей рассказа, его несовпадение с уже доказанными обстоятельствами, немотивированная перемена позиции, чрезмерная подробность либо, напротив, необъяснимая неконкретность, уклонение от ответов на прямые вопросы, разрывы логики повествования [26, с. 74].

Таблица 1. **Признаки лжи в показаниях и способы их выявления**

Группа признаков	Содержание признака	Способ выявления
Содержательные	Внутренние противоречия, несоответствие обстоятельствам дела, логические разрывы, изменение позиции без объективных причин	Логический анализ показаний, сопоставление с материалами дела
Речевые	Уклонение от прямых ответов, уклончивые и безличные конструкции, избыточные отрицания, рассогласование речи и поведения	Анализ речи, аудиозапись допроса, сопоставление фрагментов показаний
Поведенческие	Особенности мимики, жестикуляции, позы, взгляда	Наблюдение, видеозапись (с осторожной оценкой, без отождествления с ложью)
Психофизиологические	Изменения частоты пульса, артериального давления, дыхания, кожной проводимости	Инструментальные методы, полиграф (во взаимосвязи с другими данными)

Источник: составлено автором на основе [14, с. 121; 26, с. 74; 35, с. 96].

2. Структура и мотивация ложных показаний

Структура лжи в показаниях включает субъект лжи, её мотив и цель, предмет искажения, способ и форму искажения информации, степень подготовленности ложной версии и её внешние признаки. Раскрывая логико-психологическую структуру лжи, А. Р. Ратинов и Н. И. Гаврилова показывали, что она представляет собой не отдельное высказывание, а целостную систему, в которой содержание сообщения, мотивация и расчёт на восприятие адресатом находятся в неразрывной взаимосвязи [16, с. 27]. Поэтому тактическое воздействие, направленное лишь на устранение внешнего противоречия, малоэффективно, если не затрагивает мотивационную основу ложной позиции. Под мотивом лжи понимается внутреннее побуждение, которым руководствуется лицо, сообщая недостоверные сведения; под целью — результат, к достижению которого оно стремится. Мотив подсказывает, какие аргументы могут оказаться действенными для допрашиваемого лица, а потому его установление имеет прикладное тактическое значение. Психологическая защита и самооправдание, сопровождающие преступное поведение, нередко становятся внутренним источником искажения действительности и при даче показаний [17, с. 14].

Среди главных причин дачи ложных показаний называют: желание уйти от уголовной ответственности или добиться её смягчения; намерение помочь близкому человеку; боязнь подозреваемого, обвиняемого или других лиц; корысть; месть; давление со стороны третьих лиц; попытку скрыть своё противоправное или аморальное поведение; опасения неблагоприятных последствий для себя или родных [16, с. 28]. Этот перечень открыт, причём мотивы часто переплетаются и образуют сложную мотивационную структуру. Процессуальное положение лица во многом задаёт содержание и направленность лжи: потерпевший склонен преувеличивать причинённый вред, может бояться виновного или зависеть от него, скрывать своё неправомерное поведение; свидетель нередко не хочет участвовать в деле, опасается мести, связан с участниками родственными, дружескими или служебными отношениями; подозреваемый и обвиняемый занимают защитную позицию, пытаются избежать наказания или переложить вину на других [15, с. 52].

Отдельно следует остановиться на самооговоре, то есть на сообщении лицом сведений о совершении им преступления, к которому оно в действительности непричастно. Самооговор бывает вызван попыткой утаить более тяжкое деяние, намерением защитить настоящего виновника, давлением со стороны третьих лиц, психическим расстройством, а также незаконным воздействием тех, кто ведёт расследование; если вовремя его не распознать, осуждённым окажется невиновный [32, с. 218]. Кроме того, ложь может строиться на преувеличении или на избыточных подробностях: второстепенные, легко проверяемые детали придают основной ложной версии убедительность либо уводят следствие от существенных обстоятельств [25, с. 318].

3. Диагностирование лжи: вербальные, невербальные и психофизиологические проявления

Под диагностированием лжи понимается деятельность следователя по обнаружению, проверке и преодолению недостоверных показаний. Опорой для неё служат тактико-криминалистические способы, основанные на логическом анализе доказательственной информации, на знании психологии допрашиваемого и на процессуальных возможностях, которые даёт закон [13, с. 152]; инструментальные средства играют лишь вспомогательную роль. Содержательные признаки обнаруживаются при логическом разборе показаний, их сравнении с материалами уголовного дела и проверке на соответствие здравому смыслу. Показательно, что именно в части узловых для расследования обстоятельств сообщение лгущего становится бедным и схематичным: не представляя себе подлинного события целиком, он избегает подробностей там, где может себя

выдать, и одновременно с подчёркнутой обстоятельностью описывает второстепенное, создавая впечатление искренности [26, с. 74].

Ложь проявляется и в речи — на уровне словаря, грамматического строя и интонации: допрашиваемый избегает прямого ответа, предпочитает расплывчатые и безличные конструкции, слишком настойчиво отрицает и оправдывается, на отдельных эпизодах заметно повышает эмоциональный тон, а его слова не согласуются с жестами и мимикой. Однако жёсткой связи между этими особенностями речи и неправдой нет: одни и те же проявления способны порождаться и умышленным искажением, и волнением, неуверенностью, и индивидуальной манерой речи [44, p. 92]. К поведенческим (невербальным) признакам относят особенности мимики, жестов, позы, направления взгляда, а также вегетативные реакции. В работах П. Экмана показано, что ложь не имеет однозначного внешнего проявления и что точность «чтения» обмана исключительно по поведению невысока: напряжённость и скованность могут быть вызваны страхом, стрессом, недоверием к следователю или состоянием здоровья, а не ложью [35, с. 96]. Метааналитические исследования Б. ДеПауло, А. Врия и Ч. Бонда также свидетельствуют о том, что средняя точность распознавания лжи по поведенческим признакам лишь незначительно превышает уровень случайного угадывания [45, p. 225]. Это требует от следователя крайней осторожности и недопустимости прямого отождествления невербальных реакций с ложью.

Четвёртую группу образуют психофизиологические признаки, регистрируемые с помощью специальных технических средств, в том числе с применением полиграфа: изменения частоты пульса, артериального давления, дыхания, кожной электропроводимости в ответ на предъявление значимых для проверяемого вопросов. Эти признаки не свидетельствуют о лжи непосредственно: они отражают лишь эмоциональную и физиологическую значимость стимула для конкретного человека и потому должны оцениваться исключительно в совокупности с другими данными [36, с. 42]. Правовые основания применения полиграфа требуют самостоятельного анализа, а результаты таких исследований не приобретают статуса самостоятельного доказательства [37, с. 31]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что перед экспертом не могут ставиться вопросы, выходящие за пределы его специальных знаний, и эксперт не вправе оценивать достоверность показаний [9], что подтверждает вспомогательный характер инструментальных исследований [39, с. 214]. Диагностирование осуществляется в рамках конкретных следственных действий — допроса, очной ставки, проверки показаний на месте, предъявления для опознания, следственного эксперимента, производства судебных экспертиз [38, с. 402]. Сопоставление показаний с другими доказательствами (протоколами, заключениями экспертиз, вещественными доказательствами, записями камер видеонаблюдения, данными о телефонных соединениях) образует самостоятельный диагностический приём: чем шире круг источников сопоставления, тем выше вероятность выявления противоречий, обусловленных ложью [31, с. 62].

4. Тактические приёмы изобличения лжи и фиксация результатов допроса

Правила производства допроса закреплены в ст. 187–191 УПК РФ, общие требования к следственным действиям — в ст. 164 и 166 УПК РФ. Часть 1 ст. 189 УПК РФ позволяет допрашиваемому свободно излагать известные ему обстоятельства, и следователь без нужды не должен его перебивать; в то же время ч. 2 этой статьи даёт следователю право задавать вопросы после окончания свободного рассказа, и именно это открывает возможность использовать весь набор тактических приёмов. Вызов на допрос производится по правилам ст. 188 УПК РФ, а ход и результаты допроса отражаются в протоколе согласно ст. 190 УПК РФ [2].

К числу самых результативных приёмов относится детализация показаний. Тому, кто сообщает ложные сведения, обычно сложно воспроизвести второстепенные подробности, место и время происходящего, порядок действий, обстановку и поведение участников. Последовательное уточнение подробностей поэтому помогает обнаружить противоречия, надуманность версии или то, что описываемое лицо в действительности не воспринимало [26, с. 74]. Эффективность детализации заметно выше, если она подаётся не как открытое подозрение, а как внешне нейтральное уточнение. Важна и грамотная формулировка вопросов: по форме криминалистика выделяет открытые, закрытые и альтернативные вопросы, по цели — основные, дополняющие, уточняющие, контрольные и изобличающие. С помощью контрольных вопросов ранее сообщённое проверяется в иной логической связи, изобличающие же при достаточной доказательственной базе подталкивают к смене позиции. Наводящие вопросы прямо запрещены ч. 2 ст. 189 УПК РФ, и этот запрет оправдан не только юридически, но и тактически: подсказка в вопросе позволяет допрашиваемому подстроить ложную версию под его содержание [2; 26, с. 88].

Эффективным приёмом служит и предъявление доказательств, которое может осуществляться по-разному: последовательно по мере роста изобличающей силы; путём предъявления наиболее весомого доказательства; через предъявление их совокупности; с использованием противоречий в показаниях. Какой вариант избрать, определяют следственная ситуация, личность допрашиваемого и объём доказательственной информации [27, с. 74]. Не менее важно выбрать момент: если сразу предъявить все доказательства, обвиняемый подгонит под них свою версию, а поэтапное предъявление вместе с закреплением противоречий такой возможности его лишает [27, с. 88]. Отдельную группу составляют приёмы внезапности, когда лицу задают вопрос или предъявляют доказательство,

к которому оно не готово, а также перестановка очерёдности выяснения обстоятельств: при ней взаимосвязь сведений обнаруживается яснее и несостыковки становятся заметны; результаты таких приёмов подлежат надлежащему отражению в протоколе [25, с. 322].

Алиби проверяется всесторонне: выясняются обстоятельства, как свидетельствующие в его пользу, так и опровергающие его, допрашиваются лица, на которых ссылается проверяемый, а их сведения сопоставляются с объективной информацией — видеозаписями, детализацией телефонных соединений, цифровыми следами. Ложное алиби, как правило, оговаривают заранее, поэтому действенно допросить его подтверждающих порознь и затем сравнить полученные показания [15, с. 122]. Очная ставка (ст. 192 УПК РФ) нацелена в первую очередь на устранение противоречий в показаниях её участников; учитывая, что они способны договориться между собой, спешить с её проведением не следует [28, с. 96]. Ценность проверки показаний на месте (ст. 194 УПК РФ) для диагностики состоит в том, что лгущий обычно не может показать описанные им действия и детали обстановки; предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ) обнаруживает незнание признаков опознаваемого объекта; следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ) позволяет опытным путём проверить, можно ли было воспринять событие, совершить действия или могло ли событие произойти в определённых условиях [2].

Не менее важна фиксация того, как проходил допрос и к чему он привёл. По правилам ст. 190 УПК РФ показания заносятся в протокол от первого лица и, насколько возможно, дословно; ссылки допрашиваемого на документы или иные материалы также отражаются в протоколе [2]. Неточная запись облегчает последующий отказ от показаний и мешает оценить их достоверность, а значит, дословное закрепление ответов на ключевые вопросы важно не только формально, но и тактически. Полезно использовать аудио- и видеозапись допроса, допускаемую ст. 166 УПК РФ: технические средства фиксируют и содержание показаний, и поведение допрашиваемого, исключая в дальнейшем ссылки на неточность протокола [2].

Любые тактические приёмы допустимы лишь в рамках закона. Часть 4 ст. 164 УПК РФ прямо запрещает применять при производстве следственных действий насилие, угрозы и иные незаконные меры, равно как и создавать опасность для жизни и здоровья их участников. Показания, полученные вопреки этим требованиям, считаются недопустимыми, теряют доказательственное значение, а сами действия образуют состав преступления по ст. 302 УК РФ [2; 3]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает судам, что доказательства, добытые с нарушением права на защиту, недопустимы, а каждое доказательство проверяется и оценивается вместе с остальными [7; 8]. Соблюдение норм этики выступает не только условием законности, но и значимым фактором психологического контакта, без которого правдивых показаний зачастую получить нельзя [41, с. 462].

5. Тактика допроса потерпевшего, дающего ложные показания

Специфика допроса потерпевшего обусловлена особым положением этого участника процесса. С одной стороны, он заинтересован в установлении истины и наказании виновного, с другой — испытывает эмоциональное напряжение, вызванное случившимся, а порой и давление заинтересованных лиц. Из-за этого возможны и невольные искажения воспринятого, и сознательная ложь, преувеличивающая вред или, наоборот, смягчающая положение виновного [15, с. 118]. Под влиянием стресса человек часто переоценивает одни обстоятельства и упускает из виду другие, и возникающие противоречия вовсе не говорят о желании обмануть следствие. Поэтому следователь обязан отличать противоречия, вызванные особенностями восприятия и памяти, от противоречий, обусловленных ложью, и учитывать психологические особенности потерпевшего, включая повышенную внушаемость [22, с. 372].

При рассмотрении тактики допроса потерпевшего прежде всего необходимо обеспечить установление психологического контакта, назначение которого состоит в создании условий, при которых лицо было бы готово сообщить следователю известные ему сведения. Этому способствуют внимательное отношение к переживаниям потерпевшего, разъяснение значения его показаний, изложение информации в понятной форме, а также разъяснение предусмотренных законом мер государственной защиты, правовой основой которых является Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [4]. При наличии признаков ложных показаний следователь должен осторожно выявлять причины искажения, не допуская обвинительного давления, но последовательно уточняя детали и сопоставляя показания с объективными данными. Если ложь обусловлена страхом перед виновным, эффективно разъяснение возможностей государственной защиты и убеждение потерпевшего в том, что правдивые показания отвечают его собственным интересам; если ложь связана с преувеличением вреда — детализация и сопоставление показаний с документальными данными о характере и размере вреда [24, с. 126]. Существенно и выявление случаев, когда потерпевший скрывает собственное неправомерное поведение, предшествовавшее событию преступления, что характерно для дел о бытовых, семейных, корпоративных преступлениях, а также для дел о превышении пределов необходимой обороны [15, с. 128].

Показателен следующий пример из следственной практики. По делу о преступлении против личности потерпевшая при первом допросе подробно описала событие, а в судебном заседании изменила показания. При проверке было установлено, что на неё оказано давление со стороны родственников обвиняемого. Следователь применил меры государственной защиты, разъяснил потерпевшей послед-

ствия дачи ложных показаний, после чего при повторном допросе с детализацией обстоятельств были получены правдивые показания, согласующиеся с другими доказательствами. Именно такую линию поведения предписывают судам разъяснения высших судебных инстанций: изменение потерпевшим ранее данных показаний не влечёт автоматического признания их ложными, суд обязан выяснить причины изменения, сопоставить их с иными доказательствами и оценить в совокупности [6; 8].

6. Тактика допроса обвиняемого, дающего ложные показания

Обвиняемый вправе защищаться всеми не запрещёнными законом способами, а потому тактика его допроса должна строиться с учётом данного положения. В силу ст. 49 Конституции Российской Федерации и ст. 14 УПК РФ обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а бремя доказывания обвинения лежит на стороне обвинения; отказ обвиняемого от дачи показаний не может рассматриваться как признание вины и не может сам по себе учитываться как доказательство [1; 2; 33, с. 214]. Обвиняемый допрашивается по правилам ст. 189 УПК РФ с изъятиями, предусмотренными ст. 173 УПК РФ [2]. Однако право на защиту не даёт права безнаказанно распространять ложные сведения и оговаривать других лиц. Оговор, то есть заведомо ложное показание о совершении преступления другим лицом, представляет собой общественно опасное деяние, поскольку влечёт угрозу привлечения невиновного к ответственности; его выявление требует особой тщательности, так как ложное обвинение может быть подкреплено и иными, специально созданными доказательствами [15, с. 128]. Признаками оговора нередко выступают чрезмерная обобщённость обвинительных утверждений, отсутствие конкретных деталей, ссылки на непроверяемые источники и несоответствие показаний объективным данным [24, с. 132].

Изобличать ложь следователь должен не давлением, а логическим анализом показаний, предъявлением доказательств, уточняющими вопросами, проверкой алиби, сравнением позиции обвиняемого с другими материалами дела. Защитник не только гарантирует соблюдение прав обвиняемого, но и дисциплинирует следователя, побуждая его пользоваться только законными приёмами [23, с. 126]. Необходимо принимать во внимание разные следственные ситуации: полное отрицание вины, её частичное признание, самооговор, перекладывание ответственности на других, ложное алиби, изменение данных ранее показаний. Каждой из них соответствуют свои тактические решения: при полном отрицании результативны детализация и предъявление доказательств; при частичном признании — сопоставление признаваемых и отрицаемых обстоятельств; при самооговоре — тщательная проверка сведений, в том числе таких, которые лицо заведомо знать не могло; при изменении показаний — закрепление и выяснение причин этого изменения [29, с. 42].

Таблица 2. **Особенности тактики допроса потерпевшего, свидетеля и обвиняемого при признаках ложных показаний**

Критерий	Потерпевший	Свидетель	Обвиняемый
Типичные мотивы искажения	Преувеличение или преуменьшение вреда, страх перед виновным, сокрытие собственного поведения	Страх мести, зависимость, родственные и дружеские связи, нежелание участвовать в процессе	Защитная позиция, стремление избежать ответственности, оговор других лиц, самооговор
Основные тактические приёмы	Нейтральное уточнение, детализация вреда и предыстории, сопоставление с документами	Детализация условий восприятия, уточнение источников, сопоставление с объективными данными	Логический анализ версии, проверка алиби, поэтапное предъявление доказательств
Основной риск ошибочной оценки	Принятие последствий стресса за умышленную ложь	Принятие ошибок памяти или восприятия за сознательное искажение	Принятие отказа от показаний или отрицания вины за доказательство виновности

Источник: составлено автором на основе [24, с. 126; 26, с. 88; 27, с. 74].

Суды неизменно указывают, что получать показания с нарушением права на защиту недопустимо. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, такие доказательства недопустимы, а отказ обвиняемого давать показания нельзя расценивать как подтверждение его вины [8]. При производстве допроса обвиняемого показания должны быть проверены и оценены в совокупности с другими доказательствами; недопустимо основывать обвинение на непроверенных показаниях [6]. Соответственно, тактические приёмы, связанные с созданием ложного представления о процессуальном положении лица или с иными формами незаконного воздействия, недопустимы и лишают полученные показания доказательственного значения [2; 7]. Особого внимания заслуживает тактика допроса при самооговоре, который может быть добровольным (стремление выгородить действительного виновного либо получить определённые выгоды) или вынужденным (следствие незаконного воздействия, психического расстройства либо повышенной внушаемости). При проверке самооговора

необходимо особое внимание уделять обстоятельствам, о которых лицо заведомо не могло знать, если не совершало преступления: выявление таких обстоятельств нередко позволяет установить ложность признания и предотвратить судебную ошибку [15, с. 132; 34, с. 176].

7. Тактика допроса свидетеля, дающего ложные показания

Допрашивая свидетеля, сообщающего ложные сведения, особенно важно выяснить, чем мотивировано его поведение. Свидетель может скрывать информацию из страха, личной заинтересованности, родственных или дружеских отношений с участниками дела, зависимости от обвиняемого либо нежелания быть вовлечённым в уголовный процесс. Мотив лжи нередко связан с опасением мести со стороны виновного или его окружения, что делает особенно актуальным разъяснение мер государственной защиты, предусмотренных Федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ [4; 26, с. 88]. Тактические приёмы включают разъяснение значения правдивых показаний, устранение опасений свидетеля, детализацию сведений, выявление противоречий и проверку его осведомлённости об обстоятельствах дела. Поскольку ст. 307 и 308 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за заведомо ложные показания и за отказ от их дачи, следователь должен разъяснить свидетелю эти нормы; однако такое разъяснение не может приобретать характер угрозы [3; 26, с. 104].

Ключевое значение имеет отграничение добросовестной ошибки от заведомой лжи. Сбивчивость рассказа, неточности в указании времени, расхождения в деталях бывают обусловлены свойствами восприятия, памяти и эмоциональным состоянием, а вовсе не стремлением обмануть следствие. Добросовестное заблуждение по своей психологической природе возникает под действием факторов, никак не связанных с желанием ввести в заблуждение: плохого освещения, краткости наблюдения, удалённости объекта, волнения, утомления. Именно поэтому спокойные уточнения без внушающих вопросов и время на припоминание дают больше, чем прямое противостояние [21, с. 220]. Криминалистике известны и приёмы мнемической помощи, позволяющие допрашиваемому оживить в памяти воспринятое [23, с. 126]. Особо выделяются свидетели, связанные с участниками дела родственными или иными близкими отношениями: Конституция Российской Федерации гарантирует право не свидетельствовать против себя, супруга и близких родственников, а УПК РФ конкретизирует это положение в нормах о свидетельском иммунитете [1; 2]. Если такой свидетель всё же согласился дать показания, их достоверность нуждается в тщательной проверке, ведь забота о судьбе близкого может подталкивать к искажению сведений.

Под влиянием заинтересованных лиц свидетели часто пересказывают чужую версию произошедшего, и в их показаниях появляются непривычные для них формулировки и подробности, которых они не могли знать из собственных наблюдений. В подобных ситуациях тактически важно выяснить, откуда получены сообщаемые сведения, отделить лично воспринятое от услышанного от других, а также раздельно допросить тех, чьи показания совпадают между собой [24, с. 132]. Наглядным является случай, когда свидетель на первом допросе заявлял о неосведомлённости, утверждая, что очевидцем события не был. Однако после детализации условий восприятия и сравнения его объяснений со сведениями о телефонных соединениях и записями камер видеонаблюдения выяснилось, что он находился на месте события, а умалчивал из страха перед обвиняемым. Когда ему разъяснили меры государственной защиты и последствия дачи ложных показаний, свидетель рассказал правду. Этот случай подтверждает общее тактическое правило: выяснив истинную причину недостоверности — страх, зависимость или нежелание участвовать в процессе, — следователь может подобрать эффективные способы её преодоления [4; 8].

Заключение

Результаты анализа позволяют сделать ряд выводов. Ложь в показаниях — это умышленное сообщение не соответствующих действительности сведений либо утаивание значимой для уголовного дела информации, имеющее определённые мотивы и выражающееся в содержании, строении, речевой форме и поведении допрашиваемого. Определяющим её признаком служит осознание лицом того, что сведения не соответствуют действительности, и стремление ввести в заблуждение органы расследования или суд; умышленность и отличает ложь от добросовестной ошибки, погрешностей восприятия и памяти, что принципиально важно для квалификации деяния по ст. 307 УК РФ [3].

Признаки лжи многообразны и охватывают содержательные, речевые, поведенческие и психофизиологические проявления. Ни один из них в отдельности не даёт достаточных оснований считать показания недостоверными; подобное заключение формулируется лишь по итогам оценки всех доказательств вместе [44, p. 92; 45, p. 225]. Невербальные реакции необходимо оценивать с особой осторожностью, поскольку их причиной бывают волнение, стресс или состояние здоровья, а не ложь [35, с. 96].

Процессуальное положение лица определяет содержание и направленность лжи: потерпевший чаще лжёт, преувеличивая или преуменьшая вред и меняя показания в пользу виновного; свидетель склонен к умолчанию и согласованию версий; обвиняемый прибегает к продуманной защитной лжи, нередко согласованной с другими лицами. Следовательно, тактику допроса нужно выстраивать с учётом процессуального статуса допрашиваемого, его мотивов и возможной заинтересованности в исходе дела [15, с. 52; 16, с. 28].

Допрашивая потерпевшего и свидетеля, следователь сосредоточивается на психологическом контакте, разъяс-

нении мер государственной защиты и снятии опасений, вызванных возможным давлением. В допросе обвиняемого на первый план выходят логический анализ показаний, проверка алиби, поэтапное предъявление доказательств и закрепление изменений позиции. Самыми результативными приёмами оказываются детализация показаний, уточняющие и контрольные вопросы, предъявление доказательств, внезапность, проверка алиби и повторный допрос [26, с. 74; 27, с. 88]. Успех изобличения лжи определяется тщательностью подготовки к допросу, знанием материалов дела, учётом личности допрашиваемого, категории преступления и особенностей следственной ситуации; всё полученное следует надлежащим образом закрепить в протоколе по правилам ст. 190 УПК РФ, а при необходимости — с использованием технических средств фиксации, допускаемых ст. 166 УПК РФ [2].

Тактические приёмы допустимы только при строгом соблюдении закона: ч. 4 ст. 164 УПК РФ запрещает насилие, угрозы и иные незаконные меры, а доказательства, добытые с нарушением права на защиту, недопустимы [2; 8]. Изобличение лжи не является самоцелью: оно нужно прежде всего для получения достоверных, проверяемых и значимых для уголовного дела сведений, для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и для достижения назначения уголовного процесса [6]. Практическое значение результатов работы состоит в том, что ими могут пользоваться следователи, дознаватели, прокуроры и судьи при подготовке и проведении допроса, оценке показаний, обнаружении признаков недостоверности сведений и выборе тактики получения правдивой информации, а также преподаватели и студенты при изучении криминалистики, уголовного процесса и юридической психологии.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 11.
12. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001. 240 с.
13. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997.
14. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: БЕК, 1997. 342 с.
15. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
16. Ратинов А. Р., Гаврилова Н. И. Логико-психологическая структура лжи // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1984. Вып. 40. С. 25–37.
17. Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения. М.: Изд-во ВНИИ Прокуратуры СССР, 1979. 48 с.

18. Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999. 281 с.
19. Знаков В. В. Проблема понимания правды и лжи в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 3–18.
20. Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград: Нижне-Волж. кн. изд-во, 1984. 191 с.
21. Дулов А. В. Судебная психология. Минск: Вышэйшая школа, 1975. 464 с.
22. Васильев В. Л. Юридическая психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. 608 с.
23. Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. М.: Проспект, 2007. 216 с.
24. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2002. 448 с.
25. Образцов В. А. Криминалистика: курс лекций. М.: Право и Закон, 1996. 448 с.
26. Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии. М.: БЕК, 1998. 208 с.
27. Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. 224 с.
28. Комиссаров В. И. Теоретические проблемы следственной тактики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 158 с.
29. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 168 с.
30. Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. М.: Юрид. лит., 1966. 156 с.
31. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
32. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968.
33. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под ред. А. В. Смирнова. 4-е изд. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.
34. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие. М.: ТК Велби: Проспект, 2004. 480 с.
35. Экман П. Психология лжи. СПб.: Питер, 2010. 304 с.
36. Холодный Ю. И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность: справочная информация и рекомендации. М.: Мир безопасности, 1998. 112 с.
37. Холодный Ю. И. О правовой основе применения полиграфа в России // Закон и право. 2000. № 4. С. 30–34.
38. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2010. 784 с.
39. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. 464 с.
40. Эксархопуло А. А. Криминалистика в схемах и иллюстрациях. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 452 с.
41. Столяренко А. М. Психология и педагогика: учеб. пособие. 3-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 543 с.
42. Антонян Ю. М. Психология убийства. М.: Юристъ, 1997. 304 с.
43. Vrij A. Detecting Lies and Deceit: Pitfalls and Opportunities. 2nd ed. Chichester: Wiley, 2008. 336 p.
44. DePaulo B. M., Lindsay J. J., Malone B. E. et al. Cues to deception // Psychological Bulletin. 2003. Vol. 129, № 1. P. 74–118.
45. Bond C. F., DePaulo B. M. Accuracy of Deception Judgments // Personality and Social Psychology Review. 2006. Vol. 10, № 3. P. 214–234.

Противодействие легализации (отмыванию) доходов как ключевой элемент экономической безопасности государства

Гачегова Софья Сергеевна, студент
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Рассматривается роль ПОД/ФТ в обеспечении экономической безопасности. Отмывание угрожает конкуренции, бюджету, инвестициям и доверию к институтам. Предложена трёхуровневая оценка результативности: операционная, правоприменительная и экономическая. Приоритеты — риск-ориентированный контроль, достоверные сведения о бенефициарах, межведомственный обмен и пропорциональность мер.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, отмывание денег, ПОД/ФТ, финансовый мониторинг, риск-ориентированный подход, бенефициарный владелец, конфискация активов.*

Экономическая безопасность зависит не только от макроэкономических показателей, но и от способности институтов защищать хозяйственный оборот от криминального капитала. Легализация преступных доходов позволяет повторно использовать их для расширения преступных сетей, коррупции и захвата рынков. Поэтому ПОД/ФТ — часть экономической политики и национальной безопасности, а не только банковский комплаенс.

Усложнение финансовых потоков (трансграничные расчёты, цифровые платформы, виртуальные активы,

многоуровневые корпоративные структуры) затрудняет установление происхождения средств и конечного бенефициара. Одновременно формализованный контроль создаёт издержки для законного бизнеса и может вытеснять подозрительную активность в непрозрачные сегменты. Возникает противоречие между необходимостью максимально затруднить обращение преступных доходов и требованием сохранить доступность и конкурентоспособность легальной экономики.

Цель — определить влияние системы ПОД/ФТ на экономическую безопасность и обосновать направления повышения её результативности.

Отмывание воздействует на экономику через пять каналов: 1) искажение конкуренции — криминальный капитал позволяет демпинговать, приобретать активы по нерыночным ценам и вытеснять добросовестных участников; 2) коррупция и захват институтов, поскольку сокрытие происхождения средств требует фиктивных договоров и номинальных владельцев; 3) ухудшение инвестиционного климата из-за риска скрытого контроля над контрагентом; 4) подрыв бюджетной устойчивости через уклонение от налогов и фиктивные расходы; 5) повышение уязвимости отраслей к шокам — блокировки платежей, потеря ликвидности, банкротства связанных компаний.

Логика влияния ПОД/ФТ: выявление риска → анализ финансовых данных → установление бенефициаров → расследование → арест и конфискация → возврат активов и снижение возможностей повторного финансирования преступности. Каждый этап требует межведомственного взаимодействия: финансовые организации выявляют операции, подразделение финансовой разведки агрегирует сведения, правоохранительные органы устанавливают состав преступления, суд обеспечивает легитимность ограничений.

Согласно подходу ФАТФ, наличие нормативных требований — необходимое, но недостаточное условие. Эффективность проявляется в согласованной работе надзорных, аналитических, правоохранительных и судебных институтов. Оценка по числу проверок или сообщений методологически неверна: они отражают активность, но не качество аналитического отбора и вклад в сокращение преступных возможностей.

Базовый правовой элемент в России — Федеральный закон № 115-ФЗ, создающий инфраструктуру идентификации клиентов и внутреннего контроля. Однако правоприменительный эффект зависит от качества данных, актуальности сведений о бенефициарах и способности выявлять связанные операции. Нормативная плотность без аналитической способности порождает формальный комплаенс, при котором процедуры исполняются, но экономический смысл транзакционной цепочки не распознаётся.

Риск-ориентированный подход смещает акцент с тотального контроля на оценку клиента, продукта, географии и характера транзакций. Это снижает издержки малых организаций, но требует понятных критериев и механизмов обжалования, иначе возможны необоснованные ограничения обслуживания клиентов и снижение финансовой доступности.

Предлагается трёхуровневая оценка результативности:

— операционный — качество и своевременность сообщений, доля аналитически значимых материалов;

— правоприменительный — число расследований, установленных бенефициаров, арестованных и конфискованных активов;

— экономический — снижение уязвимости отраслей, предотвращение повторного вовлечения активов, защита бюджета и издержки добросовестного бизнеса.

Ключевые условия эффективности — достоверные сведения о бенефициарных владельцах (с верификацией, а не только декларативные), совместимые каналы межведомственного обмена, развитие финансовой аналитики при сохранении экспертной проверки, пропорциональность ограничительных мер и международное сотрудничество с учётом национальных рисков.

ПОД/ФТ — ключевой элемент экономической безопасности, ограничивающий проникновение криминального капитала в легальный оборот и защищающий конкуренцию, финансовые институты, бюджет и доверие к государству. Эффективность нельзя отождествлять с формальным соблюдением законодательства или количеством сообщений. Главный критерий — способность преобразовывать финансовую информацию в доказательства, обеспечивать расследование, арест и конфискацию активов и предотвращать их повторное использование. Приоритеты: риск-ориентированный контроль, качество сведений о бенефициарах, межведомственный обмен, аналитическая ценность сообщений, пропорциональность мер.

Литература:

1. Гапоненко В. Ф., Токарева С. Ю. Развитие системы инструментария финансового мониторинга как категории финансового контроля в экономической безопасности России // Проблемы экономики и юридической практики. — 2025. — № 3. — С. 172–178.
2. Боташева Л. Х., Фешина С. С. Методические подходы к оценке эффективности межведомственного взаимодействия и реализации комплекса регуляторных и превентивных мер в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма // Научный журнал. — 2025.
3. Еркенов Б. Д. Трансформация риск-ориентированного подхода в противодействии легализации доходов от наркопреступности: правовые и цифровые вызовы // Мир закона. — 2025.

4. Авдийский В. И., Боташева Л. Х., Щербаков А. Н. Анализ зарубежного опыта выстраивания механизмов ПОД/ФТ на основе риск-ориентированного подхода // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2024.
5. Шохин В. К. Обоснование принципов построения системы оценки масштабов отмывания доходов, полученных преступным путем // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2026. — С. 112–120.
6. Шохин В. К. Сравнительный анализ экономико-правовых инструментов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Экономическая политика и национальная безопасность. — 2025.
7. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп.).

Борьба с латентностью краж в общественном транспорте: криминологический анализ и направления противодействия

Герасименко Иван Георгиевич, студент
Научный руководитель: Царева Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В статье рассматривается проблема латентности карманных краж, совершаемых в общественном транспорте, — явления, при котором реальный объём преступности значительно превышает данные официальной уголовной статистики. На основе анализа криминологических исследований и правоприменительной практики раскрываются понятие и структура латентности, исследуются виктимологические, организационные и социально-психологические факторы, препятствующие регистрации преступлений. Особое внимание уделяется специфике общественного транспорта как криминогенной среды, а также комплексному механизму противодействия латентной краже, включающему уголовно-правовые, организационно-управленческие, технические и виктимологические меры.

Ключевые слова: *латентная преступность, карманная кража, общественный транспорт, виктимологическая профилактика, видеоаналитика, квалификация хищения, пассажиропоток.*

Введение

Ежедневно общественный транспорт перевозит миллионы пассажиров, и именно здесь концентрируется особая разновидность корыстной преступности — карманная кража. Криминологической особенностью этого вида хищений является его исключительно высокий уровень латентности: по оценкам исследователей, на одно зарегистрированное преступление приходится до 75 скрытых от учёта. Официальные данные косвенно подтверждают масштаб проблемы: в 2019 году в России было возбуждено около 34 тыс. уголовных дел о карманных кражах, при этом раскрываемость составила лишь около 15 %, а более 70 % обвиняемых являлись рецидивистами.

Актуальность исследования обусловлена тем, что латентность деформирует не только статистику, но и саму систему противодействия: недоучёт преступлений ведёт к занижению ресурсной нагрузки на правоохранительные органы, ослаблению профилактической работы и формированию у населения устойчивого мнения о безнаказанности карманников. Целью настоящей статьи является определение факторов латентности краж в общественном транспорте и выработка направлений их минимизации.

1. Понятие и структура латентности карманных краж

Под латентной преступностью в криминологии понимается совокупность преступлений, не отражённых в официальной уголовной статистике вследствие незарегистрированности либо неустановленности правоохранительными органами. Применительно к карманным кражам принято выделять две её разновидности.

Естественная (фактическая) латентность складывается, когда потерпевший не осознаёт факт посягательства. Механизм типичен: пассажир обнаруживает пропажу спустя значительное время — в конце поездки, по прибытии домой, при попытке оплатить проезд. В этот момент возникает виктимологически значимая развилка: человек либо обращается в полицию, либо принимает версию «сам выпало, потерял». По данным опросов, преобладающей является вторая стратегия — жертва предпочитает не тратить время на составление заявления о краже, совершённой «неизвестным лицом в толпе», вероятность раскрытия которого представляется ничтожной.

Искусственная латентность формируется уже на стадии обращения в органы: заявление о краже, по которой не установлен подозреваемый, может не получить процессуального продолжения, а задержанные воры нередко признаются лишь в одном эпизоде, тогда как факти-

чески совершили десятки. Итогом становится устойчивая петля: преступление невидимо — жертва молчит — статистика занижена — профилактика недофинансирована — преступление остаётся невидимым.

2. Общественный транспорт как криминогенная среда

Специфика транспорта придаёт карманной краже ряд характеристик, усиливающих её латентность.

Во-первых, контактная анонимность. Вагон метро или салон автобуса — практически единственное пространство, где длительное тесное соприкосновение незнакомых людей является нормой. Ощущение чужой руки в толпе дифференцировать от случайного прикосновения пассажир не в состоянии.

Во-вторых, пиковая концентрация жертв. Криминальная активность карманников синхронизирована с пиками пассажиропотока: утренние часы 7:30–10:00 и вечерние 17:00–20:00, когда давка сама по себе создаёт легальное прикрытие для профессионального контакта. В вечерние часы к этому добавляется категория «спящих» пассажиров, у которых имущество, находящееся непосредственно при них, хищение затрагивает с наибольшей отсрочкой обнаружения.

В-третьих, скорость элиминации преступника. Транспортное пространство устроено так, что вор имеет возможность покинуть место совершения преступления на ближайшей остановке или станции, соединив момент хищения с моментом выхода из вагона. Задержание с поличным в этих условиях возможно лишь при немедленной реакции потерпевшего или очевидцев.

В-четвёртых, смена типовой жертвы и предмета хищения. Современный карманник ориентирован на смартфоны: в московском метрополитене кражи мобильных устройств составляют около двух третей всех хищений. Дополнительным фактором латентности выступает обезличенность добычи — похищенный телефон оперативно блокируется и перепрошивается, а банковская карта с бесконтактной технологией оплаты позволяет преступнику реализовать похищенное без ввода PIN-кода.

3. Способы совершения как инструмент обеспечения латентности

Профессионализация карманной кражи проявляется в устойчивом наборе способов, каждый из которых направлен на устранение момента обнаружения. Оперативные сотрудники УВД на Московском метрополитене различают: «отряхивателей» (имитация помощи пассажиру с испачканной одеждой), «ширмачей» (использование перекинутой через руку куртки или развёрнутой газеты как экрана), «трясунов» (целенаправленные толчки в давке с целью «выбивания» кошелька) и «парашютистов» (использование ребёнка на руках как средства снижения бдительности жертвы). Описанные приёмы согласуются с классическим описанием техники профессионального карманника, в котором подчёркивается, что успешность хищения определяется не грубой силой, а управлением вниманием жертвы и окружающих.

Распространённость рецидива — свыше 70 % обвиняемых ранее судимы за аналогичные преступления — свидетельствует о том, что латентность выступает не случайным свойством, а конструктивным элементом преступной деятельности: именно отсутствие реакции жертвы позволяет профессионалу продолжать деятельность на одном маршруте неделями.

4. Направления борьбы с латентностью

4.1. Уголовно-правовое направление. Квалифицирующим признаком карманной кражи выступает п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ — хищение из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем; сон, опьянение или беспомощное состояние жертвы квалификацию не изменяют. Существенную роль играет Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29, разъясняющее, что карманной признаётся и кража, о которой потерпевший не знал в момент её совершения. Вместе с тем сохраняется проблема «порога мелкости»: хищение на сумму до 2500 руб. без отягчающих признаков влечёт не уголовную, а административную ответственность. Поскольку типовая добыча карманника (наличные, проездной документ, недорогой телефон) нередко приближается к этому порогу, часть эпизодов заведомо исключается из уголовно-правового поля, усиливая искусственную латентность [8, 9].

4.2. Организационно-управленческое направление. Раскрытие карманной кражи без задержания с поличным практически невозможно: свидетели, как правило, отсутствуют, следы на предметах минимальны, потерпевший установлен с опозданием [16]. Отсюда следует, что ключевым организационным инструментом являются оперативно-поисковые группы, ориентированные на «выработку» известных карманников на линиях. Практика показывает результативность этого метода: при обращении потерпевшей «по горячим следам» задержание совершившего кражу лица производится в течение часа на смежной станции с изъятием похищенного.

4.3. Техническое направление. Видеонаблюдение превращает невидимое преступление в реконструируемое. С 2020 года в московском метрополитене действует система видеоаналитики «Сфера», сопоставляющая изображения пассажиров с базами правоохранительных органов; за первые годы её применения были установлены около полутора тысяч разыскиваемых лиц. Перспективным направлением является поведенческая видеоаналитика — алгоритмы, распознающие типовые признаки деятельности карманника (прикосновение к чужим карманам, координация действий группы) в автоматическом режиме и передающие информацию экипам на линии. При этом технические средства не заменяют, а лишь опосредуют человеческий фактор: камера даёт след, за которым идут оперативные сотрудники.

4.4. Виктимологическое направление. Поскольку латентность начинается с молчания жертвы, виктимологическая профилактика является наиболее экономичным механизмом её снижения. К числу мер относятся: информационные кампании о правилах ношения сумок и рюкзаков (перед собой, на замке), размещённые непосредственно в вагонах и на станциях; обучение населения алгоритму действий при обнаружении пропажи (немедленное обращение по телефону 102, фиксация времени и места, обращение к дежурному по станции); формирование установки на активное поведение очевидцев — немотивированное прикосновение и искусственно создаваемая давка должны расцениваться пассажиром как сигнал проверить имущество, а наблюдаемая кража — как основание для окрика и вызова полиции.

Эмпирическим основанием эффективности данного направления служит уже упомянутое свойство карманной кражи: преступник рассчитывает на отсутствие реакции. Изменение типовой реакции жертвы и толпы разрушает саму модель преступного поведения.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Латентность карманных краж в общественном транспорте является системным явлением, порождаемым взаимодействием трёх групп факторов: виктимологических (отложенное обнаружение пропажи и рациональное решение жертвы не обращаться в полицию), криминальных (профессиональные способы, минимизирующие момент обнаружения, и высокий рецидив) и организационных (трудность доказывания, пороговые ограничения квалификации). Снизить латентность возможно лишь комплексно: за счёт расширения видеоаналитики и оперативно-поисковой работы, корректировки правоприменительной практики на «пороговых» составах и, что принципиально, за счёт просвещения пассажиров. Общество, в котором каждый потерпевший обращается в полицию, а каждый очевидец реагирует, лишает карманника его главного ресурса — невидимости.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. на 2025 г.) — Ст. 158 // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изм.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 3.
3. Гаврилов, Б. Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики: монография / Б. Я. Гаврилов. — М.: Проспект, 2007. — 120 с.
4. Тайбаков, А. А. Криминологическое исследование карманных краж и их предупреждение органами внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук / А. А. Тайбаков. — М., 1992. — 197 с.
5. Кокорева, Л. В. Методика расследования карманных краж, совершенных в общественном транспорте: дис. … канд. юрид. наук / Л. В. Кокорева. — М., 2010. — 307 с.
6. Гуров, А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А. И. Гуров. — М.: Юридическая литература, 1990.
7. Майоров, А. В. Криминологический портрет личности преступника, совершающего карманные кражи / А. В. Майоров // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 3 (18). — С. 20–26.
8. Яни, П. С. Кража из одежды, сумки и другой ручной клади / П. С. Яни // Законность. — 2016. — № 5. — С. 34–37.
9. Башков, А. В. Кража имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем: спорный вопрос квалификации / А. В. Башков // Российский юридический журнал. — 2014. — № 6. — С. 42–45.
10. Савенко, И. А. Проблемы судебной практики по делам о кражах из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем / И. А. Савенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2015. — № 3 (29). — С. 34–35.
11. Чернышев, Д. Б. Кража из «чужого кармана»: проблемы квалификации / Д. Б. Чернышев // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2024. — Т. 15, № 1 (55). — С. 133–137.
12. Егер, У. Б. Техника профессионального карманника / У. Б. Егер; пер. с нем. — СПб.: Полигон, 1997. — 92 с.
13. Храните ваши денежки: на каких линиях московского метро чаще всего воруют // Комсомольская правда. — 2021. — 14 янв. — URL: https://www.kp.ru/daily/27226/4352350/
14. Памятные материалы УВД на Московском метрополитене ГУ МВД России по г. Москве о профилактике карманных краж // Официальный сайт ГУ МВД России по г. Москве. — URL: https://77.мвд.рф/news/item/20523318
15. Система видеоаналитики «Сфера» в Московском метрополитене // Коммерсантъ. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/6492887
16. Особенности мер по предупреждению корыстных преступлений на Московском метрополитене, реализуемые органами внутренних дел // КиберЛенинка. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mer-po-preduprehdeniyu-korystnyh-prestupleniy-na-moskovskom-metropolitene-realizuemye-organami-vnutrennih-del

3

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (650) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 02.12.2026. Дата выхода в свет: 09.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.